

РЫБОЛОВ- СПОРТСМЕН

АПЬМАНАХ

40

РЫБОЛОВ- СПОРТСМЕН

АЛЬМАНАХ 40

**У РЫБАЦКОГО
КОСТРА**

**КЛУБ
РЫБОЛОВА**

**С УДОЧКОЙ
И РЮКЗАКОМ**

**КРУПИЦЫ
МАСТЕРСТВА**

**НОВИЧКИ
НА ВОДОЕМЕ**

**ПО
МЕРИДИАНАМ**

**В ЦАРСТВЕ
НЕПТУНА**

**РЫБОЛОВ-
БИБЛИОФИЛ**

Москва
«Физкультура и спорт»
1980

Составитель:

И. А. ФЕДОТЕНКОВ

Редколлегия:

В. БАРАНЧУК

Т. ЛЯХОВЕЦКАЯ

М. МАТВЕЕВ

В. НАУМОВ

Е. ОГНЕВ

О. СОБОЛЕВ

В. ТЕНДРЯКОВ

И. ФЕДОТЕНКОВ

Н. ФЕТИНОВ

Оформление:

А. СЕМЕНОВА, Б. ФЕДОТОВА

**Рыболов-спортсмен: Альманах. Вып. 40. /Сост.
Р93 И. Федотенков. — М.: Физкультура и спорт, 1980. —
159 с., ил.**

Очередной выпуск альманаха содержит рассказы и очерки советских и зарубежных авторов, статьи ученых-ихтиологов, рыболовов-практиков и журналистов об актуальных проблемах, опыте мастеров и новинках рыболовного спорта в нашей стране и за рубежом.

Рассчитана на массового читателя.

Р 40800—081 116—80
009(01)—80

**ББК 47.2
639.2**

4002020000

У РЫБАЦКОГО КОСТРА

Анатолий Онегов

ТАЙНА ЛЬДА

Есть у первого зимнего льда своя прелесть и своя тайна. Они-то, красота и тайна, и зовут к себе, зовут все дальше и дальше от берега на самую середину замерзшего, остановившегося плеса.

Гулочек, прозрачен и искрист первый лед. Тронешь его чуток лезвием пешни, и пройдет под тобой от берега до берега глубокий, неясный гул воды и льда.

Вырвется, выбьется из-под острия пешни легкий льдистый осколок, сверкнет на утреннем солнце розовым и голубым цветом, откатится недалеко и останется гореть камнем-самонетом до самого вечера.

Тихо на первом льду, необычно после буйной осенней волны, которая, кажется, только что гремела по озеру, крушила последний тростник, но вот успокоилась и отошла к зимнему сну. Спит уставшая, нагулявшаяся с весны вода, и куда делся ее недавний мрачный цвет, куда делся облеслый, сырой, перекрученный тростник! Нет ничего — и только чистота льда да желтые щеточки тростниковых столбиков горят в морозном солнце веселым чистым светом.

Сделаешь первый шаг по застывшему озеру и остановишься. И не от страха — мол, тонок лед, треснет сейчас под ногой, а от необычности состояния: ты над водой, над глубиной озера. Вот под ногами у тебя его дно, еще близкое, видное до камушка, до всякого осевшего на дно листа недавней травы. Дальше дно глубже, темнее, но видишь ты и затонувшую ветку, а рядом с веткой чуть приметную от темных спинок ватагу окуньков-маломеров. И так все время, пока идешь по заливу, идешь медленно, чтобы привыкнуть к новой зимней воде, и долго не можешь принять, пережить необычность первого льда.

Первый лед трезв и спокоен. Он не пьянит, не зовет в пляс, не приглашает к веселому рассказу, как весенний, последний лед, голубой и озорной от солнца и талой воды. По перволедью тыходишь в тайну, а настоящая тайна всегда молчалива. И не знаю я, что все-таки лучше: вот так вот медленно, шаг за шагом, идти по первому льду все дальше и дальше, все глубже и глубже или вынестись на быстрых санках-финках сразу на середину озера?..

О том, что лед уже держит, что охота за перволедным окунем началась, узнал я сразу, заметив из окна далекую, но ясную на льду фигурку человека, катившую вдоль берега на санках-финках.

Санки-финки стоят того, чтобы о них сказать, чтобы вспомнить острый, как у конька, полоз, полоз долгий и быстрый, чтобы увидеть снова ладные, аккуратные досочки-планочки нарядного стульчика-седельщика. Легкие и быстрые, эти санки проносят тебя по такому тонкому ледку, ступить на который ногой еще опасно. Другой раз и не сходит рыболов со своих скорых саней, а сидит прямо на седельшке и потягивает из-под себя упорных полосатых рыб-окуней.

На полоз для финок нужна хорошая, быстрая и узкая сталь, как для самого лучшего конька. По старым кузницам и у старых кузнецов такие быстрые полоски находились, а по новым да у новых кузнецов несомненно сыщешь подходящий металл, а потому и заказать теперь финки не так-то легко. А разыщешь нужный полоз, закажи финки только хорошему мастеру, чтобы выгнул полоски-полозья впереди красиво, чтобы ладно и видно поставил на полозья стульчик-седельшко, чтобы сделал у стульчика, у санок, удобную точеную спинку-ручку из крепкого дерева, а само бы седельшко

заложи́л ровно гладкими дощечками-планочками. И тогда кати себе в любую сторону, ищи по первому льду свое счастье, карауль, выманивай к лунке-проруби большеротых окуней.

К финкам рыболову, что выехал на первый лед за окунями, положена небольшая сумочка, где хранятся в пути легкий топорик и короткая зимняя удочка. Топорик легко и негромко вскрывает узкую прорубь, и в это окошечко уходит под лед маленькая, юркая блесенка-окуневка.

Давно не встречал я на льду рыболовов, по-настоящему промышлявших перволедных окуней одной блесенкой. Давно завелись у нас добрые зимние снасти, напридумывали мы самых разных сторожков и мормышек, научились мы выманивать к лункам любую рыбу и больше не игрой снасти, а богатыми дарами-прикормками. Знал и я все эти премудрости и не думал, что однажды встречу на льду людей, которые все еще помнят главную дедовскую снасть-блесну, помнят и любят главную старинную перволедную потеху — блеснение окуней.

Удивили меня логмозерские старики своей немудрой снастью. Не удочка, а короткая прочная палочка, как тонкие кнутовище, не леска-невидимка, а добрый шнур, каким ловят теперь лишь щук да сазанов. Лески у стариков короткие — мелко озеро, да и идет окунь еще в самые берега — так что с метр всего и лески-шнура, а на конце толстой лески поводок потоньше, на котором и сверкала крохотная металлическая полоска с впаянным в нее зацепистым крючком без бородки.

И крючки и блесенки старики делали сами. Блесенки тут же оживали в воде, и узнать тогда в них металлическую поделку не было никакой возможности. Блесенками старики долго не играли, не пугали рыбу: макнут раз, другой, много — третий и задержат на у самого дна, то в полводы, то под самой прорубью-лункой, задержат на минуту, другую, опять качнут и опять задержат на время.

Глядишь за такой рыбалкой и кажется, что старик спит, спит потому, что стар. Привыкнешь к такой неторопливой ловле, заглядишься и не усмотришь момент, когда удочка-палка в руках старика чуть дрогнет, и тут же выскочит на лед полосатый красавец, красногрудый, большеротый окунь шириной в хорошую мужскую ладонь.

Метнется окунь из проруби вверх на лед, соскочит сам с крючка без бородки. Ухватишь

взглядом только что пойманную рыбину и не заметишь, что старик уже тащит из-под льда другого, третьего окуня-лобана. И быстро так, ловко, только-рукой водит. Три, четыре рыбины, много — пять, все. Окунь налетел, нашел на старого рыболова по своей старой тропе и двинулся дальше по своей зимней дороге, которая известна, конечно, удачливому рыболову. Но не кинулся старый рыболов за рыбой. Дал ей успокоиться, оглядеться, подобрал пойманных окуней, положил в сумку топор, удочку, повесил сумку на ручку финок и покати́л дальше, обходя стороной, окуневую тропу. Обошел издалека, остановился, открыл топориком во льду узкую прорубь-лунку и снова будто заснул над окошечком открытой воды. И так весь день, встречая, отпуская дальше и снова дожидаясь у лунки окуней, вел старик свою мирную, умную охоту за перволедной тяжелой и пугливой рыбой.

Рыболовы помоложе чуть торопливее стариков, чуть побыстрее на льду с санками, но все и у них так же мирно и умно, и так же богата их ловля. Нет на таком первом льду ни крика, ни шума — пуглива под тонким льдом на мелкой воде рыба, да и не дадут тут шуметь — кышнут, и замолчат крикуны, перестанут возиться, а то и прогонят таких крикунов совсем и близко не подпустят.

Держалась по первому льду здесь на Логм-озере старая, добрая охота, не уступая пока место новым, шумным промыслам, держалась верно и уважалась всеми, будто говорила другому, новому, молодому, а оттого и шумному: «Что ваш шум — беготня одна, а беготня, она пройдет с молодыми годами, и вернетесь вы сюда, поклонитесь старому дедке, если доживет он до ваших поклонов, и притихнете над мелкой водой, прикрытой тонким ледком. Притихнете обязательно, ибо с шумом да торопыгой не пойдет у вас ничего, как надо. Пуглив он, перволедный окунь...»

Охота за окунем — большеротым, тяжелым — длилась, увы, недолго. Лед крепчал, садился на дно, давил мелкую воду заливов, и окунь уходил, скатывался в Оного, и оставались под тяжелым льдом, уже занесенным снегом, лишь мелкие окуньки, невеликие плотвички и разбойные ерши. Вот за этой, веселой на клев, рыбой и отправлялся я порой в хорошие дни вместе с женой и сыном.

Окна моего дома глядели прямо на озеро. И еще с утра, выбравшись из-под теплого одеяла, сынишка шлепал босыми ногами к морозному окну, находил на окне дырочку в мо-

розе и извещал меня довольно-таки точно и подробно, где собрались сейчас «пингвины» и в каком числе.

Издали кучки рыболовов на льду и вправду походили на пингинов. С утра наши поднадзорные «пингвины» расходились по всему озеру, но вот кто-то находил рыбку, и тогда, как пингвины, рыболовы собирались вместе большими и малыми кучками. Если это место всех собравшихся не устраивало, то «пингвины» снова разбредались по льду, и только к послеобеденному клеву кучки рыболовов более менее определялись в тех или иных местах. Все эти места мы знали и, наскоро пообедав, торопились туда, где рыболовов было побольше.

Сверлить лунки было еще легко, я быстро справлялся с этой работой, готовил три лунки, и наше дружное трио занимало свои места у притесненных окошечек в зимнюю воду. Мы торжественно ждали, когда и у кого тронет сначала окунок легкую желтую или светленькую, в зависимости от погоды, мормышку, у кого первого вздрогнет и качнется вниз тонкий сторожок из кабаньей щетинки.

Выходить на озеро с утра я не мог — с утра я обычно работал, прикрыв от соблазна окно занавеской. Но соблазн был так велик, что, закончив очередную страничку, я выпрашивал сам у себя разрешение отвести занавеску и глянуть хоть краем глаза на озеро и на рыболовов-«пингинов»... А потом, после озера, как в былые языческие времена, мы готовили, наставляли уху из окуней и ершей, топили печь самыми лучшими березовыми полешками, грелись у печи и вспоминали вслух все, что видели, слышали и что запомнилось нам в этот день на озере, на льду, около наших лунок...

И, честное слово, эти несколько коротких вечерних часов, когда выпадала погода и когда я успевал до обеда закончить работу, были для нас большой наградой за всю нашу беспокойную кочевую жизнь, за худые дома, в которых жили мы в самые крутые холода, за нервы, издерганные от встреч с жадностью и грязью на воде и в лесу, и, конечно, за наше упрямое стремление даже при вечном беспокойстве сохранить дружное, смелое трио, которое к тому времени уже в полном составе могло ступить на любую трудную, но обязательно честную дорогу.

К декабрю зимний день угасал совсем, от него оставался лишь кусочек полусветлого, полусумрачного неба, и под этим хмарым небом уже не собирались на потяжелевшем льду Логмозера недавние рыболовы-«пингви-

ны». Лед давил воду, рыба уходила, и вся рыбалка замирала на озере до весны, до тех пор, когда наша своенравная протока подточит снизу перекрывший ее лед и пустит в озеро первую струйку свежей воды...

До настоящей весны еще было далеко, еще только-только заступил на северную землю осторожный март, но солнце уже показалось, светило, и на солнце ночные морозы стали заметно отпускать. Где-то успела набраться первых весенних сил и наша протока, и вода в ней двинулась. В проруби, где я брал воду, течение уже было заметно, и я с нетерпением стал ждать на озере первых рыболовов.

Рыболовы объявились скоро, и первыми на льду показались и на этот раз старые логмозерские дедки. Лед был толст — длинный ледоруб-лопатка уходил в лед по самую ручку, а до воды все еще не добирался. По такому тяжелому льду путешествовать вслед за окунью стаями было уже не так просто, как в перволедье, и старики теперь больше сидели на месте, пробив толстый лед тяжелыми кованными ломками-пешнями. Сидел теперь каждый старик поодаль один от другого, сидели они так же мирно и сонно, будто прибрежи не на рыбалку, а погреться на весеннем солнце после долгого зимнего сна.

Рыбачили старики по весне не в заливе, где лед придушил воду совсем еще в начале зимы, а далеко от берега, где, по моим приметам, и должно было крутиться старое русло протоки. Навестаться тут же к логмозерским старикам я не мог и стал терпеливо ждать воскресного дня, когда на лед вслед за стариками выберутся и наши шуйские рыболовы. Они редко обходили меня, заглядывали после озера на огонек выпить стакан горячего чая или просто так побеседовать о видах на скорую весну. От них-то я собирался получить первые сведения про весенний лед: как он, тяжел ли, где больше воды и пошел ли первый окунь?

Окунь был первой весенней рыбой, которая возвращалась к нам из онежских глубин. Сначала шел мелкий окуnek, и часто этого окунька перебивал у лунки тяжелый и ленивый логмозерский ерш. Потом за мелким окуньком входил на свежую воду и окуnek покрупней. И только после того как объявлялся самый крупный окунь, в озеро катила подледная весенняя плотва.

Если окуня по весне ловили немного, то уловы плотвы бывали порой столь велики, что такого улова за один воскресный день хватало большой семье до следующего вы-

ходного дня. Плотва обычно шла крупная, сильная, и ловить ее на тонкую снасть было одним удовольствием. Правда, это удовольствие омрачалось по весне, по теплоту и потопу и разгульному времени, шумными рыбацкими отрядами, что являлись на лед озера за плотвой на машинах, мотоциклах и мопедах.

И какая уж там ловля, когда рыба ползет под самым льдом — воды-то под ним осталось всего-навсего с полметра, — а сверху прямо по рыбе трещат мопеды и мотоциклы. И ладно бы шум стоял лишь в воскресенье, а то в весенние дни свет держится над озером долго, и после работы можно каждый день катить на мопедах и мотоциклах за рыбой.

Конечно, я не мог осуждать людей, которые, как и я, ждали этих теплых весенних дней, стремились на лед, чтобы посидеть над лункой, попытать свое рыбацкое счастье. Но после весенних рыбалок на дальних лесных озерах, где твоими трофеями, твоими находками были не только крупная рыба, не только богатый улов, но еще и весенняя тишина, особая, радостная от ожидания близкого тепла, я никак не мог привыкнуть к шумному рыбацкому игрищу на последнем льду Логмозера.

Как я и ожидал, в воскресный день на лед набралось предостаточно народу. Непутевые рыбацки, что попадались по весне в достаточном количестве, с шутками и прибаутками сверлили лед вдоль и поперек озера, разыскивая рыбу. Терпения этим торопыгам явно не хватало, и они, поймав мелкой рыбешки на худую уху, с треском и гамом покатили домой. Но многочисленные лунки, насверленные непутевыми рыбацками, оставались, и на следующее утро вскрыть такую лунку было куда легче, чем сверлить новую в толстом льду. Вот и ждал я первого визита знакомых рыбацких с Логмозера, чтобы все узнать, а завтра с утра пораньше пойти на озеро и поискать свое счастье на весеннем льду.

Вечером я узнал, что рыбалка в этот первый весенний день не вышла, что никто ничего путного так и не поймал. Правда, на этот раз, видимо к ранней весне, в озеро заявила и плотва — несколько порядочных плотвиц выловили, но больше не нашли.

И вот наступило утро, мое долгожданное утро первого весеннего льда. Рыболовов на озере почти не было. Мороз ночью выпал невеликий, и я легко вскрыл насверленные вчера лунки. В первой же лунке вывернулся окуnek, ударил по мормышке и сломал крючок. Потом окуньки клевали чаще, а я все искал такое место,

куда могла бы заглянуть первая весенняя плотва.

Недалеко от меня сидел на ведре знакомый логмозерский дед, старый кузнец. Время санок-финок отошло — по льду лежал толстый снег, и старый кузнец бродил теперь по озеру пешком, волоча за собой тяжеленную рыбацкую пешню и тяжелое ведро с рыбой. В ведре у рыболова были хорошие окуни, но плотва ему не попадалась пока, да и ловить ее он не собирался, когда в озере была другая рыба. Наши пути-дороги разошлись — кузнец остался на середине озера, а я потихоньку побрел к берегу в тростники, куда плотва, по моим расчетам, должна была явиться в первую очередь.

У тростника готовых лунок не было. Я приготовил лунку и прикрыл ее на время снегом. Все было готово, но я стоял, любовался тепло-голубым цветом весеннего снега и вытаявшими из-под него лбами больших камней-валунов. Каменные лбы дымились под теплым солнцем. На льду от солнца кое-где раскисал снежок. Время было чудесное, тихое, с какой-то особой спокойной тишиной ранней, но уверенной весны.

Я присел у лунки, развел концом удочки снег и, затаив дыхание, опустил в дырочку-оконце белую мормышку...

Мормышка дошла до дна быстро — воды подо льдом было в этом месте всего тридцать-сорок сантиметров. Только не шуметь — плотва услышит малейший шум. Я стоял перед лункой на коленях, чуть приподняв удочку. Тишина. Рыба не отзывалась на игру крошечной мормышки, украшенной тройкой рубиновых мотылей.

Еще раз мормышка поднялась ото дна, медленно поползла вверх, остановилась, чуть качнулась вниз и замерла вполводы. Мотыль был свежий, яркий, и плотва должна была его заметить. И тут что-то качнулось: то ли вода в лунке, то ли чуть кивнул сторожок. Я замер. Сторожок еле заметнo приподнялся, а потом сразу рванулся вниз. Подсечка, и вниз подо льдом заходила тяжелая, упрямая рыба. Рыбина рванулась в сторону под лед, и я почувствовал, как тяжесть пропала. Мормышка скользнула вверх и остановилась, впившись в край лунки.

И снова тайное ожидание встречи, полное надежд и возможных разочарований. И снова, но не сразу, а минут через десять, сторожок чуть дрогнул, чуть приподнялся вверх и рванулся вниз...

Весенняя большая плотва была хороша в своей серебристой одежде. Она тяжело лежа-

ла на подтаявшем снегу, а потому казалась выкованной из черного металла.

Плотва ловилась до самого вечера верно, но нечасто подходя к лунке. Но вот чуть стем-

ну, самую последнюю...» — копошилась во мне моя страсть... Нет, славен все-таки человек тем, что умеет вовремя остановиться, умеет не перейти границу, дозволенную умом, не по-

нело, с запада потянули сырые, пасмурные тучи, на лед разом упало тепло, и из лунок на лед вышла от большого тепла вода.

Вниз, до самого льда, спустился белесый туман. В этом сыром, душном тумане сторожок было еле видно, и я больше не по сторожку, а по удару рыбины догадывался, что пора вывести из лунки новую плотву.

Плотва будто сошла с ума, хватала мормышку на лету и брала, брала без остановки.

Вокруг меня по снегу лежала не одна тяжелая рыбина. В тумане серебро плотвы терялось, сливалось со снегом, и только по черным хвостам разбирал я на снегу пойманных рыб. Приходил азарт, где-то родилось было желание — ловить и ловить... «Ну, хоть еще одну,

потерять честь и остаться всегда человеком, который помнит не только о себе.

Рыбу я собирал на ощупь, руки мерзли от ледяного месива, в которое растекся недавний снег. Я шел домой по раскисшему снегу и в тумане с трудом угадывал очертания своего дома.

Дома меня уже потеряли, заждались. Первым к дверям кинулся сынишка и потребовал незамедлительно выложить на стол рыбу. Я притворно молчал о сегодняшнем дне и попросил сына принести для рыбы мисочку побольше. Мисочку мальчишка принес, но я отказался выкладывать свой улов в такую маломерную посуду. Мне подали миску поглубже, но я отказался и от этой миски. И когда, нако-

нец, жена поставила на стол тазик и потребовала не терзать мальчишке душу, полную трепетного ожидания, я сдался и разрешил своим домочадцам принять мой сегодняшний улов.

Плотва вызвала удивление, восторг. Но тут жена, сама страстный любитель подледного лова, сменила восторг на обычную для нас человеческую прозу: «А зачем столько наловил?»

Как мог правильно, я объяснил жене, что ловля была неожиданно богатой, но продолжать ее я не стал, а поймал больше только потому, что не буду долго ходить на озеро...

Говорят, что уха из плотвы нигде не годится — мол, такая уха плоха и горька на вкус. Может быть, если ловить для ухи плотву из заросшего гнилого озера, но весенняя плотва, явившаяся из глубин Онежского озера, хороша — сладка и остра в ухе. И такую ранневесеннюю плотву мы варили в этот вечер. А я рассказывал о тумане, кислом снеге и о том, как, стоя на коленях на этом снегу, я старался разглядеть в темноте сторожок удочки, а ошалевшие от богатого тепла рыбины хватили мормышку чуть ли не в лунке.

Таких удивительных дней на Логмозере я больше не пережил. Плотву обнаружили быстро и навалились на нее с шумом и гамом. И скоро весь лед у тростника был просверлен, продырявлен так, что для новой лунки не удавалось найти места. По озеру трещали мопеды и мотоциклы, по озеру гоняли на машинах, и почти все тащили и тащили с озера тяжеленные рыбацкие ящики-шарабаны, набитые плотвой.

Находиться в это время на льду было просто неприятно — плотву не ловили, а давили, соревнуясь друг с другом в умении надергать рыбы побольше и покрупней. Чем-то эта беспардонная ловля по весеннему льду напоминала мне дикое глушение миньков-налимов в начале зимы при свете горящих автомобильных шин.

Наверное, я был прав, ибо в те шумные дни на озере я уже не встречал мудрых логмозерских стариков, и только старый кузнец еще нет-нет да и появлялся на озере, волоча за собой тяжелую рыбацкую пешню. Но у него, пожалуй, было уже не то настроение — ловил он теперь мало, меньше оставался на льду, а когда и ловил рыбу, то чаще выбирал место в стороне.

Лед уже качался пол сапогом, уже там и там рыбацки проваливались в ледяную воду,

и уже никто не мог летать по озеру ни на мопедах, ни на мотоциклах. Шум облавной охоты поубавился, и я осмелился еще раз заглянуть на весенний лед.

В лунки, насверленные повсюду, урча неслась собравшаяся за день на льду вода, таща вместе с собой обрывки газет, пустые пачки от сигарет и папирос и прочий мусор, оставленный на весеннем льду.

Я обошел стороной место недавнего побоища, распугал воронье, собиравшее у лунок куски хлеба, плавленные сырки и брошенную мелкую рыбешку, и просверлил на чистом льду лунку.

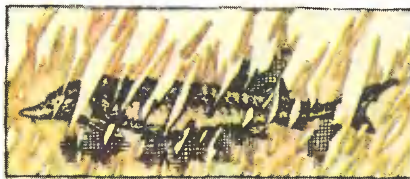
В лунку тут же понеслась с шумом крутая вода, собравшаяся на льду. Вода подхватила мормышку и закрутила ее подо льдом. И тут же резким ударом большая плотва оставила крошечный кусочек свинца. И началось. Плотва рвалась на чистую воду и хватала мормышку как сумасшедшая.

Я оставил ловлю и вернулся домой. Сынишка, помня мою последнюю рыбалку, притащил к двери тазик. Но на дно тазика я положил всего пять последних весенних плотвиц, тяжелых от набухшей икры. Плотва явилась на нерест, и все мы вместе с маленьким сыном согласились, что ловить ее в такое время просто нельзя, хотя существующие законы разрешали и мне, и другим рыбакам ловить по последнему льду плотву сколько душе угодно...

Но моя душа не принимала порой и разрешенное, дозволенное, кем-то принятое — так уж устроен человек, что живет он не одним днем, что думает не только о себе.

И пусть считается плотва сорной рыбой, но из этой рыбы варят чудесную весеннюю уху. И мне хочется, чтобы вкус этой ухи запомнился не только мне. Я думаю, что со мной согласится любой другой человек, умеющий не потерять человеческое достоинство даже тогда, когда за ним не следит инспектор рыбнадзора...

Рис. А. Семенова

Виктор Астафьев,

лауреат Государственной премии СССР

РЫБАК-ГРОХОТАЛО

В предыдущем выпуске альманаха наши читатели познакомились с рассказом Виктора Астафьева «Царь-рыба». За цикл произведений, объединенных этим названием, писателю присвоено в 1978 году высокое звание лауреата Государственной премии СССР.

«В «Царь-рыбе» с особой силой проявилось свойство таланта Виктора Астафьева: тот взгляд на мир, который представляет себе природу и человека как нечто неразрывное, взаимодействующее и взаимопроникающее. Отношение человека к окружающей природе — это уже и сам человек, его характер, его философия, его душа, его отношение к другим людям...». Так писала о значении «Царь-рыбы» «Литературная газета» (15 ноября 1978 года, № 46).

Рассказ «Царь-рыба» вызвал самый горячий отклик у наших читателей, и все они выражают в своих письмах в редакцию желание продолжить знакомство с произведениями Виктора Астафьева. Сегодня мы предлагаем еще один рассказ из цикла «Царь-рыба» — «Рыбак-Грохотало». В этом произведении читатель снова почувствует гневный голос писателя, его страстный протест против браконьерства, против всего того, что губит нашу природу, калечит души людей. Матерый хищник, Грохотало выписан в рассказе в гротесковой форме, все мерзкие черты браконьера, позорный крах его темного преступного перед природой и людьми дела вырисовываются с такой мощной силой, что поступки этого человека не могут оставить нас равнодушными.

Рыбак-Грохотало неподвижной глыбой лежал за жарко нагоревшим костром, сотрясая берег храпом, как будто из утробы в горло, из горла в утробу перекачивалась якорная цепь качаемого волнами корабля. Увидев впервые этого уворотня, я подивился его лицу. Гладкое, залуженное лицо было лунообразно, и, точно на луне, все предметы на нем смазаны: ни носа, ни глаз, ни бровей, лишь губки брусничного цвета и волосатая бородавка, которую угораздило поместиться на мясистом выпуклом лбу, издали похожая на ритуальное пятно, какое рисуют себе женщины страны Индии, бросались в глаза.

При взгляде на этого окладистого, всегда почему-то надуленного мужика вспоминался старый добрый британский классик: «Увы, лицо джентльмена не было овечно дыханием интеллекта...»

Долгий, кружной путь привел Грохотало в сибирский поселок Чуш. Родом он из-под Ровно, из небольшого хлебного селца Клевцы, куда, на лихую беду Грохотало и всех жителей села, выбитая из ковельских лесов забралась

банда бандеровцев и пережидала время, чтоб угодить под амнистию или умотать за кордон. Грохотало ни сном ни духом не ведал, что жизненные пути его перекрестятся с путями той истрепанной банды самостийщиков.

Стоявшее на веселом виду, среди полей, садов и перелесков, селцо Клевцы не вызывало подозрений. Патрульным службам, войску и милиции невдомек, что разгромленные самостийщики отсиживались близ города, жрали самогон, куражились над селянами, пощупывали молодок. Зажатые в щель, они и в самом деле, может, пересидели бы здесь смуту, но однажды в Клевцы пришла воинская машина за картошкой, с нею было два нестроевых солдата, сержант, тоже нестроевой, и шофер с тремя нашивками за ранения и с орденом Красной Звезды. Запившиеся до лютости бандеровцы схватили нестроевиков, истыкали их ножами, привязали веревками к буферу машины, выпустили из бака бензин, согнали селян «дывиться» и, выбрав самого здорового и мирного парнягу, под оружием принудили его бросить спичку.

На огонь, на черный дым, на дух горелого мяса и картошки нагрянул механизированный патруль, окружил деревушку Клевцы. Бандеровцы, пока не протрезвели, отстреливались, затем под дулами автоматов пригнали к пулеметам местных мужиков и попытались под их прикрытием скрыться. Взяли всех. Схватили и Грохотало, который, зажмурив глаза, давил на тугой спуск немецкого пулемета, повторяя: «А, мамочка моя! А, мамочка моя!» — пока его не оглушили прикладом.

Вместе с бандитами на битком набитой машине Грохотало доставили в ровенскую тюрьму. Мучили его допросами, но еще больше мучили «братья-самостийщики» после допросов в камере — он зажег бензин, палил червоноармейцев, сотворил черное дело, из-за которого столько невинных людей страдает. Самый он главный бандит, выходит, и потому на допросе пусть назовется главарем банды. Если же не сделает, как велено, «братья» прикинут его шубой или матрацем.

Но на суде Грохотало не стал петлять, честносердечно все о себе рассказал и миновал «вышки», получив десять лет строгого режима и затем пожизненную ссылку по месту отбытия наказания. Он строил железную дорогу на севере, не достроил, угодил в поселок Чуш, на заготовку леса. Достукав срок, остался здесь навсегда, даже в отпуск на Украину не ездил, боясь, что недобитые бандеровцы сыщут его и прикончат. Осибирячился Грохотало, однако и по сию пору, увидев в кино родные нивы, услышав родные песни, он мрачнел, терял присутствие духа, напивался и бил свою жену. Жена его, из местных чалдонок, баба боевая и тоже здоровая, оказывала сопротивление, царапалась да еще базланила на весь свет: «Банде-э-эра! Фашист! Людей живьем жег! Теперь надо мной изгаляться!..»

Грохотало заведовал в Чуши совхозной свиноводческой фермой, где был у него полный порядок. Свины даже в худые годы отменно плодились, план сдачи мяса государству перевыполнялся, фотоличность зава распирала рамку поселковой доски Почета, начальство хоть и не почитало его за дурной язык, за грубые манеры, однако не утесняло особо, сквозь пальцы глядело на то, что зав на совхозной ферме ежегодно выкармливал пару добрых кабанчиков для себя — убеждение, что вкуснее сала нет и не может быть продукта, он как привез с собою из Клевцов, так и не менял его. Грохотало не из тех людей, которые запросто меняют свои вещи.

Кроме сала и себя Грохотало признавал еще гроши, потому был рвачом, и как ему, уроженцу ровенских земель, ни жутко было пускаться на большую воду, он все же обучался ловить рыбу, которую сам не ел, продавал всю до хвостика. Натаскивал Грохотало покойный Кузьма Куклин, знаменитый на всю округу хитрован. Был Куклин хилогруд, маялся животом, с похмеля харкал кровью и потому в помощники выбирал парней здоровых и выпустил из-под крыла своего в полет не одного наторевшего в речном разбое удалца. Само собой, Куклин не был тятей питомца и сноровку не торопился передавать, наоборот, затягивал всячески обучение, норовил обделить в добыче. Чего не жалел мастер, так это матюков. Большую часть отпущенных природой матюков Куклин всадил в Грохотало, отвел душу. Но все вынес Грохотало и рыбачить выучился. Он перестал узнавать Куклина сразу, как только отделился от него.

Покойничек Кузьма, качая головой, говаривал «компаньонам»: «Помяните мое слово — погорит это мякинное брюхо, ши-ибко погорит! В нашем деле все свяшшыки друг с дружкой должны быть в спайке, держаться опчеством...»

За терпение, каторжный труд и выдержку бог был милосерден к Грохотало, скоро он занял место под знаменитой Каргой — Кабарожкой, что против лежащего в траве валуна величиной с баню. В ту морочную осеннюю ночь, когда громадная самоходка нашла носом утлую лодчонку браконьеров, Грохотало вроде бы слышал крик во тьме, но притаился, на выручку своего учителя не пошел. Подмяв лодчонку и даже не почувствовав удара, самоходка величественно удалилась в ночь. Куклина, как полагают рыбаки, зацепило мотором за плащ и утащило на дно. Так его по сию пору и не нашли. Новый помощник Кузьмы Куклина на обломанном носу лодки пригребся к берегу, и от реки его навсегда отворотило.

Карга, под ласковым названием Кабарожка, на которую многие зарились да ума не достало завладеть фартовым местом, если идти от берега малым ходом, находилась на трехсотом отсчете — как ни таился, ни шептал Куклин, Грохотало тоже догадался считать и сразу нашупал добычливое место. Обзавелся «Вихрем», дюралькой Грохотало — где, как раздобыл передовую технику, никому не говорил. На севере купить хороший мотор, лодку еще и поныне трудно, а в те годы привозили и продавали их только по блату. Летал на лодке Грохотало, выпятив грудь бочкой, все ему

нипочем: и расстояния, и знаменитая Кабарожка, и жизнь.

Дуром валила Грохотало рыба. Он не ска-
зывал по сколько хвостов брал с каждого само-

добытчиков, Грохотало, загребаемые глаза, в
одиночку боролся с матерым осетром. Сгоряча
он пробовал завалить его в лодку — силой
Грохотало бог не обидел, хватку нажил. Но как

лова, но много, видеть, потому что бормо-
туху совсем пить перестал, перешел на водку,
к тому же на «Экстру». Морда его еще пуше
блестела, будто от рыбьего жира, губки полы-
хали, как у городской девки. Порозом, нехо-
лощенным, значит, боровом, называли его мест-
ные добытчики. Глодала их черная зависть,
и, когда однажды у лодки Грохотало поднялся
шум, плеск и стало ясно, что впилился на его
самолов осетр, согласно решили соратники:
«Хватит! Надо с этим делом кончать! Пора
сгонять хохла с Кабарожки, порезать концы,
издырывать дюральку. Рыпаться станет — при-
пугнуть, не подействует припуг, найдется кой-то
поубоистей».

Пока чувство мщения рвало сердца и груди

глянул на рыбака «дядек» свинными глазками,
как лупанул хвостом по воде — хвост что у
аэроплана, Грохотало и осел: одному, на стре-
жи, не взять. Благодарение старикану Кузьме
Куклину, впрок пошли его научные матюки.
Всадив еще десяток уд в тугую кожу осетра,
Грохотало обрезал якорницы и попер рыбину
на буксире к берегу. На веслах пер, мотором
нельзя — тяжелая, сильная рыба — обор-
вешь. Осетр между тем очухался, уразумел,
куда и зачем его тартают, забултыхался, за-
хлестал хвостом, под лодку уходил, круги вер-
тел на воде. Почувяв брюхом мель, и вовсе
осатанился, дельфином из воды выпрыгивал,
фортеля выделял, что циркач. Крючки лома-
лись, капроновые коленца лопались.

Умаянного, в клочья изорванного, на двух крючках уже привел Грохотало осетра на отмель, выпрыгнул через борт, чтоб схватить рыбу под жабры, и ошпарил: на боку лежала угрюмая животиная, побрякивая жабрами, и не жабрами, прямо-таки крышками кастрюль. На человека рыбина смотрела с корябющим спину, усталым спокойствием. Но Грохотало напугать уже ничем нельзя.

— А-а, батька, й-ёго мать! — заорал Грохотало и, подхватив осетра, поволок его на берег. Почти до обрыва допер, до леса почти, и там, упавши рядом с осетром, валялся на камнях, бил кулаком в зазубренную спину рыбины, в череп бил.

— Га-а! Га-а! Зачепывсь! Зачепывсь! Га-а! Га-а! О то ж! О то ж! — этого ликования оказалось мало для взбудораженной души. Грохотало вскочил, забухал сапожищами по камням и все чего-то орал, махая руками.

«Горе крепит, счастье слепит» — такую поговорку не единожды слышал Грохотало. Африканцы тоже предостерегающе изрекли: «Тыловишь маленькую рыбку, а к тебе подбирается крокодил». Но ни про что не помнил в ту минуту ошеломляющего счастья Грохотало. Между тем река очистилась от лодок, добытчики расплозились «по углам», завидев вдали подозрительную дюральку, и, когда, заурчав и тут же смолкнув, в берег ткнулась эта самая подозрительная дюралька и на камни ее подтащил высокий, костлявый мужик с цыганским чубом и крупным лицом, по которому отвесно падали глубокие складки, Грохотало напустил на себя куражливый вид, полагая, что какой-то наезжий чудаковатый подвернул «подывиться» на «дядька». Тот все еще несогласно лупил хвостом, подпрыгивал, аж камешник разлетался шрапнелью, попадая в морду ликующему добытчику.

Незнакомый человек приблизился к бунтующему осетру, прижал его сапогом, взялся мерить четвертями. Грохотало хотел рывкнуть: «Нэ чипай!», но душевное торжество, предчувствие денег и выпивки, которой он не делился с «шыкалами» — так он именовал остальных браконьеров, приподнимали его чувства, не давали опуститься до пустого зла. Наоборот, нутро подмывало непривычной теплотой, позывало к общению, разговору.

— Вот зачепыв рыбочку-у! — перехваченным голосом сообщил он и от возбуждения простодушно загагакал, почесал живот поддернул штаны, не зная, что еще сделать и сказать, он принялся трепетной ладонью обти-

рать с осетра песок, воркуя что-то нежное, словно щекотал, почесывал молочного поросятенка.

— Повезло тебе!

— Та уж... — скромно потупился Грохотало. — Уметь трэба. Место знать — и, мрея сердцем, заранее прикинув, сколько грошей огребет за рыбину, но все-таки зăнижая вес осетра, дабы получить затем еще большее наслаждение, с редчайшей для него вежливостью поинтересовался: — Кил сорок будет?

Мужчина скользнул по Грохотало утомленным взглядом и нехорошо пошевелил складками рта:

— Ну зачем же скромничать? Все шестьдесят! Глаз — ватерпас! Ошибаюсь на килограмм, не больше.

Грохотало, вышколенный осадной войною самостийщиков, трусливыми их набегами на спящие села, на подводы и машины, битый арестанской жизнью, способный почувствовать всякую себе опасность за версту, если не за десять, встревожился:

— Кто такой?

Человек назвалса.

И обвис Грохотало тряпично. Руки, щеки, даже лоб с бородавкой обвяли, жидко оттянулись, и всему справному телу рыбака сделалось как-то неупористо, вроде только одежда и держала его да мешок кожи, а то развалилось бы тело, что глиняное, в то же время в нем было ощущение какое-то неземное, словно оторвался он от земли, и несло его, несло, вот-вот должно грохнуть меж холодных камней, и будет он лежать на берегу разбитый, всеми забытый, песком его присыплет, снегом занесет. Вот как жалко стало человеку себя, вот как ушибло его — прошлая жизнь вместила в одну короткую минуту — все-то тащит его куда-то, кружит, кружит и раз мордой об забор! И все уж в нем кровоточит: сердце, печенки, селезенки, потому что всякая неприятность, всякая душеверть в первую очередь Грохотало несчастного находит. Извольте вот радоваться! Объявился новый рыбинспектор! Переведен из Туруханска вместо Семена. Там его, по слухам, стреляли, да не до смерти. «У-у, й-ёго батьки мать! Не я тоби стреляв...» — попробовал скрипнуть зубами Грохотало, да не было силы на злость, обида, боль бросали на привычное, спасительное унижение.

— Гражданин начальник! Никого нэма...

Грохотало слглотнул слюну, понимая: не то делает, не туда его понесло, но ведь ровенца уж если понесет, так понесет — не остано-

вить. — Мабуть в ём икра? Поделим. Выпьемо тыхо-мырно. В мэнэ сало е, — ухватился он за последнее средство, — слышь, гражданин начальник!..

— Брысь! — рыбинспектор сверкнул рысиными глазами и, положив старую полевую сумку на колено, начал писать.

Грохотало в изнеможении опустил на камень. Сидел, сидел и давай дубасить себя кулачищем по лбу, в то место, где бородавка, словно вколачивал шляпку гвоздя в чурбак, затем начал громко материться, намекая рыбнадзору, что, если он пойдет не с «народом», головы не сносит, здесь стрелки не то что в Туруханске, здесь оторвы такие, каких на свете мало.

Рыбинспектор не устаивал разговором Грохотало, царапал ручкой и, когда бумагу сунул, не пригласил: «Распишись», лишь ткнул костлявым, давно разрубленным по ногтю пальцем в то место, где злоумышленник обязан учинить подпись. Сунув книгу актов и ручку в залощенную, еще военных времен, полевую сумку, рыбинспектор закинул ее привычным командирским броском на бок, волоком затащил осетра в лодку и, брякнув им о железное дно, оттолкнулся веслом на глубину, отурился на стрежинке, наматывая на руку заводной шнурок.

Почему-то военная сумка вызвала у Грохотало особенную ярость, может, сорок пятый год вспомнился, следовательно с сумкой? Может, северный строгий лагерь, где военные сплошь щеголяли при сумках, может, и ничего не вспомнилось, просто раздирало клокочущую грудь.

Да где же, на чем же душу-то отвести? И как жить? За каким же чертом так надсадно и тяжело отстаивал он себя и эту самую жизнь, к чему перенес столько мук? Отчего клин да яма, клин да яма на его пути?..

КОРЕНЬ

У лесного озера, над которым шепчутся вековые сосны и ветлы, стоит шалаш. Маленьким оконцем смотрит он на озерную гладь. И когда тишина у озера нарушается приезжими рыболовами, из шалаша выходит старичок. Прикладывает ладонь к глазам и внимательно рассматривает рыболовов. Если добрые люди пожаловали на озеро, то старичок всяческую им помощь окажет. А браконьеры туда давненько не заглядывали: понаслышаны о строгом озерном страже. Вот и все, что было известно мне о Федоре Ивановиче Селезневеве до знакомства с ним. Да слышал еще, что прозвище есть у него странное — Корень.

...Мы, группа городских рыболовов, удили как-то на том самом загадочном озере. Откуда-то появился сухонький старик. Сколько лет было ему, трудно определить, но, глядя на его испещренное морщинами лицо, седины, чувствовалось, что пожил этот человек немало. Сам он не удил рыбу, а ходил от одного рыболова к другому и давал советы. Обычно рыболовы не любят таких советчиков и гонят их прочь, но на этого никто из нас не сердился. Уж очень ласков он был в обращении. Да и стоило ему появиться рядом с рыболовом, как у того начинался хороший клев.

Подошел старик и ко мне. Разговорились. Он рассказал о рыбе, населяющей озеро, о ее повадках. А когда я в ответ на доброту подарил ему десяток кованых рыболовных крючков, старик показал мне свое заветное, богатое рыбой местечко под старой полусгнившей ветлой. Ветла та наклонилась над водой и опустила в нее свои ветви-руки, словно пробуя: холодна ли водица, в которую в скором времени ей предстоит упасть.

— Ты пивочку на крючок насади, пивочку, — суется старик, советуя ловить окуней на коричневую пивку, которую можно было найти, перевернув лист кувшинки.

И в самом деле, на пивку клевали крупные окуни. Я так увлекся их ловлей, что и про старика забыл. И он неслышно ушел.

А к вечеру из-за леса поплыли по небу косматые тучи, подул резкий ветер. Сгустилась хо-

лодная ночь. Тут только мы вспомнили, что пора и о ночлеге подумать. Рыболовы — люди находчивые. Кто-то предложил построить наскоро шалаш. И вдруг слышим голос старика:

— Да не надо его строить. У меня шалаш большой. И уха уже готова на всех. Идите за мной...

В укромном сухом месте под большими ветлами мы увидели шалаш. То был не шалаш, а целая гостиница. В нем было просторно и чисто. Рядом с шалашом горел костер, похрупывая сушняком. На пне — ведро с дымящейся ухой. Пока мы уплетали уху да похваливали ее, старик сидел в стороне и довольно щурился.

После ужина сон сморил моих товарищей. Они ушли спать в шалаш. А мне очень хотелось поговорить с интересным стариком.

— А сам почему рыбу вечером не ловил? — спрашиваю.

— А зачем ее много-то ловить... Я утром десяток окуней поймал. Вот они на ужин и пригодились. Да и не жаден я до богатых уловов. Мне глоток зари свежей дороже...

В двух-трех километрах виднелись огоньки села. Вскоре они погасли. Старик сидел у костра. И я, догадавшись, что холодно ему, подбросил в огонь сучьев.

— Давно в этих местах живешь? — снова спрашиваю.

— Всю жизнь... У меня пять сыновей, внуки... С меня тут, можно сказать, все и началось — одним из первых этот совхоз поднимать начал. В землю родную-врос. Слышал, поди, Корнем меня окрестили. А я не обижаюсь. Самый настоящий я тут корень.

— Хорошая пшеница в местном совхозе уродилась, — говорю. — Видел ее, когда сюда ехали. Вон и сейчас слышно: комбайны ходят.

— Да... работают люди, — сказал старик. И послышалась в его словах обида.

— Ну а ты тоже, поди, помогаешь посылно совхозу, — продолжаю расспрашивать.

— Да нет, — махнул старик костлявой рукой, словно от назойливой мухи отмахнулся. — Когда и помоложе был, настоящей работы

не доверяли. Воду возил на лошадке, обеды в поле... Бросил. Это всякий мальчишка или баба сможет сделать.

— Что, ленился? — вырвалось у меня. И я замолчал, боясь обидеть человека.

А он, опершись руками о землю, встал и, неловко ступая, подошел к куче сушняка. Взял несколько сучьев и бросил в огонь. Переступает старик с ноги на ногу, а они — «скрип, скрип...» и тут только я понял: ноги у него протезные.

Неловко стало.

А старик без обиды в голосе говорит тихо:

— Инвалидом я с войны вернулся. Под Сталинградом меня миной... Вот с тех пор и не работник я настоящий. Но дело я себе нашел по душе. Пасека у меня, знаешь, какая! Не у

меня — у совхоза! Заодно и за озером присматриваю. Ловить рыбу, брат, приятно, ее и оберегать надо... Весной, когда вода спала, я целую неделю мальков из ям на берегу сачком вылавливал да в озеро относил. А не то — погибли бы... Браконьеров пужну иногда.

Лицо старика оживилось. Чувствовалось, что хочет он быть полезным родной природе, добрым людям.

— Ты шел бы спать, милый человек, — сказал старик мне ласково. — Я всех вовремя разбужу. Зорьку нам проспаться нельзя. Ложись... А я на пасеку схожу. Недалеко тут.

Рис. А. Семенова

Богдан Гамера

ХОРОШАЯ ВОДА

— Ты вот говоришь, что рыбалка с удочкой — это слишком мало для большого приключения. Смотря кто как к этому относится. Хемингуэя ты, конечно, читал, да? Я уж не говорю о повести «Старик и море», а имею в виду рассказы о ловле с удочкой. Читал ли ты их?

— Читал. И еще читал бы и перечитывал. Но, мой милый, то ведь Хемингуэй!

— Вот именно, что то Хемингуэй, то Америка, там все может приключиться, не так ли? Дескать, не то что в нашей серенькой стране, да? А вот со мной, знаешь, произошел такой небывалый случай, который может приключиться только в нашей стране.

— Ты поймал во-о-от такую рыбу!

— Нет.

— Огромная щука затянула тебя вглубь, а ты схватил ее за уши и выбросил на берег.

— Я поймал одну жалкую плотвичку.

— Ну и что из этого?

— Если хочешь послушать, я тебе расскажу.

— Слушаю, слушаю с большим напряжением.

— Можешь и без напряжения, это уж твое дело. Ну так вот, как тебе известно, наши воды из-за хищнического отношения к рыбному хозяйству, отравления сточными водами и браконьерства остались почти без рыбы. Правда, союз рыболовов взялся за дело, и в некоторых местах это уже чувствуется, но настоящих результатов придется ждать еще много лет. В таких условиях открытие какой-нибудь хорошей воды, где рыба еще клюет, — это сенсация. Один мой приятель открыл такую воду. Не буду подробно объяснять где, потому что тебе это незачем знать. Он мне порассказал о ней таких чудес, что я решил съездить туда. Материал для репортажа найдется в лю-

бом месте, а если вдобавок к этому еще удастся хоть раз по-человечески поудить рыбу...

— И пережить большое приключение.

— Да ну... На приключение я не рассчитывал. Хотя, впрочем, каждая рыбалка с удочкой — это приключение. Все дело лишь в том, кто как на это смотрит. До той местности я добрался без труда, но отыскать описанные озерца было не так просто. Какое-то там «кривое озерцо», какие-то «торфяные озерца» и «хорошая вода» — все эти названия, наверное, были придуманы моим приятелем или использовались лишь удильщиками, а для непосвященных людей это были обычные озерки. Наконец мне попался знающий человек. Поднявшись с ним на небольшой холмик, я смог подробно ознакомиться с топографией местности. Он показал, где торфяные озерца, где кривое озерцо, но меня больше всего интересовала хорошая вода.

— Вы видите вон те четыре ольхи, стоящие рядышком?

— Вижу.

— Это там. Только не идите туда прямо, потому что тут такая топь, что и резиновые сапоги не помогут. Вам нужно вернуться и потом пойти направо по тропинке.

Я поблагодарил его и нетерпеливо тронулся в путь. Все в основном соответствовало объяснениям приятеля, только вот он не сказал, что надо столько времени потратить, прежде чем дойдешь до места.

— Но вы там наверняка застанете деда, — добавил мне в догонку мой любезный информатор. Из его тона явствовало, что эта дополнительная информация имеет какое-то особое значение.

— Какого деда? — спросил я ради приличия.

— Да есть тут у нас один дедушка, который в эту пору почти всегда сидит над той хорошей водой.

— Ну так я посижу вместе с ним.

— Хе! Это не так просто.

— Почему? — мое нетерпение быстро росло.

— Он вас сразу же спросит: «А членский билет у тебя есть, сынок?»

— Отвечу, что есть.

— «А правила знаешь, сынок?»

— Знаю.

— «Ну так мотай, сынок, на двадцать метров отсюда!» — он прокричал это голосом, изображающим непреклонность, и начал смеяться. — А когда вы отойдете на двадцать метров, то там могут клевать только уклеи.

— Уклейка тоже рыба.

— Или ерши.

Я махнул рукой и пошел своей дорогой, хотя этот тип, конечно, сильно омрачил мои надежды. Ба! Только сейчас я вспомнил, что приятель тоже рассказывал об это-странном деде, но тогда мой интерес был сосредоточен на рыбе, а не на дедах, и это у меня выскочило из памяти. Ну, да что делать, раз уж приехал... А может, этого деда удастся уговорить... Я мысленно проверил, все ли у меня при себе, потому что это самая обидная оплошность, когда по рассеянности забудешь какую-нибудь вещь и спохватишься, лишь придя к месту рыбалки. Это все равно что прийти на свидание, а девушки нет, согласен?

Идя по мокрому заливному лугу, я желал деду насморка, спазм желудка, ломоты в костях, вообще чего-нибудь такого, что вынудило бы его остаться сегодня дома.

«Хорошая вода» действительно выглядела многообещающе. Камыш, водяной стрелолист, водяной перец, а самое главное — множество кувшинок, которые в обрывистых местах росли у самого берега. И среди этих зарослей — окна чистой воды, словно специально устроенные здесь.

Деда я увидел издалека. По его позе догадался, что рыба не очень-то клюет. Это, понимаешь ли, сразу можно определить. Так же как в кинотеатре, глядя на зрителя, можно угадать, интересный это фильм или чепуха. День был, и правда, не особенно хороший, было слишком жарко, но до вечера еще много времени, на закате рыба может расшвелиться. Знаешь, терпение и оптимизм — это две основные черты, без которых настоящий рыболов немислим. Дед сидел и даже ухом не повел,

хотя я уже был в нескольких шагах от него, и он не мог не услышать моего приближения. Может быть, глухой? Да нет же, разве совместимы глухота и рыбалка... Я подошел еще ближе, а он — ни слова.

— Добрый день, — сказал я почти шепотом.

— Добрый день, — шепнул он в ответ.

— Как там рыбки?

Лишь тогда он повернул ко мне свое сморщенное и преисполненное спокойного достоинства лицо.

— А членский билет у тебя есть, сынок?

— Есть.

Он смерил меня пристальным оценивающим взглядом.

— Ну тогда садись и... пусть у тебя удочка от рыбы сломается.

Я вздохнул с таким облегчением, что мне даже неловко стало, потому что он, очевидно, заметил это. Но здесь, прямо передо мной, среди зарослей кувшинок, было очень соблазнительное «окно», которое и впрямь словно кто-то старательно содержал в нужном для рыбалки состоянии. Уже без нетерпения я стал готовить снасть.

— Как рыба сегодня? — снова заговорил я уже немного посмелее.

— Слабо.

— А вообще-то как здесь?

— По-разному бывает. Иногда наловишь, а иногда только какую-нибудь жалкую плотвишку поймашь.

— Вы из Варшавы?

Он посмотрел на меня недоброжелательно, но в то же время с плохо скрываемым любопытством.

— Откуда ты это знаешь, сынок?

— Да так... угадываю... — я смутился: не мог ведь я признаться ему, что мне для этого достаточно было услышать «жалкую плотвишку», возможно, это его задело бы.

— А ты, сынок, тоже из Варшавы?

— Тоже. Мне приятель понарассказал, что тут такая хорошая вода, вот я и решил проверить, попытать счастья.

Он не шел на разговор. Я уже успел приготовить обе удочки, измерить глубину своего «окна», забросить одну удочку на самое дно, а вторую — на две трети глубины, как раз под ту самую «жалкую плотвишку», закурить сигарету, а он все ни слова. Только отрицательно pokrutil головой, когда я хотел его угостить.

Где-то недалеко прогремел выстрел. Мальки, как искры, брызнули из воды, мутя ее зер-

кально-спокойную поверхность. Над нашими головами пролетела стая спугнутых уток. Какая же это красивая мелодия — свист их крыльев!

— Пугают рыбу, разбойники окаянные... проворчал дед.

Я ничего не ответил на это, потому что я такой же заядлый охотник, как и удильщик. Употребленный стариком эпитет задел меня; пожалуй, я не столько обиделся, сколько сознавал бессмысленность этого ворчания, но спорить было некогда — поплавки уже на воде.

Уголкем глаза я заметил, что дед проворно потянулся к удочке; я моментально перевел взгляд на его поплавок — поплавок не было. Натянутая леска стремительно рассекала воду, двигаясь в моем направлении. В сердце шевельнулась зависть. Не такая обыкновенная человеческая зависть, а... одни называли бы ее маньяческой, другие — спортивной. Не могла уж эта тварь схватить мой крючок в знак приветствия и в оправдание всего того, что расписывал мой приятель... Дед держал удильщик со спокойствием чемпиона и равномерно наматывал леску на катушку. По-видимому, все-таки это не такой экземпляр, который надо подтягивать по-особому, время от времени ослабляя леску, и брать измором. И действительно, разрезающая воду леска описала крутую дугу и начала приближаться к деду. Через пару секунд прямо около его ног на поверхность высунулась голова язя. Дед достал сачок и плавным безошибочным движением извлек рыбу из воды. Язь так, на глазок, не меньше чем килограммовый. Еще раз зашевелилось чувство зависти, а потом в сердце вселилась надежда — стало быть, что-то будет...

Я бросил короткий взгляд на свои поплавки — спокойствие и снова стал смотреть на деда. Этот человек как-то странно меня интересовал. Вот ведь не раз приходилось сидеть над водой рядом с незнакомым рыболовом, обмениваясь несколькими фразами насчет рыб — и конец; ну уж от силы еще пару пустых слов добавишь. А тут мне все время казалось, что я должен сказать ему что-то интересное. Может, давало себя знать какое-то подсознательное чувство благодарности за то, что он меня не прогнал, правда?

Дед очень осторожно отцепил рыбу с крючка, вытащил из воды сетку, точнее говоря, лишь верхнюю ее часть. Что-то у него там сильно плескалось. Чудак не нравился, что ему завидуют. Он ловко всунул новую добычу, опустил сетку и стал насаживать новую приманку.

— На что вы ловите? — спросил я опять-таки с полным спокойствием, чтобы он не почувствовал, что я все-таки ему завидую.

— На тесто.

— Картошка, булка, желток, да?

Он не ответил. Справившись с насадкой, он забросил ее точно в то же самое место. Уселся так же, как сидел и раньше. С ним не очень-то разболтаешься. Я почувствовал, что помимо этого несерьезного желания сказать ему что-то во мне пробудилось журналистское любопытство. Такие типы иногда могут многое знать, многое рассказать — потому он и неохотно разговаривает; но ничего не поделаешь, ведь не буду же я ему в самое нутро удочку закидывать. В конце концов, в этой обстановке главным предметом моего интереса должны быть поплавки. Правда, они стоят и даже не шелохнутся, но ведь неисповедимы пути господни. Вот ушел бы этот старикан отсюда, я бы тогда перебрался на его место.

— Давно я был в Варшаве, — заговорил он неожиданно. — В сорок пятом.

— Ого! — воскликнул я наверняка слишком громко. — Значит, вы понятия не имеете, как выглядит Варшава. Где вы жили?

— На Воле.

— Я волю знаю, как свои пять пальцев, ей-богу. Но сейчас уже не помню, что было на Воле в сорок пятом.

— Развалины... — буркнул он.

— Развалины-то развалины, всюду были развалины, и теперь уж только это и помнится, что кругом были развалины. А где что в свое время было, где и когда что выстроили — все это сейчас уже стерлось в памяти. Были развалины, а сейчас есть красивый город, и если захочется человеку что-нибудь вспомнить, то приходится лезть в альбомы, в хроники. Э-э! Знаете, какая теперь Воля: трасса Восток—Запад, универмаг большущий, жилые кварталы...

— Слишком много говоришь над водой, сынок, — прервал он меня жестко. — И слишком громко. Рыба пугается.

Его мрачность вызвала во мне дух упрямства.

— Ну, знаете ли, любезный! — закричал я. — Над водой не говори, потому что рыбу спугнешь, дома не говори, потому что жена говорит. Должен же человек когда-нибудь выговориться.

— Неужели это так плохо, когда жена дома разговаривает?

— А хорошо, что ли?

— Попробовал бы ты остаться без жены.

Он сказал это таким тоном, что моя веселость погасла, как светлячок.

— Э-эх, попробовал бы ты, сынок, остаться без жены, — повторил он. — У меня две было... точнее говоря, одна, но можно сказать, что и вторая была женой. А теперь у меня нет никого. Было у меня трое детей, а теперь никого нет. Та, первая, законная, погибла как раз на Воле, во время восстания. И дети тоже.

— Мой отец тоже погиб во время восстания.

— Вот видишь, сынок. Отец иной раз хоть и отлупит, а когда его нет... Жена болтает, дети озорничают, ну а когда их нет... Глядел бы на луну да и выл бы. Ты слышал когда-нибудь, как человек воет? Нет. А я выл. Два раза. Первый раз там, на Воле, на развалинах. Такова уж была могила моей жены и моих детей. А второй раз пять лет спустя, на пороге своего дома. Смотрел на луну и выл. Иногда человеку только это и остается...

Он вдруг замолчал, а я испугался: ведь после такого вступления нельзя человека за язык тянуть, а если же сам он ничего больше не скажет, то я упущу что-то важное.

Однако немного погодя, он снова заговорил:

— И вдобавок ко всему я еще собаку убил.

При этом я почувствовал облегчение. Я уже понял, что он должен излить душу. На него нашло, а мне это только и нужно.

— Ну, собака по сравнению со всем тем...

я произнес это нейтральным тоном, просто так, чтобы поддержать разговор и в то же время не испортить деду настроения.

— Не, сынок, не скажи. Собака собаке рознь, так же как и человек человеку рознь. Знаешь, сынок, после того как во время восстания погибли моя жена и мои дети, я и сам повыл на развалинах, под которыми они лежали, я старался лезть туда, где скорее всего можно было получить пулю в лоб. И хоть бы что. Кончилось тем, что после переговоров Комаровского с фон Желевским тех, кто не остался под развалинами. вывезли, гоняли, как крыс, ногами давили, как вшей. А те, кто и это пекло выдержал, дождались солдат с красными звездочками и снова смогли почувствовать себя людьми. Добрался я, сынок, до Варшавы, и что же? Была бы уж там хоть могила жены и детей. А то только развалины да смрад, а смрад от всех трупов одинаковый. Уехал я, потому как был никому не нужен и себе не нужен.

— Почему же? — прервал я осторожно. — Можно было остаться и взяться за работу.

— Только не там! — запротестовал он. — Я боялся, сынок, понимаешь, боялся. Потому

что уж если б я решился взяться за расчистку развалин, то мне надо было бы делать это именно там на Воле. А если бы я вдруг из-под развалин вытянул лоскут ее платья или же детский ботинок, что тогда? Что дальше-то? Боялся я, понимаешь? Ну, понимаешь?

— Понимаю.

— Вот видишь... Потому я и уехал оттуда. Но я еще не был стар, жизнь требовала своего. Жизнь — это паскудная сила, сынок... Встретил я женщину такую же одинокую, как и сам, которая тоже немножко в жизни повыла. Хорошая, добрая, порядочная. Правда, с той, первой, не сравнишь, но ведь той-то не было... Я уж и через Красный Крест разыскивал, и все, конечно, без толку... Со второй мы даже не вступали в брак, потому что она хотела венчаться в костеле, а я не хотел костельного брака, впрочем... разве венеч людей связывает? Нашел я жилье, нашел работу, и так постепенно все как-то просветлело. Жизнь — это паскудная сила. Казалось бы, уже все исковеркано, а тут, на тебе — срослось, как-то затянулось... Она мне понравилась. Друг другу мы полюбились, и притом очень. Правда, к той я даже на брюхе пополз бы, но ведь ничего не поделаешь: той не было. Приблудила к нам собака, великолепная немецкая овчарка. Жена назвала ее Блэком. Странно, но она не хотела сказать, почему так назвала. Потом жена принесла еще кота. В праздничные дни, а зачастую и после работы я выбирался на рыбалку — тогда ведь, сынок, еще было что ловить, не то что нынче. И вот однажды, в сорок девятом, в августе, вот так, как сейчас, возвращаясь я с уловом домой поздним вечером, при луне, стучусь в дверь — никакого ответа. А жили мы в небольшом домике, с садиком. Блэк лает, а жена двери не открывает. Из дому куда не вышла, потому что в комнате свет горит и ключ торчит в замке. Я стучу все сильнее и сильнее, думаю, может быть, уснула, но все без толку. Ни ответа ни привета. Вышиб я тогда дверь, Блэк подсказывает ко мне, хвостом виляет, а вся морда у него в крови. Вхожу в комнату, а жена лежит под окном, горло у нее перегрызено. Уже холодная. Купила себе, сынок, материалу на пижаму, в полоску. В тот вечер закончила шитье и примерила. В той пижаме и лежала с перегрызленным горлом.

Я чувствовал себя так, словно и мне что-то перегрызает горло

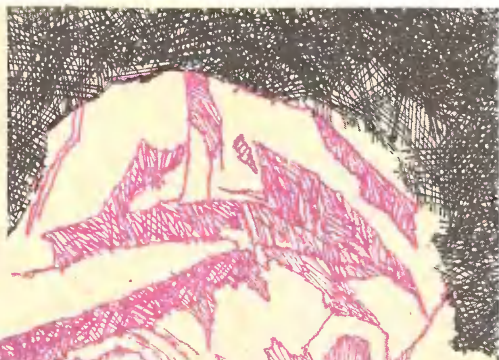
— А Блэк хвостом машет, смотрит мне в глаза и похвалы ждет. Наш любимый Блэк. И ты бы ведь, сынок, завыл?

Он помолчал с минуту, наверное, чтобы дать мне время для принятия решения — выть или не выть.

— И мне пришлось его убить... А знаешь, сынок, за что?

— Ну... так ясно же... — пробормотал я.

— Да, за жену убил, но можно ли было пса за это винить? Разве его надо было винить? Люди его так обучили. Что ж, выходит, он должен был оказаться умнее людей и не доверять

людям? Разве он мог знать, что и другие люди есть на свете? Ведь это всего-навсего собака. Так знаешь, за что?

— Ну... потому что это был эсэсовский пес.

— Да.

— Опасный.

— Да что там, опасный-опасный! — он сердито махнул рукой. — Из-за того, что опасный, так то милиционер хотел его застрелить. А я ска-

зал: нет, я сам! Знаешь, за что? За то, что он мне в глаза заглядывал, хвостом вилял и похвалы ожидал. За то, что он меня принимал за такого же, как те, кто его воспитал и обучил. За это, сынок.

Он снова замолчал. Немного погода, стал собираться. Я его понимал. Может быть, впервые таким вот образом он облегчил это свое кошмарное бремя воспоминаний, излил свою душу до такой степени, что теперь должен побыть наедине с самим собой, а здесь боится каких-нибудь моих вопросов. В первый момент я обрадовался, что освобождается это прекрасное место, но тут же сообразил, что не стану туда перебираться. Возможно, это ерунда, но... я счел бы это чем-то вроде святотатства.

Он вытащил сетку с рыбами на берег. Я лишь теперь увидел, что улов у него богатый. Несколько отличных язей, лещ величиной со сковороду, плотва крупная. Он извлек из сетки леща. Внимательно посмотрел ему в глаза, а когда лещ из всех сил стал бить хвостом, бросил его в воду. Вынул язя, и сцена повторилась. И еще раз, и еще раз.

— Что же вы делаете?! — я не мог удержаться от этого возгласа.

— То, что видишь, сынок, — ответил он спокойно.

— Наловили, а теперь выбрасываете?

— Рыба глупа. Пока не нарвалась на крючок, бросается на любую наживку. Если не она сама, не ее папа, не ее мама никогда не нарывались на крючок, то нет в ней осторожности. Ты, сынок, наверное, знаешь о наследственности. Поколение поколению передает свой опыт. И потомство таких родителей, которые попробовали крючок, уж на какую попало приманку не польстится. А люди придумывают все новые и новые приманки. Рыбу нужно учить, чтобы она сама набиралась опыта и передавала его потомству. Я себе оставляю лишь сильно покалеченных, которые иначе только мучились бы, а здоровые пусть себе уплывают и на ус наматывают. Вот так, сынок...

Чудак...

Тут я то ли краем глаза увидел, то ли шестым чувством почувствовал, что с одним из моих поплавок что-то происходит. Нужно было сосредоточить все внимание на этом главном предмете интереса. Тьфу... это будет всего-навсего плотва. «Жалкую плотвишку вытащу, — подумал я машинально. — Ну, да ладно, и она пригодится...»

— До свидания, — услышал я прямо над ухом.

Я повернулся, чтобы как можно сердечней ответить деду. Он протянул мне руку на прощание. Я поспешно пожал ее, буркнул свою фамилию — и снова к основному объекту...

— Как ты сказал, сынок?! — услышал я из-за спины нетерпеливый голос.

— Ширковский.

— А как звать тебя?

— Хенрик.

— Есть у тебя брат Эдэк и сестра Зися?

— Есть, ответил я нетерпеливо, потому что рыба клевала все азартнее и азартнее, нельзя было прозевать момент подсечки, а старик все сильнее повышал голос — еще спугнет мне рыбу. Но откуда он знает, что Зися, а не Зося?..

— А мать, мать? — он дышал над моим ухом. — Хелена?

— Хелена.

— Жива?!

— Жива.

— Сынок!!

На этот раз он произнес это таким тоном, что меня охватило волнение. И лишь только тогда я заглянул в его глаза, озаренные последними лучами заходящего солнца.

Перевод с польского В. Честного

Рис. Б. Федотова

ТАМ, НАД РЕКОЙ, ПОДНИМАЛОСЬ СОЛНЦЕ

С московских вокзалов уходили последние электрички. Со скользких перронов, позвякивая пешнями, в них садились рыболовы. Они располагались на скамейках и равнодушно смотрели на залитый огнями город, хотя в нем было тепло и уютно. Я растегнул полушубок и поздоровался с моим товарищем, обладателем бороды на обветренном и непроницаемом лице. Он кивнул, облокотился на свой ящик и задремал.

Поезд неся по замершим пригородам, и только в чреве его вагонов весело переговаривались, двигались оживленные пассажиры.

— Большинство здесь — не рыболовы, — будто сквозь сон сказал Борода. — Рыбалка — любовь, а не развлечение.

Я знал его давно, и не зря он сказал эти слова. Борода ездил ловить и в самые глухие месяцы бесклевья, начинал читать газету с прогноза погоды и презирал тех, кто поймает сегодня много рыбы, только потому, что она отчаянно берет по первому льду.

Повеселел он в предутреннем лесу, через который мы направлялись к берегу. Нас было много, но двигались мы бесшумно, почти не разговаривали. Там, за деревьями, над рекой, поднималось солнце.

Я шел с Бородой на «его» место, о котором он всегда говорил загадочно и каким-то особенным тоном.

Мы начали разбирать снасти под отеческими взглядами местных рыболовов. Они будто бы и не уходили отсюда с вечера. Сидели над почерневшими лунками и уж, должно, запустили туда не одну горсть подкормки. Был среди них и Юрка.

О нем я впервые услышал однажды в середине зимы, в «мертвый» сезон, когда к нашей кучке присоединился еще один чертыхающийся и промерзший рыбацкишчо

— Ну как? — спросили мы дружно.

Он только плюнул.

— У нас так же.

— И Юрка не взял? — полюбопытствовал он.

— Не взял.

Тогда рыбак скорчил совсем безысходную рожу.

Юркин дед утонул в омуте, заводя бредень, а дядю накрыло перевернувшейся лодкой, когда ставил перемет. Юрка являлся, наверное, самым последним представителем династии — в свои тридцать он любил только реку, сидел на ней сутками, и мать, бывало, носила ему еду прямо сюда...

Великий Юрка поймал первым и словно дал команду «Огонь!» своему подразделению. Осторожно, но уверенно брал у них лещ. Не то чтобы шел косяком, а так — равномерно и наверняка. И в эти моменты они аккуратно и ловко вытаскивали его.

Мой товарищ не выносил таких зрелищ. Он перезарядил снасти и пошел на яму к обрывистому берегу.

Проходило время. Над рекой уже горело декабрьское солнце. Оравы воробьев с шумом сражались из-за поживы. Шуршал хрупкий снег. Ничего этого я не видел, не слышал и не чувствовал. Как и десятки других, я устоялся в лунку и мечтал о миге, когда лещи встанут у крючков в длинную очередь.

— Смотри, — зашипели вокруг.

Я оглянулся. У берега в только что про сверленной лунке играл блесной Борода. Рядом с лункой трепыхался судак. Такой, о котором с восторгом пишут в поваренных книгах; тот самый, которого небрежно показывают дома соседям; именно такого веса и размера, что проплывает в наших самых сладких снах.

Мы пришли на эту реку за лещами, потому что их здесь пропасть и ловятся они за милую душу. Лещи! Они и питаются-то только зеленью и всякими червячками. Они глупы. Рука не дрогнет отдать пакет этих тяжеловозов за хорошего судака! Потому как судак — хищник и по разбою, хитрости главное окуня, а по редкости — шуки. А Борода на глазах вытащил еще и крупного окуня. Мое сердце сжалось, очень захотелось схватить удочки и бежать туда.

Некоторые так и сделали. Борода уже кружил по мелководью и как обладатель луче-

вого зрения подсекал окуней то в одном, то в другом месте... Прибежавший туда народ все еще сидел впустую, когда Борода, по наитию, вернулся на исходные позиции.

Как раз начался активный клев леща. Рыбы не разбирались — они засасывали и мотыля, и овсянку; они засекались и на разнокалиберные крючки поплавочных удочек, и на мормышки, не обращая внимания на толщину лески. Мальчишки выхватывали могучих лещей наравне со старожилками. О таком клеве потом долго, всю жизнь, вспоминают рыбачки с замиранием сердца.

Юрка напоминал корягу, вмерзшую в лед, только руки двигались, как чертово колесо. Руки рвали крючок из очередной рыбы, нажив-

вал в домотканый мешок, который был полон уже под завязку.

Борода задумчиво смотрел на далекий противоположный берег — на его косогоре высилась белая церковь. Она устремлялась в голубое небо и казалась облаком. Борода предложил пойти туда.

— Люблю это место, — сказал он, когда мы поднялись на церковное крыльцо.

Отсюда мы смотрели на черно-белые просторы реки и леса. Солнце сделало картину контрастной и смягчило ее желтизной. Фигурки рыболовов представлялись декоративными — они расположились причудливой вязью. Отсюда не было видно ящиков, пешней, ледобуров, черпаков, термосов и мусора на вытоптанном

ляли крючок дрожащими пальцами, снова выводили натянутую леску. Руки попадали в воду, пачкались о слизь чешуи, Юрка не вытирал их — мельница равномерно вращалась...

Мы взяли за бутерброды на склоне дня, после того как в глазах зарябило от разглядывания наконец успокоившихся сторожков и поплавок. Время остановилось. Оставшиеся лещи медленно брели по дну в разные стороны, мы расслабили мышцы, промороженный воздух был неподвижен. В ящиках вяло шевелились рыбы, и, слыша их движение, мы думали о вечерней заре.

Юрка не обедал, он сидел в прежнем положении с неизменной папироской в зубах и фанатически ждал поклевки. Рыбу он склады-

вал в домотканый мешок, который был полон уже под завязку.

Точки фигурок жили на этой картине так же, как деревья и солнце. На вечернюю зарю мы опоздали. Было почти темно, когда проходили мимо обловленных лунок. Такой же сумрак бывает перед восходом солнца, но сейчас он казался уютным, и ветер зло дул над пустынным льдом. Один Юрка по-прежнему сидел на своем месте. Как всегда, он первым пришел сюда и, наверное, последним уйдет с реки.

В лесу мы догнали других рыболовов. Бойко мерцали огоньки папирос, шумели разговоры.

Подходили переполненные электрочки. Мы штурмовали вагоны, беззлобно толкались и шутили.

Рис. М. Лисогорского

КОТ, КОТОРЫЙ ГОВОРИЛ «МЯУ!»

Некоторые знакомые мои убеждены, что увлечение зимней рыбалкой — нечто ненормальное, чуть ли не противоестественное. Ну летом — еще понятно: отдыхает человек у реки. От солнца ему тепло, от воды прохлада. Ветер шевелит зеленые листья деревьев, птицы в кустах щебечут. В общем, вокруг природа. А зимой никакой природы и в помине нет. Снег да снег кругом. Сидит целый день чудак-рыболов над просверленной во льду лункой и ничегошеньки, кроме сторожка своей удочки, не видит. Добро бы еще улов был. А то — два десятка окунишек или плотвиц либо и того хуже — ершей. Стоит ли из-за этого рыболову мерзнуть?

Уловы, конечно, разные бывают. Порой и тех двух десятков не выудишь. А иной раз везет: не то что мороза не почувствуешь, даже жарко становится. Удача и азарт в любой холод греют. Но, пожалуй, только ради улова в самом деле не стоило бы зимой на рыбалку ездить. Все-таки холодно...

Но главное-то не добыча!

Природа — и зимой природа. Правда, деревья спят. После снегопада еловые лапы укрылись белыми одеялами — каждая своим. Укрылись и поникли: снег не пух, тяжеловат. Березы, напротив, по сравнению с летом облегченно приподняли ветви. Дремлют, отдыхая от немолчного шелеста листьев и от их веса. Ивовые кусты у берега удивляют корявостью черных сучьев, незаметной летом.

Кусты растут на самом краю наступающего на озеро болота. Торфяной берег здесь обрывистый — глубина воды сразу в метр с лишним. Под водой ивовые корни, наверное, оголились, и в сплетении их любят держаться окуни — ищут всякую живность, прячущуюся под корешок и копошащуюся в илистом дне. По первому льду удавалось выхватывать здесь на дразнящую красным мотылем мормышку довольно увесистых черно-зеленых красавцев. Просверлил и я сегодня пяток лунок по старым местам; то над одной, то над другой задержусь — играю опущенной к самому дну мормышкой. Жду удачи.

Зимний день хмур и однотонен. Потому ослепительно ярким показался нарядный желтый жилет синицы. Прилетела, села на ивовую ветку чуть ли не в метре от меня и смотрит с любопытством, словно интересуется: как дела идут? Плохо! Ни одной поклевки. Ушел окунь от берега.

Перебрался и я туда, где подо льдом глубина побольше. Просверлил новые лунки. Потихоньку пошло дело: окунь, еще окунь, плотвичка... Синица тоже за мной прилетела, села на натоптанный след у соседней лунки, ищет — не обронил ли рыболов мотыля. И ждет. Когда придет мое время подкрепиться бутербродом, погреться чайком из термоса, ей тоже что-нибудь достанется: корочка сыра, толстая кожа с куса свиного сала. Птица не первый раз возле рыболовов кормится и знает, что подождать здесь стоит, голодной она не останется.

Место мое оказалось добычливым. Клюет рыба, ловится. Пришел полнотытствовать сидевший до того вдалеке незнакомый рыболов. В валенках, в тулупе, в меховой шапке со спущенными ушами, а все равно холодно — потому что не клюет у него рыба. Поглядел на мой улов, и хоть не столь уж велик он, все равно позавидовал. Пригласил я его: сверли лед, садись поблизости. Глядишь, и тебе повезет...

А потом пришел кот. Озеро дальним, низким, берегом упирается в лес; а на ближнем, высоком, расположилась деревня. Наверное, коту с крыши избы все озеро видно и у кого рыба есть, у кого нет, тоже ведомо. Но, может, и наугад шел. Остановился шагах в десяти, поглядел на меня зелеными глазами и просительно мяукнул. Тут как раз попался на крючок окунишка-маломерок. Бросил я его коту: угощайся, раз в гости пришел.

Серого, полосатого деревенского кота я тоже не первый день знаю. Да и не я один. Устроившийся по соседству рыболов замечает, обратившись ко мне:

— Умный кот! Каждый раз, как приезжаю на озеро, встречаюсь с ним: непременно обход всех рыболовов делает. Бросят ему рыб-

ки, наестся — и домой бежит, спать. А проголодается — снова сюда приходит...

Сосед воспрянул духом: таскает потихоньку плотву да окунишек. Есть чем и кота угостить. Бросил ему рыбешки и продолжает разговор:

— Но это еще что! Видал я более интересного. Один дед-рыболов из дому на рыбалку его возил. И хвастался: с котом хорошо! Я, го-

глядывайся да подсекай вовремя! С ним без улова не остаюсь.

— Надо же, — отозвался я. — Значит, не только в сказках бывают коты ученые...

— Какая там сказка! Сам видел, — заверил меня сосед.

И не верить ему нет причин. Вполне возможный кот-рыболов.

ворит, когда мерзнуть начну, кота под шубу за пазуху сажаю — он меня согревает. А главное — рыбачить мне помогает. Когда две или три удочки рядом в разные лунки поставишь, трудно за всеми сразу усмотреть. Пока играешь мормышкой и смотришь на сторожок той, что в руках, на стоящих удочках можно прозевать поклевку. Это если без помощника. Но у меня кот за ними смотрит. Чуть качнется кивок — кот насторожится и, если я не заметил поклевки, говорит «мяу!» Куда зорче меня видит — даже если зимняя полусонная плотва или там подлещик еле-еле, остороженько и тихо берут насадку, а сторожок лишь чуть шелохнется. Кот сказал «мяу!» — значит, при-

Вот так проходит короткий зимний день на рыбалке. Нарядная синичка-побирушка, кот ученый наяву и еще более ученый из рассказа соседа. И рыба из-под льда. Хватит и окуней на уху, и плотвы на сковородку. Смеркается, под вечер становится морознее. Пора на сегодня собираться домой. Но стоит, очень даже стоит приехать сюда еще и еще много-много раз, пусть даже порой и померзнуть, ради встреч, ради таких вот рыбацких рассказов...

Рис. Ю. Тюнина

Борис Орешкин

НЕНУЖНЫЙ УЛОВ

Я приехал на Кременчугское водохранилище в середине мая, до начала сезона. Базы только готовились принять отдыхающих. По утрам тишина и покой царили на всех участках, во всех пустующих домиках. Радио еще не гремело, и лишь соловьиные трели раздавались в лесу, окружавшем водохранилище. Проснувшись, я умывался прямо в реке, завтракал, брал свои удочки и шел к берегу мимо фанерной будки деда Ондрия, который был здесь и сто-рожем, и комендантом, и завхозом одновременно. На легкой, послушной лодочке деда я уезжал на весь день, взяв с собой кроме термоса еще и котелок для ухи, которую варил в полдень где-нибудь на берегу в уютном и тенистом местечке.

На водохранилище было много островов. На одном из них, самом крупном, приметил я уютную продолговатую лагуну. Остров густо зарос ивняком, и поэтому в лагуне, закрытой от всех ветров, всегда было жарко и влажно, как в застекленной оранжерее. Сходство дополняли тихая, почти без течения темная вода и круглые листья водяных лилий.

Заросли камыша и рдеста у берегов, большие окна чистой воды, двухметровые глубины, все, казалось, обещало здесь отличную ловлю. Но рыбы в лагуне не было. Напрасно я менял насадки и прикормку, напрасно менял места ужения. Ничто не помогало. Рыба не брала ни утром, ни вечером, ни в солнечную, ни в пасмурную погоду. Полное отсутствие поклевки и даже самой малой надежды на них делало ловлю бессмысленной.

Конечно, можно было рыбачить в других местах. Я так и делал, то уходя вниз или вверх по берегу, то уезжая в лодке к другим островам. Уловы были не слишком большие, но на уху мне хватало, а целый день, проведенный на

воздухе, давал ту приятную усталость, после которой спишь как младенец.

И все же меня почему-то постоянно манила к себе эта бесплодная красавица лагуна. Однажды, когда я загорал в лодке, сонно глядя на свои поплавки, в лагуну тихо вошла алюминиевая моторка. Сидевший в ней человек в широкополой соломенной шляпе выключил двигатель. По инерции лодка медленно приближалась ко мне и остановилась буквально в нескольких метрах. Незнакомец вел себя не слишком деликатно. Несколько минут он молчал, в упор, разглядывая меня и мои удочки. Потом стащил через голову клетчатую рубашку, достал объемистый термос, разложил на скамейке еду и принялся закусывать. Я вспомнил, что толком еще не завтракал, и тоже достал свои бутерброды и термос. Минут десять мы оба, попивая чаек, следили за моими безнадежно неподвижными поплавками. Поев и аккуратно убрав за собой газету и остатки еды, незнакомец все так же молча закурил сигарету.

Моя позиция в этом затянувшемся до неприличия молчании была обоснованной и четкой: ведь это он приехал сюда и встал рядом с моей лодкой. Он и должен был заговорить или хотя бы поздороваться. Но человек молчал. Ну а я старательно делал вид, что рядом со мной никого нет.

Наконец он не выдержал, широко улыбнулся, сдвинул на затылок свою соломенную, как у гоголевского пасечника, шляпу и произнес типично волжским, окающим, басом, совсем не похожим на здешний украинский говор:

— Дорогой мой, тут же нет ничегошеньки. Что вы здесь ищете?

Я позволил себе заметить его присутствие. Не торопясь, как бы впервые, посмотрел сна-

чала на его лодку, потом на соломенную шляпу и, наконец, на него самого. Это был крупный, крепкий мужчина, лет под пятьдесят. С прокаленным солнцем лицом.

— Что ищете? Поэзию... сухо ответил я.

Он хмыкнул, но потом как-то по-новому взглянул на меня и опять замолчал. Это было уже другое, более доброжелательное и заинтересованное, молчание.

— Вы, извините за любопытство, откуда? Из Москвы.

— Давайте знакомиться. Лапушков Евгений Иванович, здешний охотрыбинспектор.

Я тоже назвал себя и не без яда добавил:

— Напрасно беспокоитесь, сетями я не ловлю.

— Знаю, — махнул он рукой. — Да тут ничего и не поймаете, хоть с сетями, хоть без сетей.

— Мало кислорода?

— Точно. Место заморное. Течения нет, а на дне затопленная древесина гниет. Я сюда чайку попить приезжаю. Удобно: якорь бросать не надо. И не мешает никто. И поэзии этой самой сколько угодно... Час назад я мимо проскакивал, так вас заметил. Чего, думаю, он здесь устроился? Может, сеть где в другом месте поставил, а сам тут ждет, отсиживается?

— Я не браконьер.

— Точно. Браконьеры в поэзии не нуждаются! — рассмеялся мой новый знакомый. — Я ведь в рыболовах разбираюсь. Можно сказать, с первого взгляда вижу, «кто есть кто». Как в Америке.

— Вы там были?

— Нет. А вотна «мустангах» ихних, на истребителях, летал. Самолеты мы на тегеранском аэродроме от них принимали.

Мы разговорились. Евгений Иванович оказался человеком яркой и в то же время типичной для нашего военного поколения судьбы. Сын волжского бакенщика, он поступил перед самой войной в летное училище, потом воевал, сделал более ста семидесяти боевых вылетов, имеет два ранения и шесть орденов. После войны служил на севере, затем вышел в отставку, ушел на пенсию в звании полковника, но дома не остался.

— Сели мы как-то с другом за стол, расстелили карту, — улыбаясь всем своим крупным, загорелым лицом, рассказывал бывший легчик-истребитель. — Куда, думаем, подаваться? Хотелось к теплу, к солнцу. Ну и вода чтобы тоже была. И лес! Оба мы с ним и рыболовы, и охотники. Вот и выбрали Черкассы. Все-таки

областной центр, детям учиться есть где. И нам хорошо: оба теперь инспекторами работаем. Целый день на природе. И дело нужное делаем. Вроде как по прежней специальности — за старятниками охотимся.

Во мне начинала зарождаться симпатия к этому человеку. В двух словах я тоже рассказал ему о своей военной судьбе. Оказалось, что в 1943 году мы оба воевали в Смоленской области. Только он в воздухе, а я на земле, в пехоте.

Кончился наш разговор неожиданно:

Все! Сматывай удочки, — решительно сказал Лапушков. — Нечего тут зря время терять. Так и быть, свезу тебя на настоящую рыбалку. Спиннинг у тебя есть?

— Есть. Одноручник.

— Давай сюда!

Я протянул ему свой изящный, стеклопластиковый японский спиннинг с безынерционной катушкой. Он придирчиво осмотрел его.

— Жидковат. Ну да ладно, сойдет и этот.

Достав из мешка жестяную баночку с крючками и лесками, он ловко отрезал от куска козьей шкуры пучок белой шерсти и привязал его к цевью крупного одинарного крючка. Приготовив пять таких белых кисточек на крючках с короткими поводками, он привязал их к леске. Получилось что-то похожее на самодур: на конце лески свинцовый продолговатый груз, а выше его несколько коротких поводочков с крючками, замаскированными белой шерстью. Евгений Иванович опустил эту снасть в воду, провел из стороны в сторону. Получалось, как будто стайка мальков удирает от хищника.

Я с недоверчивой улыбкой наблюдал за этими приготовлениями. Уж если на самые верные блесны рыба не хочет брать, то стоит ли пробоовать на какие-то козьи кисточки!

— Цепляй свою лодку к моей. Поехали!

Одним рывком шнура Евгений Иванович запустил подвесной мотор, и наши связанные бортами лодки вырвались из лагуны на простор водохранилища. Свежий ветер приятно освежал лицо, солнечные блики рябили воду. Я чувствовал себя несколько смущенно и скованно. «Куда он везет меня? И зачем? Знаю я эту «настоящую» ловлю... Держит, наверное, где-нибудь садок с заранее пойманной рыбой, чтобы начальство при случае угостить».

Я уже всерьез стал подумывать о том, как бы помочь, не обидив моего нового знакомого, отказаться от этой поездки. Но лодки наши уже пересекли отмеченный бакенами фарва-

тер и вошли в одну из многочисленных протоков между низкими, заросшими травой островами. Евгений Иванович выключил мотор и опустил за борт якорь на прочном капроновом шнуре. Лодки остановились на самой середине протоки. Сильное течение гнуло недалеко от нас торчащие из воды сухие ветки деревьев. «Смеется он надо мной, что ли? Какая тут ловля?» — подумал я, с неодобрением оглядываясь.

— Ну-ка, попробуем! — весело сказал Евгений Иванович и, взмахнув спиннингом, послал свою снасть прямо к торчащим из воды прутьям. Как и следовало ожидать, получился зацеп. Евгений Иванович, не смущаясь, дернул, оборвал один из поводков и продолжал подматывать леску. Заброс оказался пустым.

— Попробуем ниже, — не унывая, произнес Евгений Иванович.

Вытащив якорь, мы спустились по течению еще метров на пятьдесят, и Евгений Иванович снова встал на якорь и опять забросил.

— Есть! — крикнул он, едва начал подмотку. — Сидит!

Я с нетерпением смотрел на поверхность воды. Что там появится? Это мог быть жерех или судак, которые любят сильное течение. Но то, что вымахнул из воды в лодку Евгений Иванович, никак не укладывалось в мои рыбацкие представления: это была связка крупный окуней. Целых четыре штуки, по одному на каждом крючке! Черно-зеленые, полосатые, ярко окрашенные, все они были как один по

размеру, и каждый весил граммов триста...

Я обомлел. А Евгений Иванович, усмехаясь, снимал их с крючков и кидал на дно лодки.

— Попробуй теперь сам.

Я взмахнул спиннингом и послал груз с белими кисточками крючков в нужное место. Выждав, когда груз достигнет дна, начал подмотку. И почти тотчас почувствовал толчок, второй, третий. Тащить стало тяжело. Кто-то невидимый яростно упирался там, в глубине. А я крутил и крутил рукоятку катушки, спеша, задыхаясь, весь в нетерпении увидеть добычу и полный страха ее упустить.

Вот уже совсем рядом, в двух метрах от борта лодки, рвутся, мечутся из стороны в сторону севшие на крючки крупные, красноперые окуни. Сколько их — не разберешь. А рядом жадно крутятся другие, норовя выхватить изо рта «добычу» у тех, кто уже попался. Риска сломать спиннинг, я поднимаю в воздух сразу четырех барахтающихся рыбин и опускаю их на дно лодки.

От трепещущих полосатых красавцев пахнет быстротруйной речной свежестью. Их широко раскрытые пасти и розовые колючие жабры усыпаны острыми зубчиками. Брошенные на дно лодки, рыбы прыгают так высоко, что того и гляди перемахнут за борт. Но мне уже не до них. Я едва успеваю окинуть взглядом катушку и крючки с белой чудодейственной козьей шерстью и снова делаю заброс в то же самое место, поближе к корягам. И снова чувствую рывки севших на крючки рыб, снова вращаю катушку, снова волнуюсь и боюсь упустить пойманную добычу.

Вот уже третья «связка» окуней перекинута из воды в лодку. Я готовлюсь к следующему забросу. В голове ералаш. Скачут обрывки мыслей. Я сознаю, что косяк окуней каждую минуту может переменить место, уйти. Поэтому надо спешить. Я замечаю, что из пяти крючков осталось лишь три. Но привязывать новые некогда. Хочется ловить и ловить! Я весь в азарте. Невдалеке от нас полным ходом пролетает «Ракета», где-то басовито гудит теплоход, крупные волны бьют в борт моей лодки. Я ничего не вижу, не слышу, не чувствую.

Все мое существо наполнено лишь одним страстным желанием — ловить еще, еще и еще. Хочу вновь чувствовать передающиеся через леску и удище сильные рывки рыб. Хочу тащить их к себе, вываливать через борт в лодку. Я невольно бросаю взгляд на ее днище, вижу полтора десятка бойко скачущих окуней

и вдруг опускаю уже готовый к забросу спиннинг. «Зачем тебе столько рыбы? Остановись, довольно!» — кричит во мне совесть. «Еще один, только один единственный заброс!» — умоляет сидящая в каждом рыболове неумемая страсть. Не одолев искушения, я вновь поднимаю спиннинг, и тут, словно совсем из другого мира, доносится до меня голос Евгения Ивановича:

— А ты молодец, сумел-таки остановиться! Сам, без подсказки. Недавно возил я сюда одного товарища. Из Киева. Побольше чем генерал... Так его чуть ли не силком пришлось увозить!

Евгений Иванович сидел, спокойно покуривая, а я все еще не мог утихомирить свое волнение.

— Никому про это место не рассказывай, — продолжал он. — А то налетят, как воронье, расклюют, расшарашат. И сам лови помаленьку: один, два заброса, не больше... Ну а теперь поезжай, дружище, домой, уху варить. Мне еще в одно место смотаться надо. Балуют там.

Я сидел оглушенный скоротечностью и небывалой добычливостью только что оконченной ловли. Азарт мой уже утих. Я мог теперь мыслить трезво. Что-то было не так. Что-то было неправильно. Но что именно? Почему? Пока я знал лишь одно: эта баснословно удачливая рыбалка не принесла мне радости...

С Евгением Ивановичем мы расстались на полдороге к моему дому. Расцепив наши лодки, он добавил оборотов мотору, помахал мне рукой и, выйдя на редан, умчался в вихре водяных светлых брызг.

Я стал грести к берегу. Вытащив лодку на песок и примкнув ее цепью, не спеша начал собирать лежавших на ее дне окуней. Ни мешка, ни ведра у меня не было, поэтому пришлось сделать из шпагата кукан и нанизывать на него рыб под жабры одну за другой. Липкие, скользкие, они уже утратили свою свежесть и красоту. Глаза окуней потускнели, окраска плавников уже не была такой оранжево-яркой. И запах от них был совсем другой...

Смутное воспоминание заставило меня прекратить работу. Вот в такой же, только еще более ясный, еще более светлый и радостный майский день я, пятилетний мальчишка, ловлю удочкой-хворостиной вместе с другими ребятами рыбу. Пахнет болотными травами, землей и весенним разливом. В березовой роще неумолчно орут грачи. А я, полный тревожного, радостного предчувствия, не спускаю

глаз с проткнутого спичкой поплавка из бутылочной пробки. Вот он уходит в воду. «Тащи!» — кричит кто-то рядом, и я изо всех сил дергаю удилеце вверх. Из воды вылетает и шлепается на траву позади меня настоящая, пойманная не кем-нибудь другим, а мной, рыбка. Я бросаю удочку и бегу к ней, моей первой драгоценной добыче. Я беру ее на руки. Мальчишки сгрудились вокруг, и я слышу произнесенное кем-то слово: «Окунь!»

Он был гораздо меньше этих, сегодняшних. Он был только один, а сейчас их целая куча. Но где же та радость, тот восторг, который я испытал тогда?

Сам я не помню, но со слов других знаю, что бежал тогда от реки домой, не сняв окуня с крючка, и вместе с удочкой в калитке забора запутался. Там меня и нашла, заревавшего и счастливого, прибежавшая на мои вопли мама.

Почему же сейчас не радуют меня эти рыбы? Пойманы они честно, спортивной снастью. И количество тоже не превышает законный предел в пять килограммов. А радости нет... Почему? И вдруг я понял: не я поймал этих рыб, не я отыскал их. Меня привели, словно за руку, к нужному месту и показали, куда закидывать. Это были не моя ловля, не мой улов.

С удочками в одной руке и с тяжелым куканом в другой я медленно брел к дому. Проходя мимо сторожки деда Ондрия, положил на крылечко всю связку рыбы, постучал деду в оконце и молча пошел дальше. Пусть дед сам, как знает, распорядится этим уловом. Мне он совсем ни к чему...

Рис. Б. Федотова

Рыбалка характерна тем, что влечет на водоем не только тебя одного, но чаще вместе с друзьями и знакомыми. Более того, рыболовы нередко навешают друг друга, чтобы порыбачить на новых местах и познакомиться с новыми видами рыб.

Вот так же повелось и у меня. Ко мне часто приезжают друзья — большие любители рыбалки. Как правило, это старые знакомые, вместе с которыми я немало побродил по водоемам. Происходит, однако, странное явление. Как только они приезжают, чтобы вместе порыбачить, то все идет не так, как намечалось и как хотелось бы. Эта тема заслуживает, пожалуй, чтобы на ней остановиться.

В первые годы я не раз совершал одну и ту же ошибку. Как только получал сообщение, что в конце недели приезжает кто-то из моих друзей-рыболовов, то намечал детальный план проведения выходных дней. Выглядел он примерно так.

Пятница. Встреча. Что-либо освежающее после долгой поездки гостей. Обсуждение важнейшей проблемы — куда направиться утром. Подготовка снастей, насадки, прикормки. Ну а вечером приятная компания с хорошей закуской, рыбацкими рассказами и воспоминаниями.

Суббота. Подъем рано на рассвете. Едем ловить шук. На обед уха и жаркое из рыбы, ну и кое-что из освежающих напитков. В ночь направляемся на ловлю угрей.

Воскресенье. Хорошенько отсыпаясь. Коптим угрей. После завтрака едем на моторке ловить морских шук. Вечером приятный ужин с рыбными деликатесами и подведение итогов.

Я думаю, вы можете себе представить, что после проведенных таким образом выходных дней настроение у участников превосходное. Все выражают полное удовлетворение рыбалкой.

После печального опыта ряда лет я, однако, больше уже никогда не занимаюсь подобным планированием. Обычно вся так тщательно разработанная программа рушится, и реальная действительность выглядит совершенно иначе, а именно:

Пятница. Гость опаздывает и приезжает совершенно расстроенный из-за неполадок в машине. Обсуждение планов рыбалки не со-

стоит, ибо усталому гостю не до этого. Снасти и насадка не подготовлены из-за отсутствия времени. Из всего намеченного осуществляется лишь одно — ужин с освежающими напитками.

Суббота. Утром проспали из-за позднего и основательного ужина. На водоеме оказались лишь к середине дня, когда солнце палило уже вовсю и клев шук кончился. Весь улов состоял из двух недомерков, которых пришлось выпустить, и одного окуня. Поскольку мы упрямо, хотя и безрезультатно, пытались поймать еще что-либо, домой вернулись лишь к вечеру. Результат — насадку и снасти к ночной ловле угрей не подготовили, и она не состоялась. Ухи также не было, ибо мы сами практически ничего не поймали, а рыбные магазины были уже закрыты. Приятное застолье вечером, правда, состоялось.

Воскресенье. Неплохо выспались. Копчением угрей не занимались из-за их отсутствия. До середины дня готовили снасти и насадку для ловли морских шук. Однако затем долго не могли завести лодочный мотор. Когда же он наконец завелся, на море разразился шторм. Были вынуждены вернуться и вновь менять планы — а что, собственно, нам оставалось делать? Решили половить окуней в небольшом озерке поблизости. Для этого, естественно, понадобились другие снасти и насадка. В итоге у нас оставался ровно час времени для рыбалки. Улов — пять окуней с ладошку на все наши четыре удочки.

Вечером настроение не из веселых. Мой друг хотя и пытается вежливо улыбаться, однако про себя, как видно, подсчитывает — сколько же ему пришлось проделать километров за каждый грамм пойманной рыбы. Обещает, правда, приехать вновь, однако не появляется у меня довольно долго.

Самое же странное и неприятное при этом почти всегда заключается в том, что на следующий день — прекрасная для рыбалки погода, мотор заводится сразу и замечательно клюет рыба. Но все это, к сожалению, уже после отъезда друзей. Я, правда, об этом их регулярно информирую.

После неудачного опыта с детальным планированием я намечаю теперь, в случае

приезда друзей-рыболовов, лишь самое необходимое. Кроме того, я прошу также своих гостей подготовить снасти и снаряжение и быть готовыми к самым различным возможным вариантам и ситуациям. Хотя, если говорить откровенно, несу из-за этого определенный ущерб.

Теперь малолитражки моих гостей полностью забиты удильщиками и катушками, сапогами, плащами и подсачеками, ведрами и каннами, сумками с различными блеснами, лесками, грузилами, багориками, весами и т. п.

И, как правило, в машинах уже не хватает места для некоторых других вещей, которые обычно берутся с собой и необходимы для приятного отдыха в выходные дни на рыбалке.

лежит иногда и на мне самом. Виновата моя проклятая привычка говорить полшутя-полусерьезно, так что собеседники не понимают, что же я действительно имею в виду.

Так я обещал однажды Клаусу, что он поймает пятикилограммовую щуку, которая ему была нужна до зарезу, чтобы выиграть пари. Клаус действительно поймал щуку, но лишь на четыре килограмма. С тех пор меня мучат сомнения, не я ли, собственно, несу ответственность за это проигранное Клаусом пари.

С другим приятелем было еще хуже. Я ему легкомысленно наобещал, что в наших краях в это время года для каждого рыбакова гарантировано определенное количество щук. Он приехал, наловил щук, однако меньше, чем я ему

Однако и при такой солидной подготовке гости не застрахованы от превратностей судьбы.

Я вспоминаю Юргена, который однажды целый день простоял без плаща и головного убора под проливным дождем (бюро прогнозов предсказывало ясный и солнечный день) и отчаянно делал один бросок за другим. Но ни одна щука, которых мы пытались ловить, над ним не сжалилась. Но и в такой безрадостной ситуации Юрген пытался шутить, утверждая, что сама возможность в полную силу побросать блесну была для него удовольствием, поскольку в берлинских комнатных водоемах он не мог делать и этого.

Ответственность за то, что у моих гостей дело на рыбалке складывается не всегда удачно,

обещал. В результате он на полном серьезе предъявил ко мне претензии. Кроме того, я был обвинен еще и в том, что не объяснил, как быстро и на какой глубине нужно вести блесну, и поэтому наловил, мол, больше, чем он. Вполне понятно, что этот «друг по рыбалке» у меня больше никогда не появлялся.

Больше шансов имеют, конечно, те гости, которые приезжают не на выходные дни, а проводят свой отпуск где-то поблизости. В этом случае легче бывает парировать капризы погоды. Однако и им приходится сталкиваться с различными кознями, когда они бывают у меня. Так, Вернеру, например, который страстно любит рыбалку, никогда не удастся порывачить тогда, когда ему хочется. Уже несколько

лет он, конечно летом и с семьей, проводит отпуск по соседству. Ему, естественно, очень хочется выбраться на рыбалку на ранней зорьке, до наступления жары. Но этого никогда не получается. С утра он должен ехать в соседнюю деревню и отстоять очередь за свежими булочками. Затем завтрак. После этого он должен отвезти семейство на пляж, затем... В общем, на рыбалку мы с ним выезжали большей частью уже в середине дня, когда абсолютно ничего не клюет, или в дождь, когда его семейство сидит в тесной комнатухе и недовольно ворчит. До сих пор у меня перед глазами бедный Вернер, стоящий на причале с сумкой булочек в руках, наблюдающий с печальным выражением на лице, как я с весело гудящим мотором выезжаю на ловлю морских щук, — согласитесь, что должен же был я за лето поймать хотя бы несколько щук.

Кстати, о лете. Большинство гостей приезжает непременно в это время года, весьма неудачное с точки зрения рыбалки. В прошлом году опять дело обстояло так, что почти весь свой отпускной сезон мы были вынуждены ограничиваться мизерными результатами, достигаемыми к тому же с большим трудом. Лишь с конца августа камбала начала брать как никогда, и такой клев сохранялся почти до нового года. А с сентября подобный клев начался у трески.

Сам я имею с моими гостями хлопот немало. Приезжают они, как уже сказано, обычно в середине лета. Однако я вынужден ехать с ними на рыбалку, хотя знаю, что начался мертвый сезон.

Но это еще не все. Некоторые гости непременно хотят каждый раз убедиться, могу ли я, так высокопарно расписывая рыбалку, сам-то ловить; ведь обычно те, кто сочиняет всякие истории про рыбалку, сами-то ловить чаще всего не умеют. Мои гости, понятно, прямо-то так не говорят, но я хорошо это чувствую. Поэтому приходится для поддержания своей репутации каждый раз из кожи лезть, чтобы поймать или на несколько рыбин больше, или хотя бы более крупный экземпляр. Чаще всего мне это, правда, удавалось. Хотя однажды я чуть-чуть не опозорился. Это случилось, когда четырнадцатилетний Франк, который никогда не был на Балтийском море, удочкой, взятой напрокат, таскал в Висмарском заливе одну камбалу за другой. Да поймал к тому же еще несколько крупных угрей. А я, сидя рядом с ним, вначале совершенно ничего не поймал

и лишь наблюдал с кислой физиономией за его уловом. Я был вынужден тогда весьма серьезно мобилизоваться и, лишь используя все известные мне трюки и приемы, с грехом пополам кое-как сумел его победить.

Нельзя не отметить, что мои гости основательно занимают все мое свободное время, если даже и не намечается каких-либо определенных мероприятий. Но, несмотря на это, я не хотел бы лишиться встреч со своими многолетними друзьями-рыболовами и уже сейчас вновь с большой радостью предвкушаю наступающий сезон, когда мы вновь встретимся, чтобы вместе пережить надежды и разочарования, а иногда все же и наловить рыбы. Ведь приятная встреча с друзьями, с ухой или без нее, состоится в любом случае, и будет что-либо и освежающее.

* * *

Р. С. Недавно я получил сообщение от Герта, Вернера, Клауса и Франка. В этом году они собираются ко мне все вместе и всерьез рассчитывают меня обловить, чтобы отбить у меня охоту сочинять подобные истории про своих друзей-рыболовов.

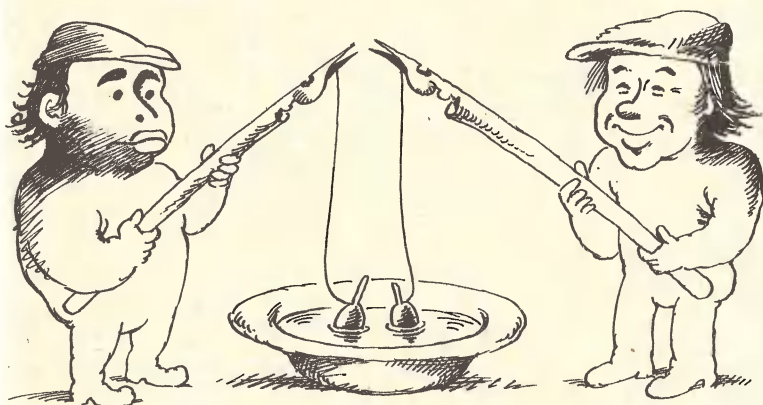
Перевод с немецкого А. Мартынова

Рис. М. Лисогорского

Рисуют

СЕРГЕЙ ТЮНИН
и ОЛЕГ ТЕСЛЕР

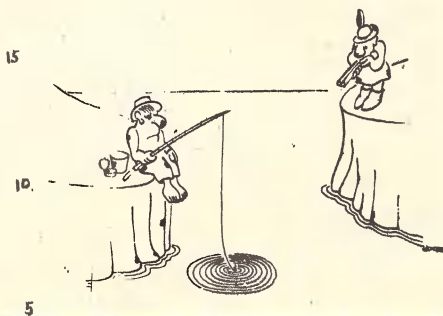
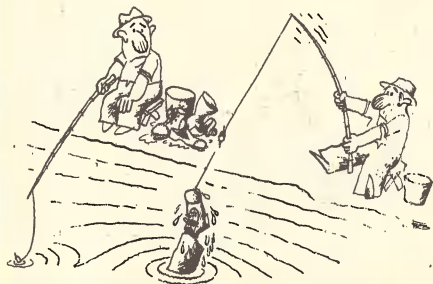
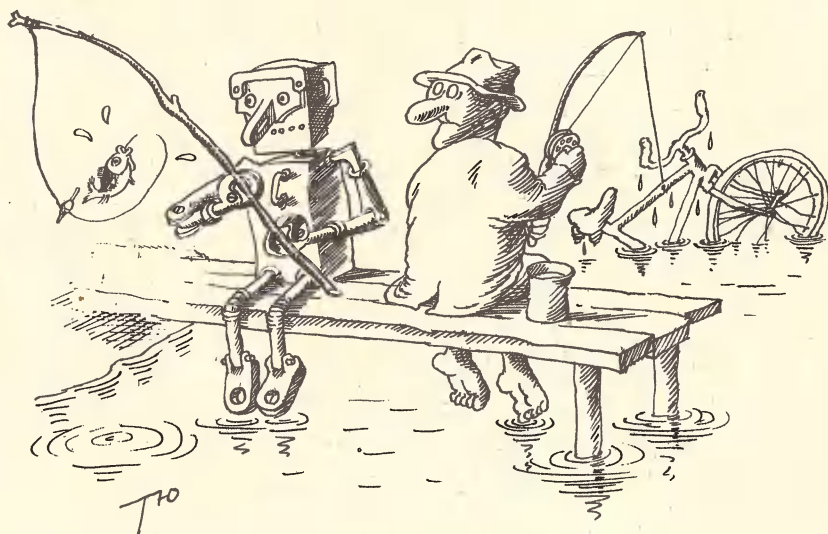
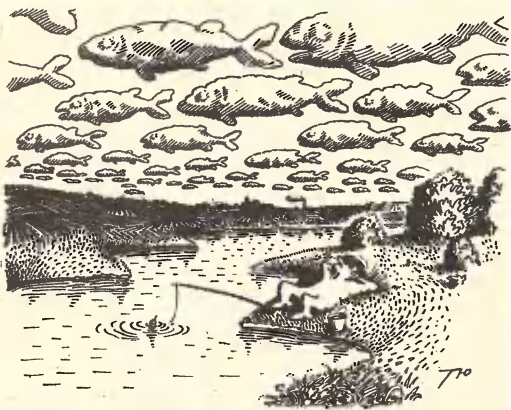
ЗАЯВЛЕНИЕ

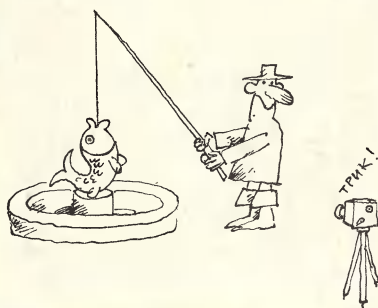
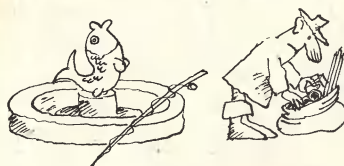
Мы, авторы представленных картинок, не являясь ни профессиональными рыбаками, ни просто любителями рыбной ловли, просим горячо уважаемых читателей данного альманаха простить нам неэкономизированный подход к твердоколюбимому или виду спорта, и на основании всего выше, ниже, а также отрыва и слева тут нарисованного, коллективно рекомендовать Центральному совету общества "Рыболов-спортсмен" незамедлительно принять нас в его члены с выданной членской книжкой, а также рыболовных снастей, как-то: удочек, бредней, мормышек, червячков, диннамита и т.д.

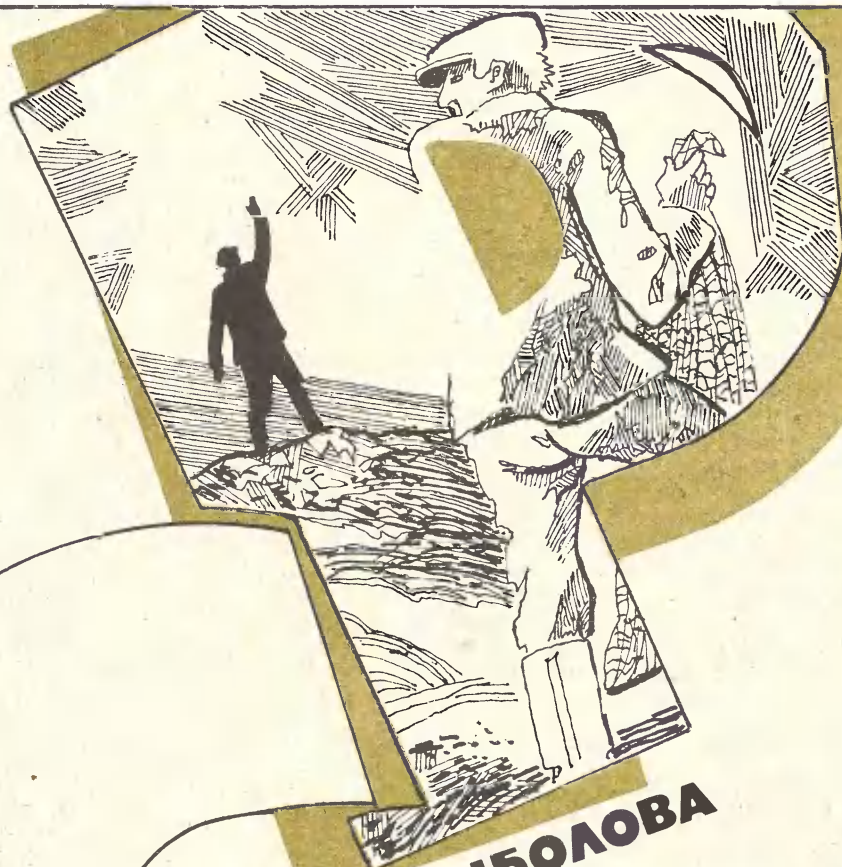
О.Теслер

С.Тюнин

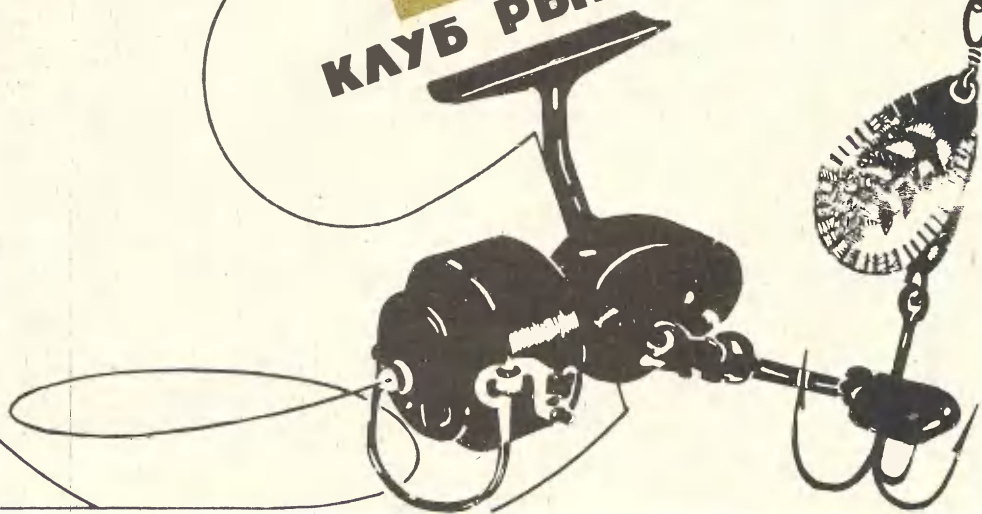

КЛУБ РЫБОЛОВА

НАШИ ПРОБЛЕМЫ

(о подготовке новых правил по любительскому рыболовству)

В настоящее время Главрыбвод СССР совместно с другими организациями работает над новыми правилами спортивного и любительского рыболовства. Почему назрела такая необходимость, какие проблемы возникают и будут возникать при подготовке правил — об этом рассказывает заместитель начальника Главрыбвода СССР Е. Огнев.

О главном принципе построения правил. Пока каждый из основных бассейнов имеет у нас свои правила рыболовства. При сравнении правил одного бассейна с другими мы находим между ними различия, и порой существенные. Эти различия отражаются как в регулировании промышленного, так и в регулировании любительского рыболовства.

После издания постановления Совета Министров СССР от 13 мая 1976 г. «Об упорядочении любительского и спортивного рыболовства» начата работа по созданию и разработке новых правил любительского рыболовства. В основе этих правил бассейновый принцип, однако сейчас мы пытаемся их укрупнить. Ибо нет никакого резона создавать несколько правил в районах, имеющих примерно одинаковую ихтиофауну.

И здесь рыбохозяйственная наука, обобщив итоги наблюдений и исследований, должна помочь нам установить пределы (границы) действия тех или иных правил.

Не могут остаться в стороне от решения этого вопроса и бассейновые управления рыбоохраны Главрыбвода СССР. Учитывая опыт регулирования рыболовства в последние годы, они должны определить, требуется ли сохранить множественность правил в том виде, в каком она существует сейчас.

Виды снастей, условия их применения, запретные сроки и участки для ловли достаточно изучены и проверены предшествующей практикой любительского рыболовства в различных бассейнах. Поэтому в интересах охраны и воспроизводства рыб новые правила в принципе воспримут все то, что было связано с запретительными нормами в действующих правилах.

К примеру, зачем иметь в любительском рыболовстве разные правила (как это есть теперь) для бассейна Баренцева, Белого морей, Псковского и Чудского озер? Есть в них,

конечно, различия по запретным местам и срокам ловли, но достаточно ли этого, чтобы обосновать несколько правил для любителей? Наверное, нет оснований создавать автономные правила для Ленинградской, Новгородской, Псковской и Вологодской областей, для озер Ладожского, Онежского, Ильмень, Белого и Кубенского, ведь в условиях этих водоемов, в их ихтиофауне много общего.

Укрупнив правила по территории применения, мы сделаем их более простыми в обращении. Тогда не надо будет иметь свыше 30 правил с различными терминами и названиями снастей.

Нам кажется, что нужно разработать отдельные правила любительского рыболовства, действующие на территории каждой союзной республики. Что же касается РСФСР, то эти правила можно было бы разработать, скажем, отдельно для регионов в европейской части: а) Севера и северо-запада; б) центральной части России; в) южной части России.

В Сибири можно было бы иметь правила для водоемов северной части и отдельно для Центральной Сибири по Байкалу включительно. Для водоемов Дальнего Востока достаточно иметь единые правила.

В этой статье нет возможности осветить все правила любительского рыболовства, однако замечу, что наиболее распространенные снасти — поплавочные удочки, донки, спиннинги — разрешены на всех водоемах. Но в интересах охраны осетровых на Каспийском море запрещены донные удочки. Количество крючков, применяемых на поплавочных и донных удочках, ограничено. В большинстве водоемов допускается применение удочек всех систем с количеством крючков не свыше 10 штук.

Разъяснить правила любительского рыболовства населению — прямая обязанность бассейновых управлений рыбоохраны, районных,

областных инспекций рыбоохраны. Это надо делать систематически, а путей здесь много: доклады и беседы на предприятиях, в учреждениях, совхозах и колхозах, статьи, краткие репортажи в районной и областной печати.

О вылове ценных видов рыб и браконьерстве. Этот вопрос возникает особенно часто. Ценность рыб определяется целым рядом факторов: численностью стада, объемом в уловах рыбодобывающих организаций, степенью стабильности популяции, условиями воспроизводства, наличием кормовой базы, ну и, конечно же, вкусовыми и питательными качествами. Это должны знать рыболовы, а также знать, какой ущерб они могут нанести природе, если будут незаконно вылавливать ценных рыб. К сожалению, часто пренебрегают запретами, установленными в водоемах, где водится ценная рыба. И получается такая картина. Приходит человек на лососевую речку и начинает ловить вполне разрешенную рыбу — окуня или пескаря. Но вот поплавок резко нырнул, подсечка, и в руках удильщика красивая, серебристая с синевой рыбка с удлинённым телом. Еще заброс — и выловлена точно такая же. Увлечшись, он вылавливает одну за другой одинаковые рыбёшки. Подоседавший инспектор рыбоохраны напоминает рыболову, что тот находится в запретной для любительского рыболовства речке и трофеем его является молодёжь семги — вид запрещённый для ужения. Не считая моральной ответственности, вытекающей из нарушения закона, здесь незадачливый рыболов будет нести и материальную ответственность, поскольку необходимо возместить материальный ущерб, причинённый государству выловом ценной рыбы. В данном случае за каждый экземпляр семги полагается уплатить 75 рублей, независимо от ее размера и веса.

Немало рыболовов в многочисленных предложениях просят еще более ужесточить борьбу с браконьерством. Понять этих рыболовов можно, ведь браконьер зачастую пользуется тем моментом, когда рыба в беде. И вместо того чтобы помогать ей, он старается всю ее выловить. И как не вспомнить здесь о заморах. В сильные морозы, когда на водоеме много снега, в воде резко падает содержание кислорода, рыба ищет выход из смертельной опасности. Она буквально вылезает на лед из проруби. Идет в ручьи, речки, на свежую воду, и набивается в них так плотно, что ее можно брать чуть ли не руками. Что же делают в таких случаях браконьеры? Разными хватками,

поддевными снастями спешат они выловить беспомощную рыбу. И, что самое главное, их поступки подчас не встречают осуждения со стороны окружающих. Наоборот, к ним присоединяются коллективы «рыболовов», ранее наблюдавших эти сцены. А через год-два те же люди задают совсем невинный вопрос: куда, мол, подевалась рыба? Не странно ли слушать это?

А возьмите концентрацию рыб на зимовальных ямах. На зиму рыбы сосредоточиваются на глубоких участках, выбирая места с достаточной проточностью, обеспечивающей нормальные условия зимовки. Рыба стоит очень плотно, некоторые виды не прекращают питаться, и этим пользуются хапуги, обнаружившие зимовальную яму. Здесь они часто не ловят рыбу, а багрят ее. Окровавленный лед в таких местах — свидетельство их преступных действий.

Браконьерство — огромное зло, и поэтому мы на стороне тех рыболовов, которые предлагают усилить борьбу с ними. И в новых правилах это должно быть тоже отражено.

Часто возникает вопрос и о сетях. Дело здесь в том, что кое-где еще рыболовам разрешается пользоваться некоторыми видами сетных орудий ловли. Но надо знать, что это разрешено там, где издавна местное население занимается рыбными промыслами (Карелия, районы Севера и Дальнего Востока). Теперь же и Карелию и зоны Севера и Дальнего Востока усиленно посещают туристы. Как же тут быть? Понятно, что в этом плане интересы туристов и местного населения в любительской рыбной ловле не сочетаются, здесь необходимы дифференцированные решения.

О новых снастях. Рыболовы должны очень осторожно относиться к разного рода новшествам. Эти новшества не всегда безобидны, а порой становятся очень добычливыми, браконьерскими снастями. Вот почему надо всегда помнить, что ловить можно лишь снастями и способами, отраженными в правилах, все остальное является запрещённым.

К примеру, часто стали употребляться «телевизоры» (кусок сетки, имеющий внизу грузила, а сверху легкую палку, служащую вместо поплавка). «Телевизоры» опускаются с помощью удочки. И внешне это выглядит совсем безобидно. Но на самом деле «телевизор» — самодельная снасть, в которую попадается порой очень много рыбы. Применяющие эту снасть становятся браконьерами и должны

быть наказаны. Запрещены сейчас и кормушки, которые сопряжены с крючками. Это объясняется тем, что, с одной стороны, они как бы делают снасть самоловной, а с другой — привлекают на прикормку очень много рыбы, которая становится легкой добычей хапуг. Различные соединения лесок двух или нескольких спиннингов фактически также отступление от

нормирования. Например, рыболов может по установленной норме выловить несколько лещей, хотя, скажем, по весу они и будут менее ныне действующей нормы. В свою очередь, ловлю плотвы, окуня, ерша, уклей и других малоценных рыб вряд ли стоит ограничивать в тех или иных водоемах, если эти виды становятся серьезными конкурентами в питании цен-

Эстонская ССР. На рыболовно-спортивной базе (слева)

Ценных рыб, не достигших определенных размеров, надо обязательно отпускать, если они попались на крючок

Фото Р. Каазика

их основного спортивного назначения. Они ведут к созданию новых видов снастей, неразрешенных правилами рыболовства, а потому и становятся снастями запрещенными (например, «тюкалка» и т. п.).

При подготовке новых правил предстоит решить и вопрос о **весовых ограничениях вылавливаемой рыбы**. В большинстве районов нашей страны установлена норма вылова в пределах 5 кг на рыболова в сутки. Однако надо сказать, что весовое регулирование нормы вылова весьма несовершенно и не обеспечивает необходимую охрану ценных видов рыб. Если исключить в качестве объектов любительского рыболовства особо ценных рыб (осетровых, лососевых), то вылов остальных ценных рыб можно было бы разрешить при условии штучного

ных рыб. Предложения о штучном нормировании вылова уже имеются. Они вполне резонны и полностью оправдали себя в любительском рыболовстве социалистических стран. Но следует их внимательно изучить, обсудить на координационных советах, выслушать мнение по этому вопросу рыбохозяйственной науки и только потом вносить в проекты правил любительского рыболовства.

Назрел и вопрос установления промысловых мер для вылова ценных видов рыб любителями. Так, например, ловят подлещика, Никто против этого не возражает — подлещик, так подлещик. Лови, сколько хочешь, в пределах весовой нормы. Однако же мало кто задумывается, что нынешний подлещик — завтрашний лещ — ценная рыба и для любителей, и для

спортсменов, и для промысловиков. Но, к сожалению, в большинстве водоемов не дают вырасти этому самому лещу. На тоненькую леску-паутинку, на крохотный крючок или морышку рыболовы изловчатся вылавливать 20—30-граммовых подлещиков. Никто не знает, в чем прок от такой рыбалки. Говорят, лишь бы клевало, а что, какого размера — не важно. И хочется задать вопрос: а как насчет завтра? Будем ли мы продолжать ловить полноценного леща или изводить вот этих малюток длиной со спичечную коробку?

В целях сохранения молоди рыб сделаны первые попытки. Так, в Днепробугском лимане установлена промысловая мера на вылов некоторых видов. Ниже этой меры любители не могут ловить рыбу, а если такое и случится, то она должна быть отпущена.

Рыболовы шлют предложения по вновь разрабатываемым правилам. Среди предложений есть весьма дельные, которые стоит всесторонне обдумать. Бассейновые управления Главрыбвода должны обобщить эти предложения, обсудить их на заседаниях координационных советов и вместе с активом и руководством обществ решить — принять или отклонить их.

Вот некоторые из этих предложений.

О ночной рыбалке. Здесь надо установить различие между ловлей рыб, ведущих ночной образ жизни, и просто ночным ужением. Налима, например, ловят ночью. Общий же запрет на ночную рыбалку повлечет лишь полное исключение ловли этой интересной рыбы. Следовательно, в водоемах, имеющих достаточные запасы налима, можно разрешить его ночное ужение.

А вот с вопросом о рыболовах-«ночниках» — дело сложнее. Кто они, эти рыболовы, ставящие палатки и шалаши в зимнее время на водоемах? Любители природы, радующиеся звездам, поклонники красивейших утренних и вечерних зорь? Любители оздоровительного отдыха? Или, может, искатели новых методов рыбалки? Пытливые исследователи? Ни то, ни другое, ни третье. Это добытчики. Обосновываются они обычно на проходных путях рыб. В изобилии разбрасывают в избранные места приваду. Вот и вся технология. Изможденные, с посеревшими и перемазанными копотью керосиновых ламп лицами покидают они свои ночные пристанища. И покидают порой с баснословными уловами. Нет, это не рыбалка. Это промысел, точнее, один из его видов. На водоемах Московской области такая,

с позволения сказать, ловля запрещена. В других же бассейнах, где больше рыбы, ночная ловля пока разрешается. Но, наверное, и здесь есть о чем подумать.

О жерлицах и кружках. Все настойчивее раздаются голоса рыболовов о запрещении этих снастей. Споры нет, спортивными их не назовешь, особенно жерлицы. Некоторые делают их подледными. Маскируют в различных укромных местах, снимая по десятку и более шук, судаков и других хищных рыб в день. Тяжелый урон поголовью рыбы причиняется такими самодельными снастями. Так что в культурных рыбных хозяйствах, да и просто на закрепленных обществами водоемах, ловля жерлицами и кружками, на наш взгляд, самими обществами должна быть запрещена.

На водоемах свободного фонда разрешать применять жерлицы и кружки надо, основываясь на запасах рыб. Но должно быть четко определено число таких снастей на одного рыболова. И, конечно, все возникающие вопросы по применению этих снастей необходимо глубоко продумывать и обязательно обсуждать на координационных советах при бассейновых управлениях с вынесением соответствующих рекомендаций.

О запретных местах для любительского рыболовства. В действующих правилах эти места имеют свои различия, но основываются они на главном принципе — исключить рыболовство в зонах крупных концентраций рыб, на миграционных путях, на нерестилищах, в нерестовые периоды. Очевидно, что запретные места и сроки, установленные для промыслового рыболовства, не могут совпадать со сроками любительского рыболовства. Где-то в запретных местах любительское рыболовство должно быть запрещено совершенно, а где и разрешено с различными ограничениями. Ведь общие ограничения подчас оборачиваются прямым ущербом, особенно для ценных видов рыб. Например, всякое ограничение любительского рыболовства в зонах концентрации молоди ценных видов рыб приводит к чрезмерному размножению хищников, выедающих эту молодь. Я видел шук, из чрева которых извлекали до десятка и более лососей. Рыбохозяйственным научно-исследовательским институтам надо заняться этой проблемой. Провести соответствующие исследования, дать рекомендации. Например, надо определить: где, какими снастями можно разрешить ловлю в запретное время и в запретных местах.

О вступлении в общество «Рыболов-спортсмен». Пока у нас существует формализм при принятии в рыболовное общество. Требований к вступающему почти нет никаких. А надо, чтобы вступающий в общество рыболов обладал минимумом знаний по охране рыб (признаки заморных явлений, болезни рыб, опасность этих болезней для человека, общие сведения по правилам рыболовства и т. д.). Рыболов — природопользователь, он обязан знать, что ему разрешено и что нет. Что он обязан дать взамен того, чем пользуется. Эти важные вопросы тоже должны быть отражены в каких-то документах.

О применении привады и прикормок. Надо разъяснять рыболовам, что и когда применять, в каких количествах. Только от полного незнания многие, отправляясь на водоем, запасаются килограммами каши, хлеба, сухарей, распаренных зерен. И все это сваливают в водоемы без всякой системы. Им совершенно невдомек, что рыбы в поисках пищи появляются в определенных местах. Гниение же беспорядочно разбросанных привады может лишь отпугнуть рыбу. Если же с помощью прикорма нужно как-то придержать мигрирующую рыбу, может быть, сконцентрировать ее, то совсем не обязательно безудержно сыпать корм, а периодически, небольшими порциями отправлять его в нужную точку.

В зимнее же время в больших количествах разбросанные привады — это отнятый у рыбы кислород, который так ей необходим в наиболее тяжелый период. И, наверное, эти вопросы

тоже следует отразить в правилах или иных документах.

О поведении на водоеме. Тут тоже надо ввести правила. А вопросов нерешенных множество. Вот только несколько из них. Забота о чистоте на воде, на льду и на берегу. Плотность размещения рыболовов на водоемах. Их взаимодействия при забросах снастей. Минимально допустимое приближение одного к другому. Варианты закрепления определенных мест на водоеме за рыболовами, позволяющие содержать места рыбалки в культурном виде (сжи, укрытия, свайные настилы). Порядок пользования маломерным флотом. Запрещение рыбной ловли для лиц в нетрезвом виде.

Решение всех этих и других вопросов необходимо в интересах культуры рыболовства на водоемах, закрепленных за обществами. Может быть, нам надо издать к правилам рыболовства дополнительные документы, согласованные с органами рыбоохраны на местах и утверждаемые местными Советами народных депутатов. В таких документах полезно предусмотреть и поддержание общего порядка на водоемах путем создания патрульной службы из числа самих же рыболовов, действующих на правах общественных инспекторов, или представителей дружин по охране общественного порядка.

Мы обращаемся к читателям, ко всем рыболовам: подумайте, какие вопросы нужно еще отразить в новых правилах. Мы ждем ваши предложения. Наш адрес: Москва, Верхне-Красносельская ул., д. 17, а. Главрыбвод СССР.

ХОРОШИЙ ПРИМЕР

Большое значение приобретают сегодня культурные хозяйства для любительского рыболовства. В хорошо организованных хозяйствах на водоемах создан такой режим, который позволяет ловить рыбу гораздо успешнее, чем в других, «диких», местах. Все работы по созданию водоемов, их зарыблению и охране рыб в культурных хозяйствах выполняют сами рыболовы. И сейчас есть уже интересный опыт в этом деле, с которым мы будем знакомить читателей. Начинаем мы с рассказа о культурном хозяйстве, организованном в Подмоскowie — в Звездном городке, и надеемся, что наши читатели найдут в опыте рыболовов из Звездного городка много полезного для себя.

Каждый космонавт должен уметь ловить рыбу, даже если он не принадлежит к великому племени рыболовов. Зачем? А дело все в том, что, возвращаясь на землю, он может попасть в такую местность, где его не сразу обнаружат. В таких экстремальных условиях необходимо уметь обеспечить себя пищей, например рыбой. На этот случай в снаряжении космонавта полагается иметь рыболовные принадлежности, а он должен уметь ими пользоваться.

Но рыбалка, как известно, и отличный активный отдых на природе. Общение с природой придает бодрость, помогает легче переносить нагрузки на сложных тренировках.

Все это давно оценили жители города Звездного. Несколько лет назад на месте небольшой речушки вырыли глубокий, длинный и широкий котлован с песчаным дном и откосами берегов. После наполнения котлована водой образовался отличный пруд. Он стал местом отдыха. Поначалу здесь купались, катались на лодках.

Но в Звездном всегда было много рыболовов. Был и свой первичный коллектив. И решили тогда рыболовы сделать пруд таким, чтобы на нем можно было ловить рыбу, совершенствовать свои рыбацкие навыки, которые необходимы космонавтам. Надо было пруд зарыбить. Однако на песчаном дне и откосах пищи для рыб не было. Тогда, по моему совету, откосы пруда одерновали. За эту работу дружно взялись члены коллектива. Им помогали их семьи — женщины и подростки.

На дернине хорошо развивались наиболее питательные для многих рыб личинки комара — мотыли. Позаботились и о размножении рыб — мелководную часть в конце пруда не очищали от растительности и не углубляли. Этот участок стал впоследствии местом нереста многих рыб, выпущенных в водоем. Здесь и по сей день строго запрещено ловить рыбу, купаться и плавать на лодке. Не раз-

решается даже ходить по берегам участка. Без разрешения имеют право заплывать сюда только... утки и лебеди.

Когда все работы закончили и пруд зарыбили, решили это дело отпраздновать. Большую изобретательность проявили тут самодеятельные артисты: они изобразили владыку подводного царства — Нептуна и его свиту. Устроили церемонию получения от Нептуна «Разрешения пользоваться прудом».

Члены коллектива охотников и рыболовов стали постоянно заботиться о своем водоеме и его обитателях. Центральное производственное акклиматизационное управление (ЦПАУ) попросили помочь в зарыблении пруда.

Поначалу были, конечно, трудности, неудачи. Так как на развитие пищевых организмов в пруду требовалось некоторое время, а рыбу в пруд уже запустили, пришлось кормить ее искусственными кормами. Сыпали их щедро. Но пылевидные, мучнистые частицы корма рыба не поедала. Они оседали на дно и загнивали, потребляя кислород из воды. Пока поверхность ее была открытой, это не очень вредило: ветер перемешивал воду, водные растения выделяли кислород. Но когда пруд покрылся льдом, поступление кислорода прекратилось, а расход его на гниение продолжался. В результате зимой рыба стала задыхаться и собираться у прорубей. Сделали срочный анализ воды. Он показал, что в ней острая нехватка кислорода. Еще несколько дней, и началась бы гибель рыбы.

И тогда позвонили мне и попросили помочь. Обследовав пруд и состояние рыбы, я посоветовал немедленно начать аэрацию воды. На одном из заводов быстро изготовили два аэратора моей конструкции*, и один из них был установлен в пруду. Через два-три часа работы аэратора рыба успокоилась и от проруби ушла.

Потом воду аэрировали каждую зиму, и заморы в пруду больше не возникали. Ну а рыболовы

* Автор этой статьи — ихтиолог. На протяжении многих лет он помогает рыболовам Звездного налаживать культурное хозяйство.

* Об этой конструкции можно прочитать в статье Т. Соловьева «Чтобы рыбе дышалось лучше», напечатанной в 39-м выпуске альманаха «Рыболов-спортсмен».

Звездного получили возможность успешно ловить. Через два года они создали еще пруд и тоже запустили в него рыбу. Пруд не проточный, но хорошая зимовка рыбы в нем также обеспечивалась аэрацией воды.

Сейчас известно много разных конструкций азаторов. Применяются они главным образом в карповых рыбхозах, и основная цель аэрации состоит в том, чтобы не допустить гибели рыбы от замора. О создании же в пруду таких условий, чтобы рыба клевала, конструкторы, естественно, не помышляли, так как в рыбхозах карпа удочкой не ловят. Поэтому почти все азаторы освежают только поверхностные, подледные, слои воды, в которых рыба от замора, конечно, не погибнет, но из-за низкой температуры питаться не может, а стало быть, не будет и клевать.

Азатор же в пруду Звездного освежает придонные слои воды. Рыба находится в благоприятных условиях. Более высокая, чем в других водоемах, температура воды и высокое содержание кислорода у дна, где имеется пища, пробуждают у рыбы аппетит, и она клюет всю зиму. Причем клюют не только окунь, плотва, подлещик, но и карпы и серебряные караси.

Мне рассказывали, что в первом пруду Звездного в марте (!) был пойман карп весом более 4 кг. В этом же пруду, тоже в марте, был пойман серебряный карась весом 600 г. Очень бойко клевали здесь подлещики по 200—250 г.

...Полагая, что ЦПАУ поможет обеспечить нормальный режим в прудах, я редко навещался в Звездный. Но вот в одну зиму узнал вдруг, что рыба во втором пруду клевать перестала. Правда, азатор здесь еще не был установлен. Проверив содержание кислорода в воде, я понял, что через неделю, а может быть и раньше, начнется гибель рыбы. И тогда срочно установили азатор — и клев быстро возобновился. В 20 м от установки брали даже карпы и караси.

Столкнулись рыболовы Звездного и еще с одной серьезной проблемой. В первом пруду стало очень много крупной рыбы: карпы достигли 6—7 кг, щуки 2—3 кг, лещи 1,5—2 кг, судаки 1—2 кг. Появились и особо крупные экземпляры, которые далеко не всегда радовали рыболовов. Чаше причиняли неприятности — обрывали леску, ломали удилище, разгибали крючок. Ну а крупные щуки просто были весьма невыгодными в водоеме. На 1 кг прироста каждая из них съедает 8 кг рыбы, предпочитая рыб покрупнее, в том числе щук помоложе (наверное, оттого, что щуки прогонистые и глотать их удобнее, чем, скажем, мелких карпов или лещей). А молодые щуки потребляют на 1 кг прироста 4 кг мелких рыб.

Стали нахлебниками в пруду и крупные карпы. Они не часто берут, а клюнув, редко достаются рыболову. Крупные карпы могут порой не клевать и потому, что в прудах, где нет свежесалитой луговой травы, они не нерестятся. Весной половозрелые карпы ищут места для нереста и в это время, как и другие рыбы, не питаются и не клюют. А потом невыметанные икра и молоки рассасываются в

организме рыб, в кровь карпа поступает много питательных веществ, и он не испытывает чувства голода. Рассасывание длится иногда до августа, а там с понижением температуры воды клев карпа вообще становится хуже. Не берут крупные карпы еще и оттого, что обычно побывав на крючке и сорвавшись с него, становятся очень осторожными.

И вот решили отрегулировать численность рыб в первом пруду, отловить прежде всего крупные экземпляры, которые мешали нормальному росту своих собратьев. В одном из подмосковных рыбхозов достали невод и сделали отлов. Первая проба оказалась неудачной — высота невода была недостаточной, и он прошел над дном, не захватив рыбу. Но в следующие заходы выловили около тонны рыбы.

Итак, коллектив охотников и рыболовов Звездного успешно решает многие сложные задачи, возникающие при ведении своего культурного хозяйства. Работают здесь творчески, в тесном контакте с ихтиологами и гидротехниками. Для грамотного ведения дела принят на постоянную работу специалист по уходу за рыбой и прудами.

Ну а нам остается пожелать рыболовам Звездного еще больших успехов!

Мой папа поймал!

Фото М. Калугина

НОВЫЕ ПРАВИЛА СОРЕВНОВАНИЙ ПО РЫБОЛОВНОМУ СПОРТУ

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров РСФСР утвердил новые правила соревнований, а также разрядные нормы и требования по рыболовному спорту. С 1 января 1979 г. ими обязаны руководствоваться все рыболовно-спортивные организации Российской Федерации при проведении соответствующих соревнований. Мы попросили прокомментировать эти правила и нормы члена президиума Федерации рыболовного спорта РСФСР А. Мартынова.

В последние годы в нашей стране рыболовный спорт развивается по двум направлениям: наряду с проводимыми уже не одно десятилетие соревнованиями по спортивной ловле рыбы различными снастями (спортивное рыболовство) с 1973 г. проводятся также соревнования по технике владения рыболовными снастями (спиннинг и нахлыст). Этот вид рыболовного спорта нередко называется также кастингом.

Поскольку условия и характер соревнований по спортивному рыболовству и технике владения снастями серьезно отличаются, в РСФСР разработаны и утверждены отдельные правила, а также разрядные нормы и требования для каждого из этих двух направлений рыболовного спорта.

Новые правила предусматривают соревнования: в первичных коллективах рыболовно-спортивных обществ и секциях рыболовного спорта ДСО, районные и городские, областные, краевые и республиканские (АССР), а также чемпионат РСФСР.

«В соревнованиях любого масштаба может проводиться первенство отдельно среди мужчин и женщин, а также юношей и девушек (14—18 лет). Юноши и девушки, имеющие достаточную физическую подготовку, могут участвовать в розыгрыше первенства среди мужчин и женщин».

Новые правила подготовлены с учетом международных правил и сложившихся у рыболово-спортсменов Российской Федерации традиций. Они предусматривают проведение соревнований по спортивной ловле рыб летней поплавочной удочкой, спиннингом, а также зимними удочками, оснащенными мормышкой или зимней блесной.

«На соревнованиях по спортивной ловле рыбы летней поплавочной удочкой разрешается пользоваться только одной удочкой, оснащенной одним крючком. Длина удилищ, вес, форма грузил и поплавков произвольные. Соревнования проводятся, как правило, с берега. Участок водоема, выделенный для состязаний, должен по возможности иметь одинаковые условия в отношении глубины, рельефа дна, растительности, подхода к месту ужения и т. п. Если нет пригодной для соревнований береговой линии, соответствующей указанным требованиям, состязания могут проводиться и с лодок, причаливаемых к берегу».

Командные первенства могут проводиться только по зональной системе. Выделенный для этого участок водоема делится на зоны по числу спортсменов в команде. Зоны, в свою очередь, разбиваются на секторы по числу команд. Протяженность по берегу сектора, выделенного для каждого участника, должна составлять не менее 10 м. Секторы отделяются друг от друга нейтральной полосой шириной 1 м. Зоны и секторы ограничиваются шнуром или флажками.

Участникам разрешается ловить на любую животную и растительную насадку, а также применять прикормку, количество которой не ограничивается. Запрещается пользоваться кормушками или какой-либо упаковкой для прикормки. Во время соревнований спортсмен может сидеть или стоять в любом месте своего сектора, однако заходить в воду не разрешается.

На соревнованиях по спортивной ловле спиннингом удилища, катушки и блесны разрешаются любые. Состязания проводятся с лодок, имеющих необходимые спасательные средства. Установленный для лодки участок водоема на зоны и секторы не разбивается. Спортсменам разрешается менять места ловли неограниченное число раз, но так, чтобы находиться друг от друга не ближе чем на 50 м.

Участникам не разрешается: ловить рыбу дорожкой и отвесным блеснением, применять сдвоенные блесны («поезд»), естественные и искусственные снасточки, оснащать грузила крючками, применять лодочные моторы и буксировку лодок, нарушать границу выделенного участка водоема, выходить без разрешения судьи на берег.

Соревнования по подледной ловле рыбы зимними снастями могут проводиться при толщине ледяного покрова не менее 10 см. Температура воздуха, при которой могут проходить состязания, определяется организаторами в зависимости от особенностей климатических зон.

При ловле рыбы на мормышку разрешается пользоваться одной удочкой, оснащенной одной мормышкой. Вес, цвет и форма мормышек произвольные.

Разрешается ловить на любые искусственные (бисер, резина, шерстинка и т. п.), животные и расти-

тельные насадки, кроме живых и мертвых рыбок. Можно применять прикормку, но без использования стационарных кормушек или какой-либо упаковки.

На соревнованиях по ловле рыбы отвесным блеснением разрешается пользоваться одной удочкой, оснащенной зимней блесной с одним крючком. Длина тела блесны без крючка должна быть не менее 25 мм. Любая насадка на крючок блесны (кроме цветных ниточек или «кембриков») запрещается.

Для соревнований по ловле зимними снастями избирается участок водоема с возможно более одинаковыми условиями в отношении рельефа дна, глубины, растительности, который разбивается на зоны по количеству участников в командах. В каждой зоне должно быть по одному участнику от каждой команды. Размеры зон должны устанавливаться с учетом того, чтобы на каждого спортсмена приходилось не менее 100 м². Ширина нейтральной полосы между зонами не менее 5 м.

Участники могут свободно передвигаться в своих зонах, сверлить неограниченное число лунок, но занимать только две в любой части зоны. Ловить рыбу разрешается не ближе 5 м друг от друга и от чужой лунки. Запасная лунка обозначается флажком, выдаваемым организаторами состязаний. Диаметр лунок не должен быть опасным для передвижения по льду.

На всех соревнованиях снасть во время ловли рыбы должна находиться в руке. Если же спортсмен кладет ее, она должна быть вынута из воды. Можно иметь запасные подготовленные снасти и заменять их во время состязаний.

Продолжительность соревнований по ловле рыбы летней поплавочной удочкой и зимними снастями не должна превышать 3 часов, а спиннингом — 5 часов.

Поскольку применяемая на лично-командных соревнованиях зональная система (из-за различия условий в разных зонах) не всегда может дать объективные результаты для личного зачета, в новых правилах имеется положение, что на лично-командных встречах начиная с областных и выше проводятся дополнительные состязания на личное первенство среди победителей в зонах (продолжительностью не менее 2 часов). Количество участников этих встреч определяется положениями о соответствующих соревнованиях.

В лично-командных соревнованиях, где проводится дополнительное личное первенство, право на присвоение спортивного разряда дает результат, показанный участником в личном первенстве. Поэтому в соответствующих положениях для дополнительных соревнований должно определяться такое количество участников, чтобы оно покрывало квоты разрядников, установленные классификацией для данного вида состязаний.

«Предъявленная к зачету рыба взвешивается с точностью до 5 г либо в однотипной таре, либо россыпью. Вес свыше установленной нормы вылова в данном районе не засчитывается.

За предъявленную к зачету рыбу участнику на-

числяется по одному баллу за каждый экземпляр и по одному баллу за каждый грамм веса. За досрочное предъявление улова (± 20 г разрешенной нормы) участнику дополнительно начисляется по одному баллу за каждую минуту, оставшуюся до финиша.

На соревнованиях по каждому виду спортивного рыболовства в командном и личном зачетах определяются три призера (первое, второе и третье места).

Победители в командном зачете на соревнованиях по ловле рыбы поплавочной удочкой, на мушкетерскую и зимнюю блесну определяются по наименьшей сумме мест, занятых членами этих команд в своих зонах, а на состязаниях по ловле рыбы спиннингом — по наибольшей сумме баллов, полученных членами команд. При определении мест, занятых участниками в зонах, участники, не явившиеся на старт или финиш или оказавшиеся без улова, получают последнее место в зоне +1. При равенстве баллов преимущество имеет команда или участник, поймавшие большее число рыб».

Новые правила соревнований по технике владения спиннингом и нахлыстом предусматривают состязания по двум упражнениям с нахлыстовой удочкой и трем упражнениям со спиннингом.

«У п р а ж н е н и е № 1 — забросы нахлыстовой удочкой турнирной мушки в мишени Скиш (пять круглых чаш высотой 3 см, диаметром 76 см, заполненных водой и установленных на различные дистанции). Всего выполняется 20 забросов в течение 5 минут 30 секунд в определенном порядке. За них участники могут получить максимально 100 баллов.

У п р а ж н е н и е № 2 — комбинированные забросы нахлыстовой мушки на меткость и дальность. Забросы на меткость производятся в три мишени, содержащие по три концентрических круга каждая (диаметром 60, 120 и 180 см). Мишени устанавливаются на различные дистанции. Забросы на дальность выполняются в установленные секторы. На упражнение в целом отводится 10 минут. За забросы на точность участник может максимально получить 90 баллов.

При забросах на дальность в зачет берутся два лучших заброса, за которые начисляется по одному баллу за каждый метр.

При выполнении упражнений № 1 и 2 разрешается применять нахлыстовые удилища длиной до 3 м с пропускными кольцами и обычные катушки. Шнур обычный нахлыстовый, 15 м, подлесок длиной не менее 1,8 м, мушка турнирная с диаметром оперения от 16 до 20 мм. Забросы выполняются с помостов (длина — 1,5 м, ширина — 1,2 м и высота — 0,5 м).

У п р а ж н е н и е № 3 — забросы спиннингом груза 7,5 г в мишень Аренберга (пять концентрических кругов различного диаметра). Производится 10 забросов с различных дистанций в определенном порядке. Участник может получить за данное упражнение 100 баллов.

У п р а ж н е н и е № 4 — забросы спиннингом

Первое место обеспечено

Решающий заброс

Подсчет результатов

Фото И. Калумса

грузика 7,5 г в мишени Скиш (пять деревянных дисков диаметром 76 см, расположенных в определенном порядке на различных дистанциях от места забросов). Каждый спортсмен делает четыре броска в каждый диск и может максимально получить 100 баллов за упражнение.

У п р а ж н е н и е № 5 — забросы груза 7,5 г на дальность. Выполняются в секторе, ширина которого на расстоянии 100 м от места бросков должна быть 50 м. Из трех бросков в зачет берется самый дальний; за один метр насчитывают 1,5 балла.

При выполнении упражнений № 3, 4 и 5 разрешается применять удилще длиной не менее 1,37 м и не более 2,5 м. Оно должно иметь не менее трех пропускных колец диаметром максимум 50 мм и выходное кольцо-тюльпан диаметром не более 10 мм. Катушки обычные безынерционные; лески любые, одинаковые по диаметру на всем протяжении, без подлесков.

Соревнования по технике владения спиннингом и нахлыстом могут проводиться по всем пяти указанным упражнениям (пятиборье), по двум упражнениям с нахлыстовой удочкой (двоеборье) или по трем упражнениям со спиннингом (троеборье). Зачет и награждение могут проводиться, однако, не только по пятиборью, двоеборью или троеборью, но и по каждому упражнению в отдельности.

Включенные в программу соревнований по рыболовному спорту указанные пять упражнений по технике владения нахлыстом и спиннингом составляют основу состязаний по кастингу, проводимых за рубежом. Международные правила по кастингу предусматривают, правда, наряду с пятиборьем проведение соревнований еще по трем упражнениям со специальными турнирными снастями и трем упражнениям с катушками, оснащенными мультипликаторами. Некоторые международные соревнования проводятся, таким образом, по восьмиборью и по всем 11 упражнениям. Поскольку соревнования с турнирными снастями и с мультипликаторами у нас пока не проводятся, новые правила их не включают.

В целом новые правила как по спортивному рыболовству, так и по технике владения рыболовными снастями полностью соответствуют в настоящее время международным и будут, несомненно, способствовать более активному и результативному участию рыболовов-спортсменов Российской Федерации в общесоюзных и международных соревнованиях.

В новых правилах соревнований по рыболовному спорту освещается также ряд других вопросов, обычно включаемых в правила, касающихся, в частности, вопросов подготовки состязаний, работы судейской коллегии, прав и обязанностей участников, представителей, тренеров и др. Поскольку каких-либо принципиально новых положений по этим вопросам в новых правилах по сравнению с ранее действовавшими не содержится, они в этой статье не затрагиваются.

Одновременно с новыми правилами соревнований Спорткомитет РСФСР утвердил также разряд-

ные нормы и требования по спортивному рыболовству и технике владения рыболовными снастями. В них также имеется ряд новых моментов. Поскольку рыболовный спорт не включен в Единую всесоюзную спортивную классификацию, звания мастеров спорта СССР по данному виду спорта не присваиваются.

Разряды от звания «Кандидат в мастера спорта» и ниже будут присваиваться по спортивному рыболовству спортсменам, занявшим определенные места на соревнованиях соответствующего уровня. Что касается присвоения спортивных разрядов по технике владения рыболовными снастями, то они будут присваиваться спортсменам, набравшим определенное количество баллов в пятиборье, двоеборье и троеборье на соответствующих состязаниях.

Как и на соревнованиях по другим видам, спортивные разряды по рыболовному спорту присваиваются только по результатам, показанным в официальных встречах, на которых судьи имеют категории, соответствующие требованиям Единой всесоюзной спортивной классификации, и лишь спортсменам, сдавшим нормы по комплексу ГТО.

Разрабатывая и утверждая новые правила соревнований, а также новые разрядные нормы и требования по рыболовному спорту, Спорткомитет и Федерация рыболовного спорта РСФСР исходили из того, что они будут служить дальнейшему развитию массового рыболовного спорта как эффективного средства укрепления здоровья и активного отдыха трудящихся, способствовать максимальному привлечению рыболовов-спортсменов, особенно молодежи и подростков, к участию в соревнованиях и других спортивных мероприятиях.

Спорткомитет и Федерация РСФСР добиваются, в частности, регулярного проведения ежегодных чемпионатов республики по рыболовному спорту. В этих целях утвержден порядок подготовки и проведения чемпионатов РСФСР по спортивному рыболовству и технике владения рыболовными снастями (кастинг). Предусматривается, что чемпионат по спортивному рыболовству будет проводиться в два тура:

первый тур — по зимним видам: спортивная ловля рыбы со льда зимней удочкой с мормышкой и отвесным блеснением;

второй тур — по летним видам: спортивная ловля рыбы летней поплавочной удочкой и спиннингом.

Чемпионат РСФСР по технике владения рыболовными снастями будет проводиться летом, в один тур. В целях регулирования числа команд и участников на этих чемпионатах предусматривается проведение зональных отборочных состязаний.

Г. Гиргенс

ВСЕ ВРЕМЕНА ГОДА

Весна

Этот день приходит неожиданно, застает врасплох, хотя ждешь его всякую весну нетерпеливо, но замотают по обыкновению дела да хлопоты, и новость узнаешь из третьих рук. Остановит однажды на набережной знакомый, придержит за локоть:

— Прогуливаешься? Что ж, придется записать тебе прогул, пикша-то уже подошла...

Оторопело задашь встречный вопрос:

— Когда успела?

— Вчера...

Слава богу, невелик «прогул». И как только мог запомнить, что на дворе уже вовсе хозяйничает апрель! Межсезонье виновато, растрачивает оно мобильность рыболова, подтянутость его и готовность.

На метеостанцию звонить не надо: если прихлынула к берегу пикша, следовательно, градусов до десяти Черное море прогрелось. Не ниже.

Пикшей крымские рыболовы-любители повсеместно называют черноморского мерланга (мерланку). Это одна из устоявшихся и необъяснимых народных ошибок. И приезжего, если он будет толковать о мерланге, не сразу и поймут, а то не поймут и вовсе. Верность истине заставляет автора напомнить читателю, в том числе и крымскому, что пикша обитает на севере Атлантики, тело у нее повыше, грудные плавники с темными отметинами, да и питается она бентосом. Вот сколько различий!

И в то же время, если этих сереньких, невзрачных на вид рыбешек положить рядышком, помедлишь секунду-другую, прежде чем скажешь определенно: это — пикша, а это — мерланг. Так что пусть приезжий отпускник не очень смущается: между обеими рыбами раз-

личия внешне крохотные, и обе они, в конце концов, из обширного и достаточно популярного подотряда тресковидных. Кто из нас, к примеру, не покупал в магазине хека серебристого — мороженого, обжаренного, копченого? Тоже ближайший родственник пикши и трески, «личность» известная.

Чтобы понизившейся за зиму температуре воды подняться на два-три градуса, при слабом еще апрельском солнышке нужно дней десять-пятнадцать. И все эти дни, а вернее вечера, в нашем с вами распоряжении. Если, конечно, не шибко заштормит, а шторм сейчас совсем не редкость. Впрочем, пикшу (пусть уж под этой «фамилией» она у нас и остается!) балла два не отпугивают, уже на бетон причала вкатит с шипением горбушка волны, а поклевки продолжают. Твердо старается удержать свои позиции рыба, прильнувшая на несколько часов к береговой кромке. Около десяти вечера, иной раз раньше, пикша откатывается при любой погоде назад, в глубины от 50 до 100 метров.

Этот апрельский сумеречный лов — великое веселье рыбацкого народа, своего рода разминка перед грядущими вместе с весной испытаниями. На пляжи, на буны и причалы выходят стар и млад. Картинка, наверное, весьма напоминающая ход корюшки во Владивостоке. Человек, который дотолé никогда и лески не держал в руках — хоть первоклашка, хоть пенсионер, — всяк бежит ввечеру к морю, чтобы половить пикшу. Это просто, ибо бесхитростно само рыбье желание набить желудок всякой всячиной. К наживке у пикши практически претензий не возникает, размер крючка и степень маскировки его тоже не смущают ее — полная безбоязненность.

Мой сосед по причалу, гляжу, надевает

на жала крючков какие-то бурые, остро пахнущие комочки. В полумраке — на разберешь.

— Что за наживка такая?

— Открыл банку с консервированными кальмарами...

— И как?

— Как видишь... в приподнятом на урвань моих глаз полиэтиленовом кулке трепещет улов. Ну и ну! Всеядность пикши в самом деле поразительна.

С малолетства рыбака на Черноморье, не отступаю от правила: для хищников, активных в жоре ночью, пользуйся насадкой светлых тонов. Обоняние — хорошо, вибрационные сигналы, принимаемые боковой линией рыбы, — тоже раздражитель, но эффект зрения, мне кажется, всего превыше. Белое в черной вечерней воде различить легче. На первых порах приобретения опыта я баловал пикшу насадкой из белесых кусочков свежей рыбы, а затем, по совету товарища, перешел... на сало. Эффект, как говорится, превзошел все ожидания. Истинно белая наживка — раз; держится на крючках закидушки (с поплавочной удочкой в темноте делать нечего) отменно — два. А главное, как вскоре выяснилось, пикша набрасывается на насадку из кубика сала, точно на кровного врага.

Однажды, торопясь на рыбалку, не обнаружил я в своем домашнем холодильнике «шматочка» салца, позвонил соседям: «Выручайте!» Прихватил тот соседский кусочек, завернутый в тряпицу, примчался на причал, развернул холстинку — и ахнул. Сало было выжелевшим — видать, готовилось для заправки настоящего украинского борща — да к тому же напичкано чесноком, как подсолнух семечками. Невероятный кухонный дух за клубился над причалом.

Погоревал я, конечно, выковыривая ножом чесночные дольки, но донку на всякий случай бросил. И тотчас последовали не сильные, но частые характерные поклевки. Вот уж, действительно, ничем не остановишь пикшу, коль решила она поужинать из-под берега!..

Весной прогрев мелководий западного и восточного Крыма идет куда интенсивнее, чем глубин южного бережья. И когда, скажем, в ялтинских пределах температура воды 13 градусов, то в районе Евпатории она равна уже пятнадцати. Казалось бы, невелика разница, но на активности рыбы сказывается существенно. И уже в первой половине мая над песчаным дном, заштрихованным кое-где каменными грядками-ступенями, повсеместно от уютных бухточек по-

селка Черноморское на северо-западе полуострова до слабо выраженных заливов вблизи сел Николаевка и Песчаное на юго-западе открывается жор у окуня и караса (ласкиря). Лов здесь возможен только с лодки, с глубины от 6 до 10 метров; границы эти, конечно же, не являются неколебимыми, я просто указываю наиболее уловистые пределы глубин, поскольку мне самому, например, доводилось брать голубого окуня на рейде села Окуневки (Черноморский район) с глубины всего в 3—4 метра.

Естественный вопрос: где взять лодку, если ты сам не доставил ее к морю на прицепе собственного авто?

В прибрежных селах, конечно же, полезно побыстрее завязать знакомство с местными любителями — владельцами лодок, в курортных поселках и городах достаточно много лодочных прокатных станций. Традиционно мобильна евпаторийская станция проката плавсредств, что расположена на набережной рядом с курортным парком имени Фрунзе и старейшим в стране биоклиматическим исследовательским центром, увенчанным характерной круглой башенкой. Евпаторийцы выгоняют в море лодки и велосипеды-катамараны — прекраснейшее, кстати сказать, плавучее средство для морской семейной рыбалки! — еще в первых числах мая, пожалуй; первыми в Крыму.

А что взять с собой в лодку из насадки? Конечно, лиманного червя! Это деликатесное блюдо всякой морской рыбы. В окрестностях Евпатории и приграничного с ней Сакского района немало засоленных озер и озерц, освежаемых подземными пресными родничками, — мест, столь любимых лиманным червяком. Если самому копать червя лень, лень возиться в грязи, приобрести его можно у местных рыбацков. Но не следует лезть за ним в знаменитейшее на всю страну своими лечебными грязями Мойнакское соленое озеро — как ни странно, в нем лиманный червь не прижился, его там попросту нет, и ковырять дно этого водоема ни к чему.

Другая популярнейшая на всех черноморских мелководьях насадка — мясо креветки. Мясо, освобожденное, конечно же, от колючей бронированной хитиновой головы и вообще вылущенное из панциря. Добывают креветку просто: прочесывают саком отмели, заросшие водорослями. Схожи с креветкой бокоплав и особенно мизиды. Всем им местные рыбацкие дали ласковое название — усики.

...Наконец и по побережью разносятся хорошие вести:

— Видели голубого окуня на Голубом пляже в Ялте!

— В поселке Фрунзенском взяли по паре килограммов!

— Появился голубой у причала села Рыбачье!..

В общем, лед тронулся. Если ловля пикши была забавой и разминкой после зимнего долгого терпения, то в мае встреча с голубым окунем уже по-настоящему раскаляет спортивную страсть. Он полосат, как и его пресноводный собрат, схож с ним колючим оперением, а главное — довольно сноровист, требует повышенного внимания при вываживании. Уменьшенной копией голубого окуня является окунишка

светлой серебристой окраски, названный в науке смаридой; рыболовы его недолюбливают, поскольку норовит он напустить в ладонь из анального отверстия. Пытался я дознаться, каким именем нарекли ихтиологи окуня-крупняка с голубоватой спинкой, перелистал несколько брошюрок — ответа нет. Наконец старый рыболов пришел мне на помощь: «Заметь, — говорит, — серенький всегда с икрой, а голубой — без. Может, и голубой смарида, только самец?» Так оно, нет ли, давайте проверять вместе. Возможно, это вовсе различные виды. Во всяком случае, серенький отличается постоянством своего присутствия и клева, а голубого в иной год можно и не увидеть у берега ни весной, ни осенью. И еще: ошибочно местные рыболовы зовут его каменным оку-

нем; настоящий же каменный редок, в косячки не сбивается, по-другому окрашен, и о нем я упомяну ниже.

По всему южному берегу окуня ловят поплавочными удочками, с причалов и бун; дело в том, что он любит барражировать над камнями, — как тут закидушку бросишь? Правда, вблизи Алушты, Рыбачьего, Судакских песчаных прогалей немало, можно воспользоваться и донкой. Замечу кстати, что только за годы последних пятилеток гидростроителями Крыма и Кавказа сооружено несколько сотен бун — своеобразных бетонных редутов, выдвинутых в море и эффективно предохранявших территории здравниц от возможных оползней, позволивших создать десятки километров новых искусственных пляжей. Для всякого же безлодочного рыбака продвижение в море по суше на несколько десятков метров вперед — находка, подарок. Не на каждый причал пустит человека с удочкой, суровый вахтенный! Для выхода же на буну запретов практически не существует, и массовое их строительство весьма облегчило извечную заботу рыболова — подойти к рыбе поближе, облегчило в Ялте и Алуште, в Судаке и Феодосии, а также вдоль Кавказского побережья. Справедливость требует, однако, заметить, что искусственные берегоукрепительные сооружения резко изменяют в худшую сторону состав и запас кормовой базы у линии уреза воды.

Не всегда есть возможность раздобыть у местных рыбаков лиманного червя, они ведь сами ездят копать его в район Евпатории; практически невозможен на глубинах и отлов саком креветок. Но пусть не печалится отпускник: окунь отлично клюет на свежее красное мясо, порезанное кусочками величиной с каплю; хорошо, чтобы оно еще и кровоточило. После того как насадка выбелится в морской воде, ее необходимо сменить. В ходу и известный принцип ловли морских хищников: рыба на рыбу.

Вместе с окунем может проскакивать и сарган — одна из забавнейших рыб Черноморья. Вытянутый в стрелу, с малыми плавничками (ошибочно его называют еще рыбой-иглой), сарган любит бегать по весне вокруг полуострова за хамсой, залетает аж в Азов, такой змеей пластывая в воде. Схватив наживку, крутит в глубине петли, всячески стремясь освободиться от крючка, и частично поводок перегрызает, уходит. Его длинно вытянутые вперед челюсти, точно у микрокрокодила, прямо-таки набиты зубками-пилками, но опасаться

их, высвобождая крючок, совсем не надо, мышечной силой они не подкреплены и совсем слабые.

Сарган — рыба малокостная, всего-то, наверное, на все его струнное тело — один позвоночник. Позвоночная эта нить необычного, зеленого цвета, что дает повод толковать об особой насыщенности фосфором. Не знаю, насколько это верно, скорее, цвет этот от желтого пигмента — билливердина, но определенно знаю, что мясо саргана обладает своеобразными пикантными вкусовыми качествами. Любая хозяйка предпочтет его ставриде или тому же окуню. К сожалению, число этой рыбы на Черноморье сокращается, и если ученые традиционно упоминают в литературе ее предельные размеры в 60—70 сантиметров, то рыболовы последний десяток лет саргана длиннее полуметра вряд ли видели...

Ловится сарган практически в любое время суток, он большой любитель покрутиться и в свете фонаря, привлекающего разную мелочь, — охотник прямо-таки неутомимый!

Лето

...Над морем нависает не колеблемая ничем жара, и температуру воды догоняет температура воздуха, почти сравняваясь с ней. «Парное молоко», — говорят о такой воде; она уже и не освежает разгоряченное тело закоптившегося на пляже отпускника.

К берегу — не подступись, курортная страда в зените. Значит, уходим в море.

На глубинах от 50 до 100 метров у берега Кавказа и Крыма в эту пору в ходу, в общем-то, две снасти: самодур и закидушка из лесы-миллиметровки с крупными прочными крючками. На первую можно взять ставриду и пикшу, проскочит иной раз и селедочка, на вторую — камбалу.

Насадка при ловле камбалы (калканы) — та же пикша либо хамса. Любопытно, что камбала может ухватить и оперенный крючок самодура, если концовка ставки касалась дна. Как в таком случае быть? На ставку идет леска диаметром 0,2 миллиметра, толща воды, отделяющая рыболова от рыбы, составляет несколько десятков метров, а сама камбала весит подчас не один килограмм... Ситуация необычная. Казалось бы, прощай ставка, если рыба чуть упрется или хотя бы махнет плавниками, чтобы отойти в сторону. Ан нет! Едва ощутив боль от укола крючком, камбала станет послушно, точно корова на привязи, идти, подни-

маться вверх. Не спешить. Спокойно. Не сбиваться с ритма. Крутим и крутим катушку. Мягко. Еще мягче. Помним: на концовке у нас 0,2. И вот эта прелестная рыбина уже на поверхности. Лежит, точно у себя дома, на дне. Распласталась. Соображает, что к чему. На это уходит секунды две-три. Затем следует небрежный, легкий взмах плавниками — и помчалась стрелой в толщу воды, откуда и прятъ взялась!

Вот ради этих секунд и рекомендуется брать в шлюпку багорчик: без него с камбалой не совладаешь, коль ухватила она ненароком крючок самодура. С закидушкой-миллиметровой куда проще, надежнее. Распространена камбала повсеместно, хотя и отдает предпочтение северо-западной части моря, району от Керченского пролива до Новороссийска, Крымскому южному берегу.

Ловится летом самодуром и одна из удивительнейших рыб Черного моря — тригла (морской петух). Раскраска ее огромных грудных плавников поразительна: здесь найдешь едва ли не все цвета радуги. Великолепно окрашена и спина — в синие либо коричневые цвета. На привезенную с моря триглу всегда собирается поглазеть публика, особую радость доставляют ребятишкам радужные плавники; их можно засушить, сохранить на память. Но три передних луча этих плавников лишены перепонки и видоизменились в пальцевидные придатки, помогающие рыбе передвигаться по дну и служащие в то же время наружными органами осязания. Тригла не только самая красивая рыба нашего моря, но и самая шумливая. Вытащенная в лодку, она долго поскрипывает и побрякивает — звуки, хорошо известные подводным акустикам и «произносимые» костными пластинами, которыми, точно панцирем, укрыта голова этой рыбы.

Красотой расцветки сравниться с триглой отчасти может лишь рулена — самая крупная зеленушка из всей этой многочисленной семьи, в изобилии пасущейся практически на каждом квадратном метре прибрежных вод, если есть на дне камни или водоросли; песчаных пространств зеленушки избегают.

Их, зеленух, называют еще губанами. Действительно, губы у них крупные, выпяченные. За ними спрятаны довольно крепкие зубки, способные разгрызть и раковину. Однажды в Алушке довелось наблюдать мне такой способ ловли. Местные рыболовы наживляли на крючки донок черненьких, в квадратный сантиметр величиной крабиков и, не обдирая панциря, делали заброс поближе к камням. Стало любо-

пытно: кто на такую неудобоваримую насадку клонет? Клевала, и неплохо, одна лишь рулена, крупная, в лапоть величиной, с толстой мясистой спинкой. Вот тебе и губан-губошлеп!

Напомним, что в уху только рулена и годится. Все остальные разновидности зеленушек безвкусны и напичканы мелкими косточками, даже коты пренебрегают зеленушками. Поэтому ловля их — занятие бессмысленное, уничтожительное. К сожалению, приезжая публика в массе своей этим в основном и пробавляется с рассвета до заката. Между тем пойманную зеленушку лучше всего осторожно освободить от крючка и выпустить, она тотчас прыскнет в водоросли, она нужна морю. Заодно уж добавлю, что не следует отлавливать, засушивать и отвозить домой в виде сувенира морских коньков и иглу, путающихся в длинных листочках травы-зостеры в наиболее прогретых местах. Поймать их нетрудно, стоит лишь поставить ладонь. Но, позабавив детей, которые к конькам и иглам проявляют вполне понятное повышенное любопытство, опустите побыстрей ладонь в воду: разумнее наблюдать за этими милыми никудышными пловцами в естественных условиях. Не забудем к тому же, что счет отложенным этими рыбками икринкам ведется буквально на десятки, в то время как, скажем, у камбалы или барабули — на миллионы. Разница в таком простом счете сама призывает нас к обходительной доброте в обращении с этими своеобразными забавными существами, радующими глаз и ребенка, и взрослого.

С берега в разгар лета можно поймать не только рулену.

К вечеру, когда схлынет с пляжей загорающий люд, изготапливается к ночной охоте морской ерш (скорпена). А мы поохотимся за ним.

Этого лежебоку и домоседа побуждает к активному образу жизни приближение сумерек. На насадку годятся кусочки любой свежей рыбы. Основная леска должна быть прочной, поводки — тонкими. Это на случай зацепа. Забросы придется делать среди скопления камней. Хорошо, если попадешь на песчаную прогалину, чаще же всего зацепы при ловле ерша неизбежны. Так что лучше распротеститься с поводком либо с крючком, чем со всей леской. По той же причине не ставят и свинцовый груз, обходятся любым продолговатым камушком, который удобно привязать вместо грузила: оборвешь — не жалко.

Скорпена бесхитростна в своей охоте, идет напролом, хватает насадку жадно. Если покле-

вок долго нет, надо слегка поддернуть снасть: движущаяся мишень для рыбы особенно заманчива. Тут дело в том, что, как у всякого ночного хищника, отлично развиты у скорпены органы боковой линии, так называемая сейсмическая система, весьма отзывчивая на вибрацию воды.

Если рыба подсечена, вести ее к берегу надо с возможной быстротой: сколько преград еще на пути, и очень обидно зацепиться за камень или водоросль именно теперь. Тут и сослужит нам добрую службу камушек-грузило, он ведь куда легче свинца, сам идет кверху при скорой потяжке.

Ночного этого разбойника относят к рыбам, опасным для человека. Есть у него ядок во второй колочке спинного плавника, есть и в колочках жаберных щелей. За лето исколешься об ерша десятков раз: в сумерках, а увлечешься, так и ночью совсем не просто высвободить из его пасти крючок. Болезненно, неприятно, но терпимо. Ерш пригоден только в уху, но в ней он незаменим — навар из его огромной бугристой головы, что навар от сахарной косточки в борще.

Вместе с ершом, если насадка легла на песок, можно выудить и другого сумеречного бродягу — ошибня. В некоторых местах Причерноморья его называют галей, галей. У ошибня угрообразное тело, спинной, хвостовой и анальный плавники слились воедино, нередко обрамлены темной каемочкой. Он однотонной буроватой расцветки, в отличие от ерша, который носит пестрый, удобный в засаде, наряд, да к тому же раз в месяц «переодевается» — линяет.

Редко, но берет ближе к вечеру каменный окунь, совершенно не схожий с упоминавшейся выше смаридой. Коричневое продолговатое тело, сильный широкий хвост, ярко, по-петушиному, раскрашенные плавники — его основные приметы.

Осень и зима

Подлинный праздник начинается у рыболовов в осенние месяцы.

В море отлично берет на самодур (цапарь) ставрида, набравшаяся жирка, сделавшаяся округлой, тяжелой. Кстати, многие пассажирские порты Причерноморья отряжают для любителей специальные рейсы теплоходов с выходом в море на 3—4 часа, и этим, конечно же, надо в отпуске воспользоваться. Помимо изготовившейся к залеганию на зимовку в глубоководные ямы ставриды хватают крючок скумбрия, пикша, дракон, луфарь, сельдь, а изредка цапнет и катран — единственная акула нашего бассейна.

Очень привлекательна осенняя ловля камбалы-гlossы. Ласково зовут эту рыбу глосиком. Та же камбала, по сути, только без шипов на спине; спинка абсолютно гладкая — буроватых, зеленоватых, серых тонов. Брюшинка всегда белая, иной раз отдает в голубень. По Черноморью и Азову клюет всюду, где есть песок. Клюет на свежую либо присоленную хамсу. Каждую хамсинку надо резать дольками, и, насаживая дольки на крючок, не следует беспокоиться даже о том, открыто жало или нет, — глосик опасных для себя ситуаций не различает, он типичный придонный едок-лежебока и абсолютно беспечен.

Крымчане выуживают его с успехом в заливах Феодосийском, Каркинитском, Каламитском, у берегов Судака, Рыбачьего. Но наиболее уловистые места в северной части Каламитского залива, на тех пятнадцати километрах побережья, где смыкаются раздольные пляжи Евпатории и Сак.

Интересно ли ловить беспечную рыбу?

Что тут сказать? Правильно: все хлопоты лишь в том только и заключаются, что ходи и проверяй, перенаживляй закидушки. Ходи и ходи, нагибайся и распрямляйся, и снова вперед и вперед...

Я знаком со многими-многими рыболовами — совсем мальчиками и совсем пожилыми людьми, для которых вся прелесть этой рыбалки и состоит именно в постоянной ходьбе по песку, в ощущении невероятного простора окрест, когда ты остаешься с морем и степью буквально один на один и когда дышится так, как никогда и нигде уже, наверное, дышаться не будет. Абсолютное слияние с природой. Абсолютная отстраненность от быстротекущего времени и громящегося сталью двадцатого века. Отрада души и сердца... В общем, есть своеобразное очарование в этой рыбалке на глухих, охолодавших и опустевших пляжах. Иной раз возьмет насадку и небольшая камбала, а изредка и морской язык (косорот).

Глосик — представитель хладоблиновой фауны, на нерест идет зимой. На самую активную пору нереста — с 15 февраля по 30 апреля — объявляется время запрета ловли этой рыбы; на первые полтора месяца как раз и приходится наше рыбацкое межсезонье, пока не откроется ход пикши...

Рис. Б. Федотова

ЕСТЬ ТАЙМЕНИ НА КУОЙКЕ

Небо над Якутией оказалось пронзительно синим. На дворе июль, а здесь вовсю пахнет весной. День похож на раннее утро: солнце даже в полдень светит откуда-то сбоку, на солнцепеке жарко, а в тени сразу зябнешь.

За деревянными домами аэропортового поселка озеро и тайга. Оттуда, будто с моря, веет свежестью и бескрайностью, только запахи и краски иные. Крепким «таежным духом», пряным ароматом шибает в нос прогретые солнцем заросли якутского багульника сахан-дальня, горьковато и терпко пахнет молодая зелень лиственниц. На золотисто-зеленом мху яркие пятна цветов, в торфяной воде озера плывут высокие облака.

— Господи, тайга, природа первозданная!..

Маленький, тщедушный на вид Горбунов почти высунулся из окна такси, в котором мы едем в город, ветер треплет его редкую седеющую шевелюру. Горбунов — доктор геологических наук, руководитель нашей экспедиции, он раз десять бывал в Якутии, и восхищаться ему вроде бы не положено.

— Разве это тайга! — шофер иронически ухмыляется на восторженность москвича. — Теперь от Якутска за зверем и рыбой верт за двести ехать надо.

— А таймени в Якутии еще не перевелись?..

— Таймени? Это на Вилной или на Оленек надо. В глухомань...

Что ж, куда-то мы и едем. Из каждой экспедиции к нам в институт привозят легенды о рыбах Сибири. У нас нет человека, который, отправляясь «в поле», не тешил бы себя надеждой на «царскую уху» из сига и омуля, на встречу с царь-рыбой тайменем. Верим и мы в наше рыбацкое счастье на далеком Оленьке. В рюкзаках у нас целые арсеналы рыболовных снастей. Но Горбунов категорически отверг идею захватить положенную экспедиции сеть, чем вызвал негодование Сансаныча, старшего геолога и завхоза. «Будете лопать консервы...» — бурчал он, бросая в машину связку спиннингов и складных удилищ, на которые мы с Горбуновым возлагали высокие охотничьи надежды.

Долго путь до нижнего Оленька. От заполярного Жиганска, летней столицы якутских геологов, мы летим на северо-запад почти пять часов. Летим над лесотундрой, где не ступала нога человека. Наконец в широком каньоне из невысоких гор появилась Куойка, ее русло изгибается так прихотливо, что порой не поймешь, в какую сторону она течет. Наш МИ-4, пустив по воде густую рябь, приземляется на узком галечнике. Здесь,

в трех десятках километров от впадения Куойки в Оленек, мы разбиваем свой первый бивак.

Наскоро перекусив, шеф с Козловым отправились вверх по реке определяться: нам надо поскорее приступить к запланированным геофизическим работам.

Ну а на меня в экспедиции возложены хозяйственные заботы, которые я делю с Чапой, милой черноглазой спаниелькой. Мы укрепляем палатку, растягиваем в ней пологи от комаров, вытаскиваем из тюков и накачиваем надувные лодки-полутонки, таскаем из леса слуги, делаем для лодок рамы... Делаю, конечно, я, а Чапа носится вокруг, гоняет по берегу за молодыми зайцами, лезет в воду, отбиваясь от гнуса длинными ушами, вертится под ногами. Словом, каждый работает как может.

Раздается отчаянный лай. Что там такое? Ба, да к нам гости! На пляже, в какой-нибудь сотне шагов от лагеря, стоит олененок. Его непропорционально длинные уши и ножки расставлены в стороны, напоминая букву Х. Мы с Чапой представляем для него чисто познавательный интерес. Но ненадолго: мотнул головой, развернулся и не спеша ушел в лес.

Ну и дела! Если здесь бродят непуганные олени, то сколько же рыбы должно быть в реке... Судорожно распаковываю спиннинг, цепляю блесну. Спешу — каждая минута кажется мне потерей, вычетом из моего будущего улова. Бегу прямо к отмели и делаю заброс. Второй. Третий. Четвертый... Пусто. Меняю места, блесны, скорость подмотки и глубину проводки. Все напрасно, ни одной поклевки.

Сию как оплеванный на холодной гальке. Выходит, нет рыбы в Куойке? Значит, те одни легенды, пустое хватовство. Видно, и тут побывали браконьеры...

Горбунов за ужином только посмеивается на мой горестный рассказ. Сансаныч удовлетворенно язвит:

— Я же говорил, выкинуть надо все эти железки. Рыба нынче стала ученая: дураки даже под водой перевелись.

— Да ты его не слушай, — успокаивает Горбунов. — Просто здешняя рыба казенные блесны не принимает. И не время еще. Вот почаевничаем, прицепим мои самоделки, и дело пойдет...

— Ну, ну, фанатики, бог в помощь. — Козлов аккуратно снимает мушкетерскую шляпу с щегольской черной вуалью от комаров и лезет под полог палатки. — Что до меня, я на боковую.

Чай-хохотун, заваренный с цветком сахан-даль-

жва, снова придает нам бодрость, хотя не спим мы уже вторые сутки. Берем спиннинги и отправляемся вдвоем к нижнему перекату. Над другим берегом, над частоколом лиственниц алеет полоска светлого неба, а над нами зажглись редкие белесые звезды. Светлый сумрак будет теперь держаться до утра. Шеф дает мне блесну размером с ладонь и весом чуть не в полкило — двуручный спиннинг гнется под ней, будто на нем сидит крупная рыба. Себе он цепляет искусственную мышь: обожженную пробку с пропущенным сквозь нее стальным поводком и якорем.

Куйка здесь совсем другая. Берег низкий, глинистый, вода, подмывая его, плотной струей мчитя мимо к порогу. Расходимся. Бросаю блесну в серую плещущую воду, приманка летит и шлепается как булыжник, утгивая за собой сразу полкатушки лески 0,8 мм. Никак не отрегулирую торможение, и у меня «борода» за «бородой». Злюсь, нервы на пределе. Прав Сансаныч: только ненормальные фанатики могут хлестать удочками по ледяной воде ночь напролет. Даже у Чапы хватило собачьего смысла не пойти с нами. Вот и леска от холода примерзает к фарфоровым кольцам спиннинга.

Пора домой. Какой уж клев в час ночи.

У порога сталкиваюсь с Горбуновым. Он возникает серой тенью откуда-то из-за камней. Вид у него странный, будто он что-то потерял или заблудился.

— У меня таймень взялся килограммов на двадцать...

Губы у шефа дрожат. Он протягивает мне «мышь» с напрочь разогнутым якорем. Якорь невелик, но на фоне жалкой искаленной «мышы» его вытянутые зубья производят впечатление катастрофы, почти землетрясения. Ну и силища у этого тайменя!.. Дрожь шефа автоматически передается мне. Смотрю на Куйку другими глазами: минуту назад безнадежно пустая и мертвая, она стала вдруг осязаемо живой и до жути таинственной. За каждым буруном, в каждом водовороте чудится чужая неведомая жизнь. И нет сил бороться с охватившим охотничьим азартом.

Снова разбегается в разные стороны. На этот раз бросаю блесну не так далеко, по течению, медленно подкручиваю катушку. От сопротивления быстрой воды спиннинг гудит и гнется, обманутый потяжками, я то и дело делаю пустые засечки. Проклятое волнение! Не могу унять дрожь в руках. Чувства обострены до предела, и порой мне кажется, я вижу сквозь воду. После второго заброса явственно наблюдаю, как за блесной до самого берега движется какая-то тень. Вот почти у самого берега она резко разворачивается и уходит в глубину, оставив на поверхности бурун... А может, это течение закручивает водовороты?

Бр-р-р... На душе неуютно, будто с тобой играет в прятки нечистая сила. «Ну, бери, бери, не мучай!..» Не берет. Решаю тянуть блесну еще медленней — пусть подольше полыхнется в воде. Пока размышляю, блесна плотно садится на дно: зацеп за камень. Не везет! Дергаю леску и так и и смя, наконец блесна освобождается, и одновременно

менно в том же месте по воде гулко бухает крупная рыба.

«Боже, какой идиот! Ведь это была поклевка!..» Я буквально стряхнул с крючка здорового тайменя. Но кто же знал, что он эдак вот «клюет»?

Метрах в ста раздаются торжествующие крики. Это зовет на помощь Горбунов. Сматываю спиннинг и бегу к нему.

У костра мы рассматриваем его роскошный трофей. Мощное торпедообразное тело с круглой головой, смахивающей на налимя, хвост и плавники кроваво-красного цвета. Под крупной серебристой чешуей радужные пятна, как у большинства лососевых, огромная пасть вооружена несколькими рядами острых, словно обойные гвозди, зубов. Таймень — краса и гордость сибирских рек, сибирский крокодил...

А назавтра началось: пикеты, профили, шурфы, промывка породы. Стало не до рыбалки. Три дня мы «копытили», по выражению шефа, от зари до зари. Сансаныч почернел лицом, словно обуглился. Я, наверное, такой же. Гнус и усталость не действуют только на Горбунова. Сухой и легкий, будто вяленый, он все время чем-то озадачен и неуютим, словно в нем сидит взведенная пружина. После работы, в часы отдыха, он собирает на пляжах камни и ловит лобастых увесистых ленков.

С севера крадется осень, и мы торопимся вниз: в конце августа вертолеты будут забирать последние партии на Бэйзмиме. Горбунов гонит нас по реке, как галерников. Днем мы «коптим», ночью сплавляемся.

К последнему порогу перед Оленьком подплыли почти в темноте.

К берегу, к костру, который аж до верхушек береговых лиственниц разжег старательный Козлов, я подходить почему-то медлю. Как зачарованный смотрю на воду и не могу оторваться от первобытной картины порога.

Бело-розовыми бурунами вылетает сердитая Куйка в широкий разлив за порогом и растекается, умиротворенно отсечивая блеклыми полосами заката, убегая в черный коридор тайги.

И вдруг перед глазами, кажется, у самого горизонта, возник четкий силуэт рыбы. Я отчетливо вижу: он вырывается из воды стремительно, как торпеда, на какое-то мгновение повисает в воздухе — мгновение это, нарушающее закон земного притяжения, кажется неестественно долгим — и бесшумно рушится в волны.

Я сижу на камне и жду. Если это не галлюцинация, это должно повториться. И снова передо мной из воды взлетает огромная рыба, и снова парит в воздухе, словно демонстрируя человеку свою мощь и красоту.

Так мы прощаемся с тайменем. Теперь, когда я ему безопасен, он показался мне. Мне радостно это прощание. Меня почему-то греет мысль, что есть еще таймени на Куйке.

Г. Сазонов

СТРАСТИ РЫБАЦКИЕ

Страсти рыбацкие. Чтобы передать непосредственное ощущение ловли, дать почувствовать возникающие при этом страсти, я познакомлю читателей с двумя поездками на рыбалку.

Под Галичьей горой

Однажды мне довелось отдыхать в Липецкой области, любоваться живописными местами верховья Дона и половить там рыбу. Берега Верхнего Дона красивы, во многих местах обрывисты и каменисты. Но для рыболова самыми примечательными кажутся берега у Галичьей горы. На правом берегу, в районе села Донского, громоздятся величественные скалы. Их суровыми крутыми обрывами, спадающими к берегу Дона, можно залюбоваться.

У берегов Дона под Галичьей горой избрали себе пристанище крупные сазаны, лещи и судаки.

В первые дни после моего приезда рыболовов на Дону не было, и я долго не мог сориентироваться в новой обстановке. Мутноватые воды, довольно быстрое течение, неровные глубины, доходящие под горой до трех-четырех метров... Сначала я увлекся новой для меня рыбкой — бирючком. Вниз по течению Дона, невдалеке от крутых склонов горы, струя воды отбивалась от мыса небольшой косы, и здесь я устраивался ловить рыбу в проводку. Забрасывать леску удилищем приходилось только при смене насадки, и ловить рыбу было так же удобно, как с лодки.

Многие рыболовы не знают бирючков, так как они распространены ограниченно. Наиболее интересная особенность бирючков в том, что их туловище полностью просматривается на свет. Вообще же эта рыбка очень красива и вкусна. Бирючок намного вкуснее обыкновенного ерша и, как говорят местные жители, в прошлом ценился на базаре дороже, чем стерлядь. Ловля бирючков в проводку на тонкую снасть очень увлекательна. Они бойко сопротивляются и при вытаскивании сильно сгибают кончик удилища. За три-четыре часа мне удалось налавливать с полведра бирючков. Такой

щедрый улов удовлетворял не только мои спортивные интересы, но и потребность семьи.

Увлечение бирючками продолжалось недолго. От местных рыболовов я узнал о ловле судаков на слепого вьюна. Они же вооружили меня лопатой-грабалкой, рассказали, когда можно пользоваться колхозной лодкой, чтобы перебраться на другую сторону Дона, к небольшой излучине, где водились вьюны. В этой излучине, на глубине примерно полутора метров, в илистом дне с перегнившими прутьями, корягами и корнями мне пришлось в поисках вьюнов перелопачивать сотни килограммов ила. Набрать полную лопату и донести ее в воде до берега совсем легко, а вот выбросить ил на берег, да не на самый край, а чуть подалее — это уже трудно. Иногда при разборе удачно набранного ила удавалось находить до пяти вьюнов, но бывали и пустые лопаты. Поэтому труд по добыче вьюнов был не так уж легкий.

Слепой вьюн настолько вертляв и обладает такой подвижностью, что удержать его в руках при насаживании на крючок весьма трудно. На такого вьюна судак берет так же жадно, как на мелкого пескаря, и нередко засекается сам.

К ловле судака приступают в ранних сумерках. И почти каждый вечер, как сядет солнце, можно было услышать звон литых бубенчиков на моих донках. В большом количестве судаков я не нуждался и до полуночи, при ловле на три донки, обычно выуживал двух-трех судаков.

В один из вечеров, когда начала сбываться моя мечта — половить богатырей-сазанов, с вершины горы вдруг полетели в воду большие камни. Некоторые из них, как мне казалось в темноте, падали в воду совсем близко. Я уже набрался страха, но потом расслышал какой-то шум за кустами и догадался, что камни бросают не с горы, а с берега. Вскоре все выяснилось. Под Галичью гору приехали ловить рыбу два елецких рыболова и перед ловлей бросали в воду глиняные пирогихи с прикормкой. Они подожгли кучу валежника. Один из рыболовов, небольшой паренек, посмотрел на меня испуганно и удивленно, но быстро успокоился, когда я попросил разрешения у старшего рыболова

присесть к огоньку и рассказал, что ловлю рыбу донками по ту сторону кустарника.

У ночного костра, на берегу реки, люди быстро становятся друзьями. За короткое время я узнал, что подростка зовут Костей, а старшего Павлом и что в этом месте они ловили сазанов уже не раз. А когда мне рассказали, какие тут водятся сазаны, как они рвут лесы, ломают крючки и утаскивают удилища, я сидел как замороженный и готов был остаться у костра на всю ночь. Пообещав прийти на другой день, я собрал свои донки и направился к дому.

Возвратиться на Дон мне пришлось только на рассвете второго дня. Меня всегда манило место возле устья длинной мелководной заводи. Берега этой заводи прикрыты водорослями, в ран-

нее легче на чужой прикормке, если остановиться чуть ниже по течению.

Елецкие рыболовы сидели настороженно, они словно замерли у своих удочек. Я подошел к ним тихо, еле прикасаясь к земле, и на вопрос, произнесенный шепотом, получил такой же еле слышимый ответ от Павла: «Поймали четырех сазанов», а Костя добавил: «Плавают вон у того камня на шнуре... Один сорвался, самый большой!»

Спустя несколько минут я уже расставил свои донки за соседними кустами. На крючках донки были кисточкой насажены небольшие земляные черви, и на короткой донке меня сразу стала одолевает разная мелочь. Вскоре бесплодные щипки мелкой рыбы мне надоели. После неудачной подсечки я только начал было удлинять лесу этой

ние зори я уже видел здесь волны, образуемые плавающими на мелях сазанами. На этот раз я решил подойти к устью неслышно, чтобы сазаны не вышли из заводи преждевременно, и пробирался по узкой тропинке крадучись.

Когда же я взглянул на гладкую поверхность воды, вереница круглых сазанов уже скатывалась к устью заводи. Должно быть, прибрежная почва колеблется даже от осторожных шагов человека и эти колебания улавливаются рыбой. Я решил не останавливаться у заводи, сообразив, что в этот день более выгодно встать поближе к елецким рыболовам. Добывать червей в районе Галичьей горы было трудновато, никакой прикормки у меня не было, и мне казалось, что поймать сазана будет

донки, как из-за кустов донеслись до меня крики и шум.

Происходило что-то необычайное. И то, что я увидел у громадного валуна, меня поразило. Вверху, над валуном, во весь рост стоял Павел, держа над головой высоко поднятое удилище, а Костя распластался на камне с опущенным в воду подсачеком. Леса удилища была натянута до предела. Павел то приближался к валуну, то отходил от берега, не уступая сазану ни одного метра без того, чтобы тот не затратил огромных усилий. Наконец порывы стали ослабевать, и Павел еще дальше отодвинулся от воды.

К встрече сазана все было готово: удочки были вытащены из воды и лежали на берегу, Костя

вплотную приник к поверхности валуна и ждал приближения... Сазан тяжело подтягивался из глубины к берегу, часто упираясь, и от его толчков дрожал согнутый бамбук. Я посмотрел на Павла. Вид у него был неказист, но воинственная поза говорила о том, что ему все должно покориться. И только одни глаза выдавали неуверенность и смтение. В них можно было заметить то испуг, то какую-то странную жадность и боязнь потерять сазана... Теперь этот сазан означал для него и счастье, и смысл жизни, и все, что так крупко держит человека в земном мире!

Наконец сазан всплылся и, сверкнув бронзовой чешуей, пронесся мимо валуна. От такого стремительного разворота Костя оторопел и даже не пытался придвинуть подсачек, а Павел бросился с пригорка, чтобы дать ходу этому необузданному «зверю». И опять сазан ринулся к середине реки... Сазан мне показался большим. Павел тоже подтвердил: «Здоров! Килограммов на десять будет. Хорошо, что попал на эту удочку, леска крепкая...»

Снасти Павла были действительно хороши. Целые бамбуковые удилища отличались идеальной прямизной и правильным строем. Поперечные обмотки из цветного шелка и свежая лакировка делали их в меру нарядными и приятными. Даже лески были окрашены в рыжий цвет, создающий универсальную маскировку для ловли на любом грунте. И, пожалуй, единственный недостаток его снасти состоял в том, что длина лесок, заброшенных в воду с доночными грузами, превышала длину удилищ почти в три раза. Вытащить крупную рыбу без катушки на такую длинную леску очень трудно. Эту трудность сейчас и испытывал Павел. Чтобы подвести сазана, ему приходилось отходить дальше от берега, но тогда он не мог видеть, что происходит под берегом и тем более за валуном.

На второй подводке Костя едва только тронул сазана подсачеком, как тот обдал его брызгами и скрылся в глубине. Павел рассвирепел, сгоряча обозвал Костю косолапым чертом. «Да как же за ним утонишься, ты же его не удержишь», — обиделся Костя. Еще и еще раз повторялись неудачные попытки подсачить яростно сопротивлявшегося сазана. Наконец он истомился, всплылся у валуна и, чувствуя неодолимую усталость и потребность отдышаться, судорожно и отрывисто шевелил жабрными крышками. Костя уже подвел под него и приподнял большой подсачек...

В этот миг сазан сделал отчаянный прыжок — такой безумной силы, что перелетел через сетку подсачека. Задевшая за него леска рванулась вперед и вдруг обвисла. Вот это бросок! Был сазан — и не стало сазана!

Ошеломленный Павел поник головой, как-то весь обмяк и повалился на камни, не сказав ни слова. Обхватив голову руками, он замер. Это было ужасно. Мне казалось, что теперь только время да прохлада утра вернут его к жизни...

Я понял, что мне пора уйти. Костя стеснительно посмотрел на меня, слегка улыбнулся и неловко

махнул рукой. Этот милый подросток с рыжеватым солнечным загаром и смешными завитушками на голове мне очень понравился. Чтобы успокоить его, я подошел к камню, где был привязан кулан с рыбой, и похвалил сазанов, хотя по сравнению с упущенным гигантом они показались мне совсем небольшими.

На одну из моих донок попался подлещик. Он был довольно большим, но в то время и крупный лещ не мог бы меня обрадовать. Я думал только о большом сазане и с тревогой прислушивался, не начал ли ругаться Павел. Конечно, приподнятый подсачек Косте надо было волочить по воде, а не поднимать выше. Но в таких редких случаях даже опытный рыболов всегда волнуется и может допустить ошибку. Вскоре я услышал довольно спокойный, хотя и погубивший голос Павла. Никаких криков, никакой ругани. Значит, все обошлось, значит, Павел был не только горяч и вспыльчив — он обладал терпением и настойчивостью, этими сокровенными качествами настоящего рыболова...

У лунок Московского моря

В середине зимы приехали мы на берег Московского моря. Мой закадычный друг Еремеич и я — люди опытные, в здешних местах бывавшие, а третий — новичок. Звали его Иваном, и в нашу компанию он попал из чистого любопытства к зимнему лову. Приехали затемно. Вышли из автомашины и скорее в поход — как бы не отстать от других...

Крупной рыбы на Московском море не так уж много, но она есть, и ее существование непрерывно тревожит огромную армию рыболовов; тревожит сладостными кошмарами, вызывает множество забот и размышлений. Как поймать? Рыболовам нашего моря свойственно верить в хорошее. Они подбивают друг друга к дальним походам. Настроение и предприимчивость поддерживаются фантастическими рассказами о больших уловах, неведомых приемах ловли и необыкновенно рыбных местах, находящихся далеко от стоянок автомашин: в Федоровском и Бревновском заливах, в устье реки Созь, в Городне, Корчеве, у Клиновских островов. Но в середине зимы уловы большинства рыболовов обычно состоят из мелких окуней и крохотных ершей. Эти несмышлениши ловятся всюду.

Зато если клонет порядочная рыба и где-то на небольшом участке огромного моря вдруг поймает несколько десятков солидных окуней, — это событие! Об этом завтра будет говорить вся Москва: «Слышали, — скажут, — каких «лаптей» вчера навали в Бревновском заливе, а ловились только на черную мормышку!»

Мы решили удалиться от мест, где рыболовы собираются толпами, и двинуться к рыбным угодьям, лежащим между двумя островами. Миновали один остров, тропа кончилась. Дальше лежала снежная целина. Посветлело. И вот мы на далеком месте, над руслом затопленной речки. Иван взялся за ледо-

бур. Надо было разделить несколько лунок для удочек с флажками — на щуку. Иван пыхтел и приплясывал, вращая ручку ледобура, но без сноровки получалось туго. Мы же с Еремеичем наловили живцов — маленьких рыбок, обреченных на горькую участь, расставили жерлицы, дали Ивану инструкции, как быть, если щука вздернет флажок, и отправились на поиски окуня. Решили ловить на бригаду — делить добычу поровну.

Прошел час, другой. Я никак не мог попасть на рыбу и только из пятой лунки выудил подряд трех крупный окуней. Но тут на весь плес раздался отчаянный вопль Ивана:

— Откуси-ила!

Все рыболовы разом оглянулись, а мне пришлось бросить налаженную ловлю и бежать к Ивану. По его словам, рыба сорвалась бо́льшая. Чтобы показать ее размер, у Ивана не хватало руки, и он затрагивал часть плеча. Отмерять на ногу он еще не научился. Из его рассказа выходило так, что щука откусила тройной крючок вместе с грузом, а значит, и вместе с отрезком лески в тридцать сантиметров. И когда я заметил, что так не бывает, что, дотащив щуку до льда, он погорячился и сам оторвал леску, его возмущению не было предела.

— Не веришь? Я же видел ее пасть. Огромная. Вот-вот зарычит! Понимаешь, морда в лунку не входила. А ты говоришь, не могла откусить столько лески. Ты бы лучше привязывал крючки к проволоке. Другие-то ловят со стальными поводками...

И откуда он так быстро набрался опыта? Пришлось снова повторить ему все премудрости ловли и рассказать: щуки здесь «ученые», живцов, насаженных на крючки со стальными поводками, берут редко, и хорошую леску в полмиллиметра толщиной щука может и не перекусить, если вываживать ее спокойно. В этот момент вскинулся флажок на пружинке соседней жерлицы. Красный флажок! Иван бросился к лунке. Став на колени, он осторожно смотал с катушки часть лески, чтобы щука тащила живца, не ощущая сопротивления; другой рукой расчистил лунку от подмерзшего снега, погружая ладонь в ледяную воду. Такая расторопность меня поразила. Я похвалил Ивана и, как только щука снова потянула леску, скомандовал: «Подсекай!» Широким неумелым взмахом Иван сделал подсечку и быстро замотал руками, вытаскивая рыбу. Молодая щука, в полкилограмма, с ходу пролетела лунку и была отброшена от нее на несколько метров. Скуластое лицо Ивана засветилось счастливой улыбкой.

Ну что я мог сказать ему? Разве так рыбу вываживают? А если бы попалась крупная?.. Все равно сразу не научишь. Важно разбудить интерес, высечь первую искру, остальное приложится.

Мы заменили сорванных живцов, проверили остальные жерлицы, и я снова покинул Ивана. Ловить окуня на мормышку куда интересней. Это более живая и активная ловля.

Настоящий рыболов не унывает и никогда не разочаровывается.

Убедившись, что за время перерыва окуни покинули стоянку, я отправился искать новое место. Еремич сидел невдалеке от острова, перед той же лункой, где я заприметил его раньше. Возле него совсем недавно расположились другие рыболовы. Я подошел к ним и, не успев задать вопроса, почувствовал: тут есть чем поживиться. Еремич подморгал и кивками головы дал мне понять: сверли рядом, с левой стороны. В этом месте у него было пять лунок. Судя по обьтому, желтому снегу, дольше всего он сидел у той лунки, возле которой советовал остановиться мне. Через несколько минут он вернулся к ней и расположился рядом со мной. Кроме мелочи ему посчастливилось поймать трех крупных окуней, и он только что пережил два обрыва: один из окуней оставил себе на память его любимую, как выразился, самую «сильную» мормышку; все поклевки крупного окуня были на медленной игре, высоко ото дна.

Моя мормышка уже не раз подтягивалась вверх, ища окуня на верхних этажах. И вот... Нет, это мне показалось, будто кто-то нехотя тронул мормышку, и на одно мгновение леска потянулась. Снова погружение и подъем. Теперь уже с колебательными движениями, придающими мормышке состояние дрожи. Поклевки не было. Я изменил ритм подъема. Мормышка поднималась и через равные промежутки задерживалась в трепетном дрожании на одном уровне. Короткий толчок вывел ее из такого состояния. И вот сторожок перестал вибрировать и выпрямился. Подсечка! Высоко поднята рука... и удильник изогнулся. Я приподнялся. Какое состояние! Чувствовать, как кто-то внизу, в глубине лунки, сжался в комок и сопротивляется неторопливо, как бы обдуманно, в полную меру сил. От такого чувства замирает дыхание, темнеет в глазах. Страх за леску ledenит душу. А леска тянется, тянется и звенит, требуя уступить напору рыбы. Я уже пригнулся к лунке. Дрожащая рука с удильником у кромки льда. Последнее усилие — и конец...

Но тонкая леска выдержала. Наступила решительная минута. Будь что будет! Я сделал еще одно усилие. И в этот момент что-то потянулось и опять уперлось. Началась борьба. То вниз, то вверх, томительно, медленно. С моего лба уже катились капли пота...

Моего противника покинули силы, и вскоре из синевы лунки показалась голова крупного окуня. В одно мгновение я подвел под него ладонь и выбросил на лед. И тут я услышал свой собственный вздох, исторгнутый из стесненной груди. Колотилось сердце, било в висках. Я стал на ноги — отдышаться. А поверженный мною противник сердито ударил хвостом и вскоре заснул. Это был крупный окунь. На серебре снега его чешуйчатая окраска с поперечными зелеными разводами и темно-алым оперением казалась удивительно нарядной. Я убрал рыбу в дорожный ящик, подальше от чужих взоров, и тут же заправил мормышку для продолжения ловли.

Вдруг кто-то начал пробивать возле меня лунку.

С другой стороны ко мне подошли еще двое с транзистором-невидимкой, изливающим какую-то мелодию. Я неохотно отвечал на вопросы и даже говорил им неправду. Я не мог поступить иначе. Никто не должен был помешать мне поймать еще одного такого же окуня. За короткий срок рядом со мной было прорублено десятка два лунок. Я сидел насупившись и чувствовал, как замерзают ноги. Моя рука все еще водила мормышку. В конце концов кто-то потербил подсаженного на мормышку мотыля, и сторожок кивнул. Я подсек, почувствовал невесомое трепыхание и вытащил маленькую плотвичку. Миловидная, серебристая, она была бы лучшим живцом. Плотвичка билась об лед и трепетала. Я выпустил ее в лунку, она скользнула по поверхности и скрылась в глубине.

Стало понятно: крупных окуней в этом месте уже нет. Еремич посмотрел на меня, мы поняли друг друга и, не сговариваясь, собрали свои снасти. Куда идти? Шагать дальше по бездорожью дело нелегкое. Для широких поисков нужны свежие силы. Да и время наступило «глухое», когда окунь прекращает брать. Теперь если что будет, то после трех часов, на короткой вечерней заре.

Направились к Ивану. На нашем пути по ту и по другую сторону виднелись застывающие лунки, навстречу шли рыболовы. Их раскрасневшиеся лица свидетельствовали о том, что они здорово поработали и еще полны надежды на успех предстоящих поисков. Наш Иван тоже шел нам навстречу — видимо, не выдержал одиночества. Он заглянул в наши ящики и изумился: «Вот это окуни! Неужели на мормышку?»

Подошли к стоянке — к сложенным на сугру вещевым мешкам, уселись передохнуть.

— А мой улов вашему не чета, — заулыбался Иван и, оттащив свой мешок, стал раскапывать засыпанных снегом шук. — Эта раз, эта два, а эта уже посолидней! Насилу вытащил.

Надвигались сумерки, становилось холодней. Со всех сторон моря зашагали по одному и небольшим партиям собравшие свои снасти рыболовы. На основных тропах они сливались в бесконечные вереницы.

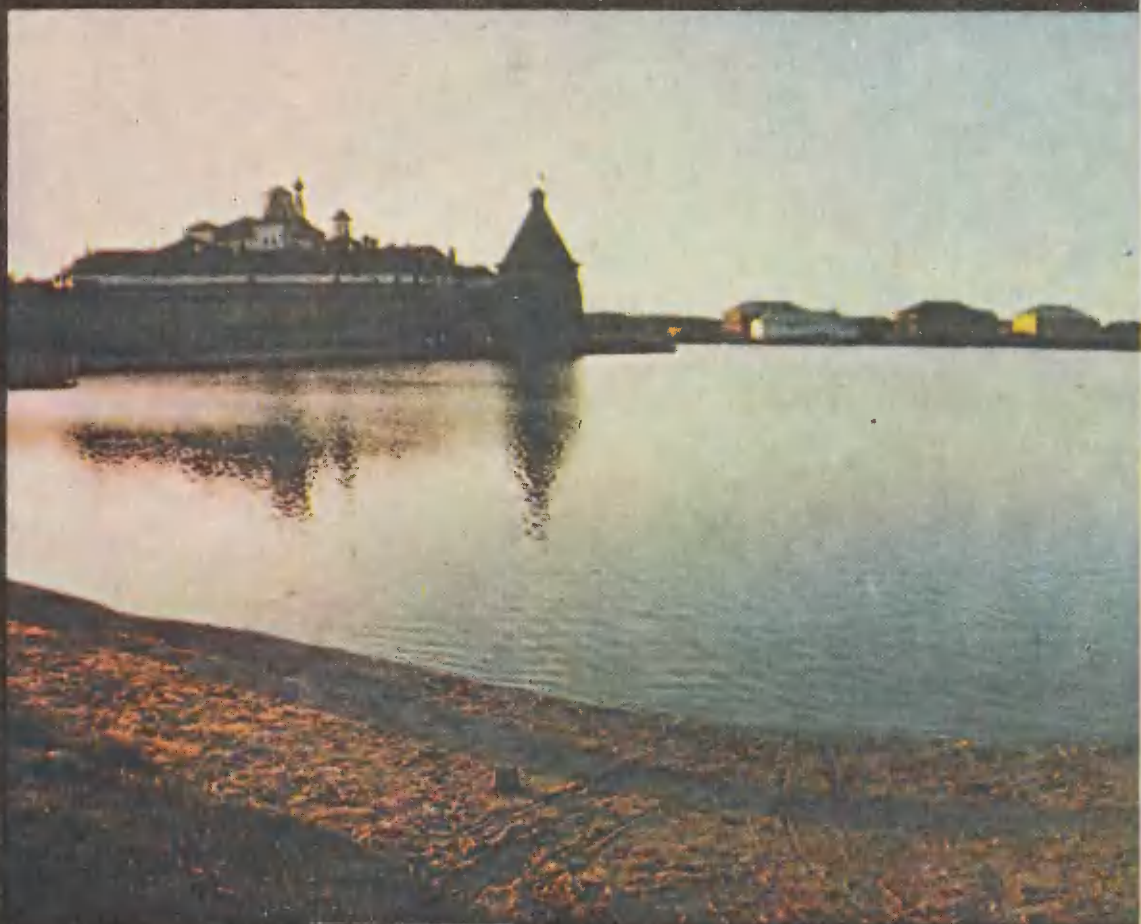
У них был один путь: к дамбе Иваньковской плотины, к быстроходным автобусам, к домашнему очагу с горячим и сегодня по-особенному вкусным ужином...

Рус. А. Семенова

На старице

Фото И. Елина

Северная зоря

Фото В. Мишина

СЧАСТЛИВЫЕ ОСТРОВА

В Сибири у нас многие знают, что вряд ли найдешь до самого Тихого океана реку красивей, чем Кия.

Надо всего лишь раз проплыть по ней на обтянутой брезентом резиновой лодке километров 150, скажем, от Церковной горы до Сердитых порогов, и околдует, на долгие годы сделает вас своим пленником река.

Так вот, побывав однажды в верховьях Кии, я теперь уж около десятка лет жду не дожусь августа, отпуска, чтобы снова увидеть знакомые перекаты, пороги и водопады — Растай, Тулуял, Бодачак, Кожух...

В самый первый раз мы часов шесть добирались на машине от районного центра Тисуля до впадения в Кию бурного таежного ручья Безымянного.

Сначала шла отличная гравийная дорога, потом, через брошенный старателями поселок Медведка, запетлял среди гор довольно торный старинный путь таежных искателей золота — Бандитская тропа.

На поляне, где с грохотом впадала в Кию хрустальная Безымянка, росли тысячи алых таежных пионов — марьяны корни.

И вдруг добрые мои друзья, люди пожилые и степенные — секретарь парткома и председатель профсоюзного комитета крупного предприятия, — повалились на колени и запричитали:

— Матушка Кия! Прими нас добром на своих перекатах! Не побей о скалы лодки, не утопи в омутах пожитки! Прокорми и напои верных рабов своих...

Я, конечно, тут же последовал примеру друзей.

Кия здесь, в самых своих верховьях, с первого раза немного пугает, вселяет в сердце какую-то тревожную неопределенность.

Грохочет перекат слева вверху, где над зелеными кедрами, вроде бы совсем близко, синее громада Церковной — на снежной ее вершине темнеет подобие креста и колокола.

Справа, вниз по течению, тоже шумит. Там гигантским красным крылом взмывает в небо отвесная остроконечная скала. А под нею черная от непомерной глубины Еремина яма.

В первый раз я от души повеселил друзей.

Шириной река у Безымянки всего метров тридцать. Плесик кажется спокойным, а камни на дне — синие, зеленые, красные, желтые, белые плиты — просматриваются до самого противоположного берега. И кажется, что воды над ними почти нет.

— Где же тут плыть? — с апломбом приверженца мутноватых равнинных рек усомнился я.

Не развернув сапог, шагнул в «мелкую» воду и... почти по пояс очутился в холодной купели. Таков оптический обман невероятно чистой и удивительно вкусной воды Верхней Кии.

Река несет с неодолимой силой. Успевай только подправлять лодку сухим легким пихтовым шестом.

Течение затягивает в жерло ревущего переката, и кажется, что сидишь ты уже не в легкой и надежной лодке-вездеходке, а катишься с крутой горы на узких санках. Названия у перекатов: Бешеный, Лихой, Кипучий, Бандитский, Косой, Чертова петля, Лохматый. Слово короли, имеют римскую нумерацию пороги — Сердитый I, Сердитый II, оба Кийские и два Богородских. Часто висят на них припечатанные к камням плиты. Опасные места!

Но вот за шумным перекатом или, например, за страшной Мертвой ямой, где плот или лодку может затянуть в расщелину, выбитую рекой в скале, открывается тихий и светлый, как хрусталь, плес.

Под лодкой на глубине три-четыре метра виден каждый камушек. Иногда сладко, будто во сне, захватывает сердце: кажется, нет под тобой никакой реки, никакой воды, а плывешь ты в этом чистом, до невероятности прекрасном мире прямо так, по воздуху. И названия у плесов совсем уже другие: Бархатный, Беличий, Золотой, Мраморный, Талановский...

Мы черпаем кепками воду и с наслаждением пьем: такую в Кемерове вместо газировки по пятаку за стакан — отбою бы от желающих не было. А впереди из-за поворота река снова разворачивает новые сказочные города и замки скалистых берегов. В такие вот моменты на тихих плесах капитан наш, Николай Савельевич, кладет поперек лодки шест и любуясь этим хрустально-сине-зеленым величием, громко и восторженно произносит: «Лепота-а!»

Однажды подплывали мы поздно вечером с товарищем, попавшим впервые на Кию, к устью Белокаменки. Река здесь с десятков километров идет глубоким — по двадцати метров — Белокаменным плесом в чистом мраморе. Удивительные скалы-статуи, огромные залы пещер «вырубили» здесь ветер и вода.

Мы причалили к берегу, и Володя, товарищ мой, осторожно ступив на камни, спросил:

— А где же тут костер разжигать, картошку чистить?..

Под ногами у него, куда ни ступи, лежал бело-снежный мрамор, годный для дворцов и скульптур...

Думается мне, что есть немалая доля истинного преклонения в шутилой молитве, с которой начинают каждый проплыв по реке мои старые друзья. Иначе с чего бы так неодолимо тянуло сюда каждый год не только нас, «аборигенов», но и москвичей, и ленинградцев, и свердловчан, гордящихся своим «седым» Уралом, и даже красноярцев с усмирено-таки плотинами Енисея...

Все мои друзья и я вместе с ними — харьюзятники. И красотами природы любимеся, как говорят, без отрыва от основного производства. На Кию отправляемся, конечно же, за харьюзами. Никто тут не зовет эту удивительную рыбу по-книжному — хариусом. А говорят: поймал два десятка харьёзов. Иногда уточняют качество улова: столько-то белячков (серебристые рыбки примерно до 200 граммов) или сянков (это уже экземпляры граммов до 500 со свинцово-синей спинкой и вишнево-фиолетовым хвостом). И уж совсем особняком и единицами — черныши-горбачи, до килограмма, темные, могучие «звери», задающие рыболову такого жару-холода, что после того как поймаешь да выведешь, долго еще дрожат и руки, и колени. У чернышей невообразимо яркий и разноцветен, как радуга, огромный спинной плавник, особенно у самцов, которых мы уважительно называем петухами. Так что, если кто на Кие скажет: поймал или упустил петуха, это вовсе не значит, что человек собрался угостить вас супом с курятиной или что он неудачно взял высокую ноту...

На Кие нет нахлыста. Тем не менее истинной спортивности от этого рыбная ловля не утрачивает. Скорее, наоборот.

Смело скажу, таких удилещ, как у нашего капитана Николая Савельевича, не может пока освоить ни одна фирма страны.

Удилеще делают почти всю зиму. Тщательно подгоняют латунные трубки на стыках. Выверяют строй удилещи в сборе. Спиливают утолщения на суставах бамбукового хлыста. Затем все удилеще, с интервалом в шесть-восемь сантиметров, и особенно места бывших утолщений, надо обмотать изящными кольцами из ярко-красной капроновой нитки. После этого два-три раза покрыть удилеще добротным мебельным лаком 4-С.

Или взять поплавков. Выпиливается он из плотного пенопласта в виде мизинца, но чуть потоньше. Расчет такой, чтобы три средние дробины топили его на три четверти. Должен быть он непременно строго цилиндрическим, с плавными закруглениями на концах. Низ на три четверти подкрашивается серо-голубой краской, верх — ярко-красным, а лучше даже оранжевым лаком для ногтей.

И совсем уж, казалось бы, простое дело — крючок. Но для хариуса и он требует к себе особого подхода. Лучший, конечно, № 6, с прямым круглым загибом и средней длины цевьем. Прежде чем привязать крючок, его цевье у дужки нужно обмотнуть несколько раз леской, затянуть узел и срезать концы на ней. Такая обмотка необходима для того, чтобы острый край дужки не резал затем жилку поводка. А если крючок с лопаточкой, то на нее и на

узел лески поводка натягивается с клеем трубочка темно-красного (под цвет червя) «кембрика». Крючок нужно регулярно подтачивать так, чтобы жало, прикоснувшись к ногтю, цеплялось за него.

Встретили мы как-то на Кие группу москвичей. В первый момент знакомства столичные гости с пренебрежением поглядывали на нашу грубую, по сравнению с их изящными нахлыстовыми удилещами, снасть. Но прошел день, второй, и знатоки нахлыста и умельцы кастинга, так и не отведав еще ухи из хариуса, начали тут же модернизировать снасть по сибирскому образцу.

Довольно часто пишут в журналах и газетах о «спортивности» снасти, называемой поплавком-змеем или корабликом. У нас на Кие «змея» этого, напротив, считают злостным браконьерским оружием и называют не иначе как «дуроловом». В самом деле: привязал человек к деревянной раме-«санкам» миллиметровую жилку канат, нацепил на нее два-три десятка крючков с искусственными мушками, распустил снасть на всю ширину плеса, и жди, когда клюнет. Привлекает снасть мелких глупых белячков. Отсюда и название — дуролов. И чем же это не перемет, повсюду заклеянный и запрещенный?..

Другое дело, поймать на быстрине, на самом перекате, быстрого как молния «сяняка».

Помню, в первый раз, теоретически усвоив наставления своих опытных друзей, я так же, как и они, войдя в воду, насколько позволяли высокие резиновые сапоги, принялся кидать подальше, стараясь попасть в стрелевую глубокую борозду.

Иногда поплавок на миг вдруг притапливало, но затем он снова мчался, покачиваясь среди волн и белоснежной пены.

— Видимо, за камни цепляет, — пожаловался я Петру Николаевичу, довольно часто выводящему на берег из той же струи крупных харьюзов.

— Какие ж там камни? Поклевки это, — ответил старый харьюзятник. — Ну-ка, кидай!..

И принялся руководить.

— Не так удилеще держишь... Не давай слабины леске до полавка, иначе подсечь не успеешь... Вот так. Правильно... Давай!!!

Я усердно подсекаю. Но на конце лески нет никого...

Еще поклевка, вторая, третья, десятая. И все vuoto...

Но вот в какой-то миг я все-таки успеваю среагировать и чувствую упругую тяжесть.

Осторожно переступая по каменистому дну, веду на согнутом в дугу удилеще рыбу к берегу...

К вечеру, когда подплыли мы к месту ночлега — желтым скалам Беличьего плеса, — у меня было около десятка харьюзов.

Ночью капитан долго кидал спиннингом «мышья». На середине плеса ухал, не попадая на приманку, таймень. Я уснул, не дождавшись результата. Где-то совсем близко за рекой в дикой сумрачной тайге глухо кричал филин: «Шу-бу! Шу-у-бу!»

Утром Николай Савельевич показал ночную добычу: зацепил-таки тайменя килограмма на че-

тыре. Но это мелочь, говорил он, на Белокаменном на «мыша» попадают и до двадцати килограммов...

Так вот медленно постигал я лишь на первый взгляд нехитрую науку ловли хариуса.

То брал он на червя, которого мы неделю выдерживали во мху. То вдруг без всякой причины переходил на «верхоплав» и ничего не признавал, кроме крылатой «харьюзовки», ночующей под листьями горного лопушняка. А однажды, в абсолютное бесклевье, удивил нас рыболов из ближнего таежного поселка Кундата. На том же Большом Воскресенском перекате, где мы не поймали ничего, он вываживал харьюзов одного за другим на серую полосатую муху-овода...

Пришел день, когда и я удивил своих друзей, бывалых харьюзятников.

Рев порога слышен был еще за километр. Посередине реки лежал здесь настоящий барьер из огромных камней, и вода с лета вздымалась над ними трехметровый пенистым трамплином.

Друзья осторожно обошли порог у берега, а я решил «отличиться», попытать счастья.

Лодку подняло так, что похолодело в груди. Потом закрутило, бросило вниз. Упругая струя догнала и захлестнула посудину наполовину. Будто это какая-то там деревянная плоскодонка или байдарка, все тотчас же оказалось бы на дне быстрого плеса. А «резинка» выдержала испытание с честью.

Я осторожно причалил к берегу, вылил воду, отжал одежду.

«Флотилия» наша: капитан, Петр Николаевич и пятнадцатилетний Алеша — сын капитана — сплывалась чуть ниже. А я решил покидать удочку сразу же под порогом к отвесной скале противоположного берега.

Поплавок быстро проносился недалеко от сумрачной стены берега, ныряя в бурунах и воронках. Но вот он остановился и резко скользнул в глубину... против течения.

Я машинально подсек и почувствовал непосильную живую тяжесть.

Стало страшновато. Не упустить бы...

Рыбина, не стронувшись с места, тянула ко дну темной ямы. А я держал ее на согнувшемся, словно натянутый лук, удилище. Комариным звоном пеланглы, разрезая синюю толщу воды, леска.

Вот тяжесть чуть-чуть сдала. Вот невидимый противник быстро потащил меня вниз по течению. Потом вдруг резко кинулся ко мне и слять ударил в глубину.

Медленно сдался хозяин омута, а я был уверен, что это именно он и есть — царь горной реки — таймень.

И вот уже у самого берега бьется, ворочается золотисто-коричневая туша.

На берегу рыбина срывается с крючка, и я падаю плашмя у кромки воды, чтобы преградить ей обратный путь.

Это был ленок — по-сибирски ускуч — килограмма на три весом. Поводок из клинской лески

диаметром 0,2 миллиметра как нельзя лучше выдержал трудное испытание.

— Такого ускуча я уже лет пятнадцать не ловил, — не скрывая, позавидовал потом капитан. И признание это было для меня лучшей похвалой...

На другой день мне снова удивительно повезло. На быстром плесе Кормилице буквально в трех-четырех метрах от берега поплавок резко ушел под воду.

Я глянул и обомлел: туго натянутая леска кончалась у головы метровой красноватой рыбины, спокойно стоящей у дна.

— Этого не взять, — покачал головой тихонько подошедший капитан.

Я подержал еще минуту удилище. А потом довольно резко дернул, чтобы надежней подсечь.

Таймень спокойно развернулся и, шевельнув красным хвостом, пошел на середину. Леска порвалась у самого удилища. И долго еще бежала по плесу, ныряя в волнах, алая точка поплавка...

К концу рыбалки — где-то у Заблудящего плеса — я ловил уже почти в половину того, как сам капитан или Петр Николаевич.

Зимой, перенося карту реки на ватман, я помнил красным кружком примерное расположение острова, названного нами Счастливым. Этот остров особенно понравился мне в первую рыбалку на Кисе.

Потом за несколько лет были еще не менее удачливые места и счастливые привалы в устьях Растая и Громотухи, у Красной речки и Кия-Шалтыря, на Большом Игнатьевском перекате и Черном плесе...

В одном месте рядом с кострищем под ветвистым кедром мы находили пилу и топор. В другом — висел на ветвях котелок с пакетами супа и соли и лежали горкой сухие дрова. Значит, были здесь добрые люди, значит, счастливое место...

Федоровский ключ запомнился отличным клевом и тем, что мы здесь буквально объедались малиной. А мрачная Чертова петля неожиданно порадовала урожаем шишек — с двух небольших кедров мы натрясли их на весь дальнейший путь...

Река на карте все гуще покрывалась красными кружочками — счастливыми «островами» наших отпусков. Появились новые точки и нынешним летом. Будут они непременно и в следующем году. Потому что Кия очень богата счастливыми островами...

Предлагаю рыболовам, желающим провести свой отпуск на Рижском заливе, побывать на Кишу-Равине. Так называется каменистая банка, расположенная в бухте Гайдарова. Банка начинается сразу же за поселком Саулкрасты, к северо-западу от устья реки Кишупе, примерно в 300 м от берега по линии на юго-запад от 48-го километрового столба по Таллинскому шоссе (в сторону от Риги). Шоссе выходит тут к самому побережью залива.

Кишу-Равина — это мель в виде нагромождения больших камней, скрытых под водой на глубине примерно 1,5—2 м.

На протяжении всего лета в районе банки удочкой неплохо ловят окуня, ельца, плотву. Изредка попадаются язь, лещ, вимба (сырть). Иногда, поздно вечером или на ранней утренней зорьке, берет угорь. Из морских рыб идут бельдюга, камбала, а мористее Кишу-Равины на глубинах свыше 10 м попадает треска.

Другая большая отмель в том же районе, называемая работниками Греверагс, расположена севернее пляжа пионерского лагеря «Севицкель», против автомагистрали. Являясь как бы продолжением выступающего здесь небольшого мыса с одноименным названием — Греверагс, эта отмель уходит на 500—700 м в глубь Рижского залива в юго-западном направлении полосой шириной около 100 м.

Глубины на отмели так же, как и на банке Кишу-Равина, не превышают 1,5—2 м. Дно по всей отмели Греверагс каменистое, на большей части покрыто растительностью.

На северо-западном свале этой банки, прилегающей к глубинам проходящего недалеко фарватера и рейда рыбного порта Скулте рыболовецкого колхоза «Звейниекс», неплохо ловятся крупные окуни, язи и другая рыба.

На банках Кишу-Равина и Греверагс рыба держится все лето, совершая лишь незначительные кормовые миграции в пределах прилегающего к ним района.

М. Краснов

Одна из лучших рек в Вологодской области и для рыбалки, и просто для отдыха на воде — Лежа.

...Лежа — приток Сухоны. В низовья ее легко попасть на лодке. В нижнем течении река достаточно полноводна, даже судходна — маленький пассажирский теплоход курсирует по ней вверх в поселки, расположенные в 20—30 км от устья. Более близких населенных пунктов на реке нет, и кружит она одна среди осинников. Берега у нее сухие, местами крутые, особенно в среднем течении. Участки леса кое-где вплотную подходят к воде. Кстати, почти на всем протяжении реки деревни находятся друг от друга на расстоянии не менее 7—8 км, так что места для ловли всем хватает.

В начале лета особенно бойко клюют здесь крупная плотва, окунь, на глубокой быстрине — язь, а в низовьях попадает и лещ. Ближе к осени часты удачи у любителей спиннинга.

В низовьях удобнее ловить с лодки. А если ее нет — не беда. От Вологды пригородный поезд довезет вас до станции Бушуиха или безымянного разъезда за ней, и тропа, пересекающая смешанный лес, вскоре приведет прямо к лежским омуткам. Можно доехать поездом и до маленького поселка Становое, пройти вниз к железнодорожному мосту, где много удобных для рыбалки мест.

Лежа и зимой привлекает внимание рыболовов. Все омутки и перекаты заняты любителями подледного лова. Особенно много бывает их во второй половине марта, когда отлично клюют плотва и окунь, некрупная щука.

В. Решетников

Почти в самом центре Валдайской возвышенности расположено живописнейшее озеро Велье. Здесь проводят свой отпуск сотни тружеников из Москвы, Ленинграда, а также из близлежащих

крупных населенных пунктов: Валдая, Бологого, Старой Руссы. Лучшее время для рыбной ловли на озере — май, первая половина июня, август, сентябрь. Проехать к озеру можно из Москвы от Ленинградского вокзала на поезде Москва — Новгород. Сойти нужно на станции Валдай. Здесь есть автовокзал, от которого курсируют автобусы в различные населенные пункты Валдайской возвышенности. От автовокзала отходит автобус, идущий на Гославль. Желающие отдохнуть на озере Велье могут доехать на этом автобусе до деревни Сухая Ветошь. Затем пройти немного вперед, свернуть направо на проселочную дорогу, которая и приведет вас в длинный залив озера, именуемый местными жителями «затоп».

«Если у вас нет лодки, можете оставаться здесь. В канале, который начинается от «затопа», водятся язь, щука, плотва, окунь, линь. Язь ловят нахлыстовой снастью: в мае — на майского жука, в августе — на «кобылку» и стрекозу. В основном попадаются средние, около 800 г, экземпляры.

Но если у вас есть лодка, лучше плыть дальше, вверх по заливу.

Когда вы стоите на берегу «затопа», прямо перед вами находится довольно большой остров. Лучше всего остановиться на нем. Остров возвышается над водой примерно на 3 м. К северу от острова расположена большая бухта, почти вся поросшая кувшинками, лилиями и хвощом. В этих местах много мелкой и средней щуки, ловят которую жерлицами и поплавочными удочками, насаживая окунька. Жерлицы лучше всего ставить в хвоще. Там глубина около 1 м, вода теплая, обилие малька. Найдя «окошко» в траве, опускайте живца примерно вполводы. Обычно ставят двойники № 7—8, леску диаметром 0,4 мм с поводком. Поставив на ночь жерлицы, утром не торопитесь их снимать, а ждите часов до десяти утра, так как щука начинает охотиться часов в шесть-семь. Спиннингом щуку можно ловить почти везде

около травы на мелких местах. Только нужны незацепляющиеся блесны. Попадают хищники весом 5—6 кг. Окунь отлично берет около затопленных кустов на малька и блесну.

Плотву с успехом можно ловить почти везде, но лучшие результаты будут, несомненно, между затопленными кустами.

Лягушек-жемчужниц, которых можно наловить в самом начале канала. Крупного, до 4 кг, леща, линя и язя лучше всего ловить на Старом озере. В прошлом веке живший неподалеку богатый купец велел выкопать озеро и соединить его протокой с «затопом». Сейчас Старое озеро медленно затягивается трясинной.

ходите к краю ближе чем на 1,5 м. Ловите с осторожностью. Удилища возьмите не короче 3 м, леску не тоньше 0,2 мм, крючки прочные № 7, грузило поднимите от поплавка на 20—30 см, поплавок поставьте скользящий. Расстояние от поплавка до грузила — чуть больше 2 м. Леску желательно иметь коричневого

Финский залив

Фото В. Мишина

Ловят на червя и «геркулес». Если вы встанете на это место до восхода солнца и будете ловить на червя, с успехом можете половить среднего и крупного подлещика, порой и леща. Но после восхода солнца обычно клюют только средний подлещик, густера и плотва. Кстати, плотва идет мерная, около 200 г. Нередко попадает и крупнее — по 300—400 г.

В середине лета, когда бурно разрастается водная растительность, крупного леща, язя и линя нужно подкармливать. Для леща и язя идет нелущеный пареный горох, а для линя — мясо мол-

В дальней его части образовался плавучий остров из тесно сплетенных растений. Толщина его около 1 м. На нем даже растут чахлые деревца и кустарник. Вот с этого-то острова и надо ловить. С ходу загнав лодку, примерно до половины, на остров, следует положить пару жердей на то место, куда вы будете вылезать. Главное — подальше наступайте от края острова. Вылезли из лодки, идите по тропинке, протоптанной рыбаками, и выбирайте себе место, которое легко определить по утоптанной рыбаками траве и рогулькам, воткнутому в остров. Но не под-

или светло-коричневого цвета, так как вода в озере коричневого оттенка. Кстати, в этом месте подсеченную рыбу нужно как можно скорее поднять на поверхность, не давая ей отплыть под остров. Иначе леска зацепится за корни трав или кустарника, и вы останетесь без добычи.

Ловят на Старом озере только на горох. В других же местах — и на горох, и на червя. Только о червях нужно позаботиться заранее — в здешних местах их очень трудно отыскать.

А. Акимов

Такую без подсачека не возьмешь

Фото В. Ульянова

Большой популярностью пользуется у алмаатинцев рыбалка на реке Или, протекающей в 80 км от столицы Казахстана. После завершения строительства Капчагайской ГЭС образовалось большое водохранилище — Капчагайское море, на котором тоже можно хорошо порыбачить. Здесь спиннингом ловят судака, жереха, донками и поплавочными удочками — леща, окуня, сазана, белого амура. Насадка — червь, различные каши, жмых.

На море можно добраться рейсовым автобусом Алма-Ата Капчагай.

Но большая часть наших рыболовов предпочитает ужение на Или, вниз за гидроэлектростанцией. Река тут богата разнообразной рыбой: жерех, сазан, судак, маринка, сом, лещ, усач, белый амур. Приезжающим сюда впервые надо помнить, что на 29—30, 45—46, 70—72-м км, в пятикилометровой зоне отдыха в районе Тасмурунского канала, а также на левом берегу реки Или на протяжении 25 км вниз от устья реки Курты рыбачить запрещается!

До разрешенных мест рыбалки можно добраться на попутном транспорте или доехать до ГЭС на рейсовом автобусе Алма-Ата—Сарыозек, потом пройти вниз по реке до места ловли. Местные удильщики часто спускаются по реке на резиновой лодке. Сразу за гидроэлектростанцией начинается Капчагайское ущелье, плыть по которому очень интересно.

Способы ужения, снасти, используемые нашими рыболовами, в основном не отличаются от тех, которые применяют в других местах. Поэтому не буду останавливаться на них, а расскажу немного лишь о мушках, с которыми мы охотимся за жерехом.

Вяжут мушку так: берут пучок волоса (например, от волосяной щетки) длиной 4 см, делают петлю, вставляют в нее ушко крючка; затем в петлю и в ушко крючка продевают леску диаметром 0,2 мм, образую самозатягивающийся узел, затягивают его, подрезают ножницами лишний волос, продевают в леску кусочек пенопласта или бусинки. Волос подбирают светлого цвета. После изготовления мушки смазывают крючок машинным маслом, а на волос в виде капелек наносят такой раствор: две части ржавчины, соскоб-

ленной с какого-нибудь ржавого предмета, две части воды. Затем мушку оставляют на неделю в помещении, где воздух влажный, например в ванной. После этого мушку прополаскивают в теплой воде и высушивают. От ржавчины на оперении появляются коричневые пятна, которые не смываются водой. На рисунке показана последовательность изготовления приманки и ее вид.

На такую мушку я ловлю, когда дует слабый ветер Чилик.

На реке Или много удобных мест для ловли жереха нахлыстом. Лучший летний жор жереса — в июле, августе. Жерех обычно скапливается на перекатах с быстрым течением, там, где основное течение образует завихрения.

Н. Митрофанов

Много неплохих мест для рыбалки на юге Челябинской области в районе знаменитой Магнитки. К водоемам здесь хорошие подъезды.

Река Урал в Магнитогорске перегорожена мощными плотинами, которые образовали огромный пруд — Магнитогорский. На протяжении десятка километров его ширина более 2 км. В последние годы проделана большая работа по очищению бассейна реки Урал от загрязнения, здесь появилась разная рыба. В основном же рыболовам попадают плотва, окунь, щука. Магнитогорский пруд зарыбляется и более ценными видами.

Уловы удильщиков тут не велики, но стабильны; лучшие насадки — червь, живец.

В 10 км от Магнитогорска, проходя по степи, Урал разбивается на рукава, образуя в густых зарослях ивняка тихие заводи, плесы. В этих местах, недаром названных Богатым островом, в реке встречается разная рыба: окунь, елец, чебак, подлязок, щука, а по весне и осени налим. Окунь здесь жадно берет на червяка, которого добывают тут же, в корнях кустарника. Елец и подлязок хорошо клюют на кузнечика. Добраться до Богатого острова можно попутным транспортом от Магнитогорска.

Магнитогорские рыболовы часто бывают на Гумбейке — притоке Урала.

Эта небольшая речка богата

рыбой. Водятся тут окунь, чебак, подлязок, ерш, вьюн, то есть та же рыба, что и в Урале, но только в Гумбейке она значительно крупнее. Очень популярна и добычлива здесь ловля щуки и окуня спиннингом, которых ищут в тихих и глубоких плесах.

Добраться до речки просто: от Магнитогорска до плеса Ахаловка рейсовым автобусом, далее пешком или попутным транспортом до деревни Аблязово. Здесь Гумбейка впадает в Урал.

Интересное для ужения место — Малый Кизил, тоже приток Урала. Это река с бурным течением, шумными порогами, перекатами, омутами и плесами, с берегами, поросшими кустами и деревьями. Она зарождается в горах Уральского хребта.

В Малом Кизиле отлично берет окунь. Здесь почти круглый год клюет на ерша налим. Водятся в реке форель-пеструшка, хариус. Для этих рыб, так же как и для окуня, незаменима насадка — червь.

Добраться до Малого Кизила можно так. Пригородным поездом доехать до станции Аблаково (направление Магнитогорск — Белорецк), далее уже двигаться пешком по реке в поисках рыбного места. Здесь есть турбазы, на которых можно переночевать.

Знакомство с водоемами нашего края было бы неполным, если не рассказать об озере Яхты-Куль, расположенном в 50 км от Магнитогорска.

Яхты-Куль в переводе с башкирского — озеро-баня. Магнитогорцы зовут его просто Банным. Здесь водятся щука, окунь, чебак.

И последнее — о новом водохранилище — Магнитогорском море. Огромное по своим масштабам, оно раскинулось в районе Среднеуральска. Магнитогорцы получили интересный водоем: тут обитает разная рыба, разводятся ценные виды. Водоем пока только осваивается рыболовами, но уже можно сказать, что он очень перспективен и на нем стоит побывать тем, кто окажется в здешних местах.

Ю. Белов

КРУПИЦЫ МАСТЕРСТВА

ПОПЛАВОЧНАЯ УДОЧКА И СПОРТ*

Оснастка

Оснастка летней поплавочной удочки и ее элементы показаны на рис. 1.

Вид оснастки — тяжелая, средняя, легкая — зависит от грузоподъемности поплавка. При тяжелой оснастке поплавок имеет грузоподъемность 10—15 г и более, средней — 5—10 г, легкой — меньше 5 г.

Есть еще бегучая оснастка (рис. 2), где используется скользящий поплавок грузоподъемностью от 5 г и выше, а удище оснащается пропускными кольцами и безынерционной катушкой. Бегучая оснастка недостаточно маневрена, поэтому в спортивном рыболовстве она не нашла широкого применения. Однако спортсмен должен владеть такой снастью и применять ее в тех случаях, когда требуется дальний, на 10—25 м, заброс насадки или когда нет длинных, 7—9-метровых, удилищ.

Противозакручиватель (далее будем для удобства называть его концевик) применяется для оснастки удища средней жесткости (при отсутствии амортизатора). Делают его из лески диаметром 0,25—0,3 мм и длиной 20—30 см. Толстая леска благодаря своей относительной жесткости полностью исключает запутывание оснастки вокруг застежки крепления лески на верхнем колене, а также создает удобство закрепления и снятия оснастки с застежки. Все соединения в оснастке выполняются способом «петля в петлю». Кончик лески, выступающий из узла петли, подрезают как можно короче, это предотвращает запутывание лески.

Леска выбирается минимальной толщины в зависимости от среднего размера ожидаемой рыбы. Не следует ставить толстую — труднее, будет управлять приманкой.

Поплавок должен с некоторым усилием перемещаться по леске, но так, чтобы, во-первых, без опасности порвать тонкую снасть можно было быстро менять глубину спуска и, во-вторых, чтобы при хлестком забросе не сбива-

лась глубина спуска. Как огружать снасть, показано на рис. 1.

Грузило «оливка» (скользящее) должно свободно скользить по леске от поплавка до стопора. Верхний ограничитель скользящего грузила не нужен. Надо следить, чтобы отверстие в «оливке» не деформировалось, иначе скольжение грузила по леске будет затруднено. Местоположение «оливки» на леске относительно нижнего грузика — «подпаска» зависит от скорости течения, интенсивности клева, глубины спуска. Чем больше скорость течения и чем активнее клев, тем ближе «оливка» подвигается к «подпаску». Расположение «оливки» на леске определяется стопорным узлом, который должен быть достаточно туго затянут и с большим усилием перемещаться по леске. Однако слишком тугой узел при перемещении по леске спиралит ее, а плохо затянутый легко сбивается «оливкой». Заменять стопорный узел свинцовой дробинкой нельзя, так как «оливка» при забросах будет биться о дробинку и деформироваться. В крайнем случае, если у вас не получаются стопорные узлы, их можно заменять кусочком авиамodelьной резинки, как показано на рис. 4. Леска протягивается сквозь резинку иглой. Если во время ловли отверстие в резинке разработалось и она не надежно стопорит поплавок, нужно снизу «подпереть» резинку маленькой свинцовой дробинкой. При этом надо снять ножом соответствующее количество свинца с «оливки», чтобы не нарушить огрузку поплавка.

Когда рыбу вынимают из подсачека, скользящее грузило перемещают к поплавку, чтобы оно не запутывалось в сетке (рис. 3).

«Подпасок» становится всегда на основную леску. Делают его из мягкого свинца и закрепляют так, чтобы не пережимать леску. Диаметр дробинки «подпаска» 2—4 мм. Дробинку зажимают с такой силой, чтобы при необходимости можно было ее передвинуть вверх или вниз. Иногда при плохом клеве (особенно на течении) имеет смысл поднять «подпасок» на 10—12 см выше нижней петли и тем самым как бы увеличить длину поводка.

* Продолжение. Начало в 39-м выпуске альманаха.

На Волге

Фото Я. Стикутса

Поводок, как показал опыт, нет смысла делать длиннее 20—30 см: более длинные мало способствуют улучшению клева, зато чаще запутываются и закручиваются.

Крючок, как и леску, выбирают в зависимости от средней величины ожидаемой добычи. Цвет крючка большого значения не имеет. Пагубно увлечение мелкими крючками: поклевки на них, естественно, больше, но зато резко возрастает и количество сходов рыбы.

Если ловят на опарыша (особенно уклейку), насадка часто соскальзывает с крючка на поводок. Чтобы избавиться от этого, крючок оснащают усиками из лески диаметром 0,2—0,25 мм, как показано на рис. 5, а и 5, б. Отрезок лески

длиной 3—4 см, сложенный вдвое, накладывают на цевье крючка, а сверху завязывают обычный узел. В результате получаются три усика — два накладных и один от кончика привязываемой лески. Могут сказать, что проще напаять на цевье капельку олова, но тогда получается искусственная приманка типа мормышки, применение которой на соревнованиях не допускается.

Крючки без бородки (рис. 5, в), выпущенные зарубежными фирмами, у нас не нашли пока широкого применения. У них хорошая зацепистость, с них легко стряхивается рыба, но, к сожалению, вместе с насадкой.

Мотовильца (рис. 6) служат для хранения

оснастки. Стандартные мотовильца, которые можно купить в магазине, требуют некоторой доработки. Во-первых, надо удалить перемычки, как показано на рис. 6, б, так как леска, высыхая, сжимается и с достаточной для поломки поплавка силой прижимает его к перемычкам. Во-вторых, нужно выпилить паз для крючка (рис. 6, в) и, в-третьих, паз для резинки, в котором закрепляют свободный конец лески (рис. 6, г). К усовершенствованному мотовильцу приклеивают полоску лейкопластыря, на котором обозначают длину удильща, диаметр основной лески, диаметр поводка. Например, цифры 4,5/0, 12/0,1 (рис. 6, в) означают: длина удильща 4,5 м, диаметр лески 0,12 мм, диаметр поводка 0,1 мм. Мотовильца с оснасткой хранят в ящике (рис. 7), который состоит из двух одинаковых половин, выполненных из металла или дерева. На две боковые стенки приклеивают полоски из губчатой резины толщиной 10 мм. В одной половине такого ящика размещается 14 стандартных мотовилец. Две половинки ящика можно скрепить между собой петлями или резинкой (рис. 7, б). На каждое удильще необходимо иметь 6—10 оснащенных мотовилец, подобранных попарно с одинаковой оснасткой. В коробках мотовильца удобно располагать по комплектам на каждое удильще.

Насадки

Для спортивной ловли рыбы летней поплавочной удочкой основная насадка — мотыль, опарыш и червь, часто то и другое вместе («бутерброд»). Остальные приманки при всех их разнообразии имеют второстепенное значение.

Способы насаживания мотыля показаны на рис. 8, каждый из них применяется при определенных условиях ловли. Так, когда хорошо клюет крупная рыба, насаживать рекомендуются, как на рис. 8, а, при слабом клеве крупной рыбы и для средней рыбы — как на рис. 8, б, при плохом клеве средней рыбы и ловле мелкой — как на рис. 8, в. Однако не исключены и другие комбинации. Очень распространен, особенно при ужении крупной рыбы, способ насаживания мотыля пучком (рис. 8, г). Спортсмены перед соревнованиями заготавливают пучки по 5—8 мотылей, стягивая их колечком из ниппельной резинки толщиной 0,5 мм. Делается это с помощью нехитрого приспособления, которое в рыболовной среде именуют «вязалкой» (рис. 9). Мотыль в пучках довольно долго остается живым. Рыба берет такую насадку

вернее и почти не обсасывает при этом мотыля, так как пучок при подсечке сбивается к концу цевья*. Поэтому на пучок удается поймать несколько рыб без смены насадки.

Чтобы мотыль не слипался, не сваливался в комки и его удобно было брать руками, перед ловлей личинок полезно пересыпать картофельным крахмалом.

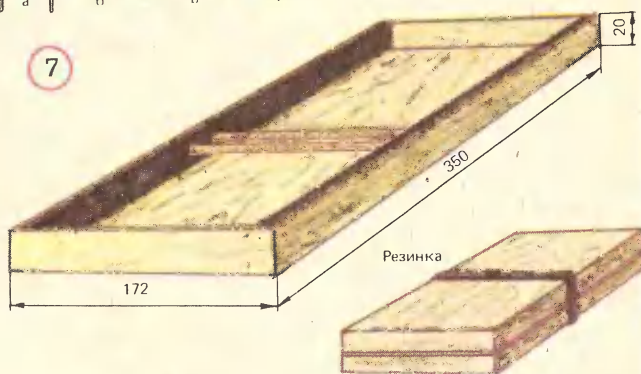
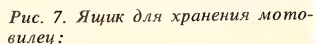
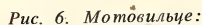
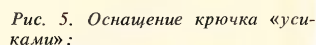
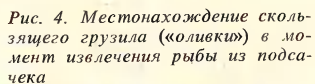
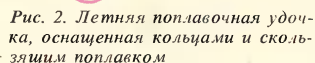
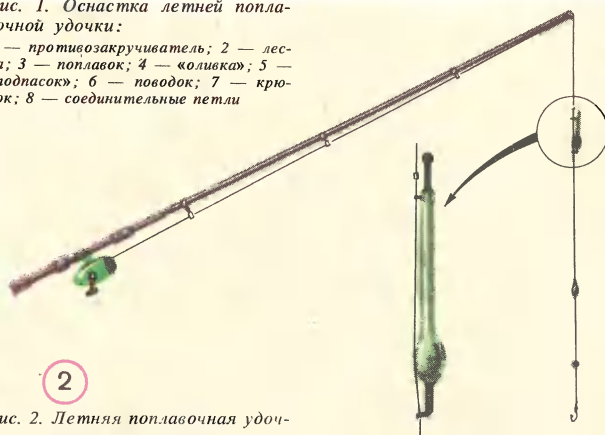
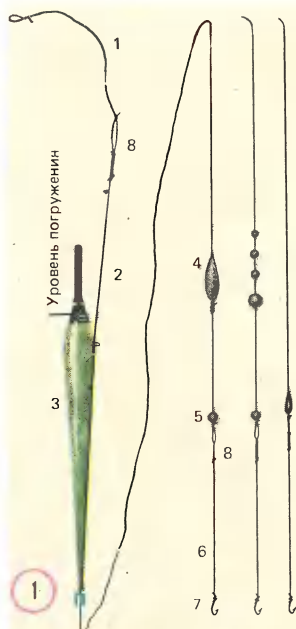
Опарыш желательно применять жесткий. Мягкий быстро высасывается рыбой, и после поклевки остается одна прозрачная кожица, на которую рыба берет плохо.

Перед ужением рекомендуется промыть опарыша в растворе стирального порошка типа «Лотос», затем обмыть чистой водой и, поместив в коробку, засыпать панировочными сухарями или толлоком. В таком виде он вполне стерилен и приятен в употреблении. Опарышей, так же как и мотылей, надо хранить при температуре +3—+5°. Зарубежные спортсмены часто используют опарышей, окрашенных в желтый, красный или зеленый цвет. Мы пока красить опарышей не умеем, нет специальных пищевых красителей. Способы насаживания опарыша на крючок показаны на рис. 10. Насаживая несколько личинок, лучше протыкать их посередине, как показано на рис. 8, а, иначе при подсечке приманка может попасть на жало крючка (рис. 8, г), тогда сход рыбы неминуем. На рис. 8, д показан популярный способ насаживания «бутербродом». Червя обычно насаживают петлями так, чтобы головка и хвост свисали с крючка (рис. 10, е). Предпочтение отдается пучку мелких червей, а не одному крупному.

В дальних поездках на соревнования жеретную насадку и прикормку перевозят в сумке-холодильнике промышленного изготовления, которую надо дооборудовать дополнительной полочкой (рис. 11). В нижние «отсеки» порциями по 200—300 г складывают мотылей, завернутый в несколько слоев газетной бумаги, в верхний отсек помещают опарыша в плотно завязанном мешочке, а на него укладывают сильно замороженные «брикеты».

Очень удобная принадлежность — столик для насадки — «стойка». Одна из конструкций столика показана на рис. 12. Это четырехсекционный комплект, состоящий из отдельных деревянных коробочек (они есть в продаже), вставленных в легкий дюралюминиевый кор-

* По-видимому, при вываживании рыба старается выплюнуть инородное тело (крючок), поэтому пучок мотыля сдвигается по цевью и остается целым.

пус. Распорку между ними делают из губчатой резины. Штырь ввинчивают во втулку, а втулку приклепывают к корпусу.

Существует много и других вариантов «стойки», но во всех конструкциях предусматривают крышки у коробочек, чтобы защитить насадку от дождя, ветра и солнца.

Прикормка

Так как спортсмену не разрешается пользоваться привадой, то прикормка является основным средством привлечения рыбы в сектор ужения. Прикармливание — наиболее ответственный процесс в спортивной ловле рыбы удочкой. Задача его — привлечь и удержать рыбу на месте ловли, но при этом не насытить ее. Надо руководствоваться правилом: чем лучше клюет, тем чаще бросать прикормку. Порции для глубоководных рыб должны быть не более куриного яйца, для верховодных — с грецкий орех. Частота подбрасывания прикормки зависит, во-первых, как уже говорилось, от интенсивности клева и, во-вторых, от скорости течения, грунта, цвета воды и т. п.

Очень важен состав прикормки, ее компоненты. Нужно добиться, чтобы вода в месте ловли была очень «аппетитной», а есть рыбы было нечего, кроме предлагаемой ей насадки. Поэтому в спортивном рыболовстве такие прикормки, как каша, распаренные зерна злаков, куски жмыха и т. п., отвергаются. Прикормка, предназначенная для глубоководных и верховодных рыб, готовится по разным рецептам; она по-разному делается также для ловли на сильном течении, слабом и в стоячей воде.

Эффективность прикармливания зависит не только от компонентов прикормки, но и от качества ее приготовления и правильного распределения в процессе ужения. Другими словами, мало знать, из чего готовятся пироги, надо уметь их испечь и вовремя подать на стол. Только знание рецептов прикормки в сочетании с опытом ее приготовления и правильной тактикой применения может дать нужный эффект.

Компоненты прикормки в определенных пропорциях смешивают, скрепляя «замес» водой в таких количествах, чтобы прикормка отвечала тем или иным требованиям. Так, **прикормка для глубоководных рыб должна:** а) при сжатии в кулаке образовывать плотный, но не липкий комок, удобный для заброса на 10—15 м; б) рассыпаться только при соприкосновении со дном, а не при ударе о воду; в) быстро тонуть и размываться водой. Для

верховодных рыб прикормка должна: а) при сжатии в кулаке образовывать плотный, но не липкий комок, удобный для заброса на 6—8 м; б) при ударе о воду рассыпаться и медленно погружаться или находиться у поверхности во взвешенном состоянии.

Состав прикормки условно можно разделить на «скелет» и кормовую основу. Кормовая основа — это мелкий или крупный мотыль, мелкий опарыш или рубленые черви. Все остальное, входящее в состав прикормки, является «скелетом» и выполняет второстепенные функции: цементирующие (склеивающие), погружающие и в последнюю очередь привлекающие.

В табл. 1 приводится рецепт стандартной прикормки для глубоководных рыб.

Компоненты смешивают в ведре сначала в сухом виде, затем смачивают водой. Воду добавляют небольшими порциями, по 100—200 г (желательно из водоема, где будете ловить). После очередной добавки воды всю смесь тщательно перемешивают, чтобы не было комков. Прикормка считается готовой тогда, когда вся масса пропитается водой настолько, что плотно сжатый в кулаке ком при мягком ударе о воду не разбивается, а идет до дна, где он через несколько секунд распадается. Весь секрет приготовления прикормки — в количестве добавляемой воды и качестве перемешивания. Главное — не переборщить воды. Если воды много, масса получается вязкой и липкой, плохо размывается и лежит на дне комками. Рыба с удовольствием будет поедать такой корм, но обращая внимания на насадку.

Т а б л и ц а 1

Рецепт прикормки для глубоководных рыб

Компоненты	Количество в частях	
	на течении	в стоячей воде
«С к е л е т»		
Молотые сухари*	5	4
Толокно	3	2
Молотый жмых	1	1
Молотая глина	1	1
«О с н о в а»		
Мотыль мелкий или рубленые черви	5	5
Опарыш	3	2

* Чтобы не переводить ценный продукт, для прикормки надо использовать черствый хлеб, оставшийся от стола, непригодный в пищу.

Рецепт прикормки для верховодных рыб

Компоненты	Количество в частях
«С к е л е т»	
Молотые сухари	3
Толокно (овсяная мука)	2
Молотый жмых	1
Дафнии сухие	1
Подсолненное масло	0,2
Сухая кровь	0,2
«О с н о в а»	
Мотыль мелкий	5
Опарыш мелкий	2

Надо помнить, что во время ловли прикормка, находящаяся в ведре, быстро высыхает. Поэтому ее надо постоянно смачивать, иначе комки будут рассыпаться у поверхности воды и, медленно опускаясь, выносятся течением из зоны ужения. И еще: корм, разбухая, сильно поглощает влагу, и, если вовремя не добавить воды, мелкий мотыль и рубленый червь моментально высохнут и прикормка потеряет свою привлекательность.

После каждого смачивания всю прикормку надо тщательно перемешивать. Если этого не сделать, то весь опарыш через некоторое время окажется на дне ведра и прикормка лишится одного из своих важных компонентов.

Верховодных рыб прикормка должна привлекать и удерживать в верхних слоях воды, поэтому она должна, как уже отмечалось, медленно тонуть или находиться во взвешенном состоянии на определенной глубине. В табл. 2 приведен рецепт такой прикормки.

Сухую смесь тщательно перемешивают и затем смачивают до такого состояния, чтобы масса, крепко сжатая в кулаке, образовывала комочек, который рассыпался бы при ударе о воду, создавая обильную муть. Надо помнить, что толокно и глина цементируют прикормку, а мотыль, опарыш и черви, наоборот, делают ее более рассыпчатой. Так что в зависимости от условий ловли можно варьировать количество этих компонентов. Сухие дафнии, сухая кровь дают обильную муть, поджаренные молотые сухари, жмых, перетертые семечки подсолнечника и конопли — запах.

Тактика ужения строится главным образом на прикармливании, иначе говоря — задача, где, когда, как и какую рыбу ловить, решается с помощью прикармливания. Основные тактические принципы таковы: а) как можно ближе подвести рыбу к себе; б) ловя донную рыбу, держать около себя верховодную, и наоборот, иными словами — надо стараться собрать около себя всю рыбу; в) ориентироваться своевременно на ловлю рыбы определенного вида в данной конкретной ситуации. Последнее зависит от индивидуальных особенностей спортсмена, снасти, качества прикормки и насадки и т. д. Часто принять правильное решение удильщику помогает тренер.

Естественно, для ловли в стоячей воде прикормки нужно меньше, на течении — больше.

Прикормку замешивают и хранят во время ловли в полиэтиленовых ведрах. Чтобы постоянно смачивать прикормку, спортсмену надо

иметь пластмассовую банку объемом 0,5—0,7 л; в ней же удобно ополаскивать руки. Надо иметь также полотенце, чтобы после ополаскивания руки протирать насухо.

Техника владения снастью

В спортивном рыболовстве, как и во всех других видах спорта, результаты спортсмена зависят от уровня технического мастерства, в основе которого лежит совершенное владение снастью.

При изучении техники владения снастью надо различать два вида ловли — со дна и с поверхности. Оба вида имеют много общего, но есть между ними и существенное различие. Начнем с общего.

Техника заброса. Прежде чем приступить к описанию техники заброса, еще раз напомним, что оснастка всегда должна быть короче удильщика на 5—200 см (в зависимости от длины удильщика и способа ловли). Чем короче оснастка, тем легче выполнить заброс и управлять снастью.

Основной вид заброса — заброс через голову (рис. 13). Если удильщик длиннее 4 м, заброс выполняют двумя руками. Забрасывают хлестко, как бы с намерением сильнее ударить грузилом по поверхности воды. Такой заброс точен и исключает запутывание лески. Надо, чтобы она ложилась на воду на полную вытяжку; если же зона ловли ближе места заброса, то сразу же после касания грузила поверхности воды корректируют положение снасти. Во время очередного переброса (заброса), если есть подозрение относительно качества насадки, надо проводить приманку так близко от глаз, чтобы за время полета ее мимо лица

Рис. 8. Способы насаживания мотыля:

а — при хорошем клеве крупной рыбы; б — для ловли средней рыбы; в — для ловли мелкой рыбы; г — пучок мотылей

Рис. 9. Приспособление для вязания мотылей в пучки

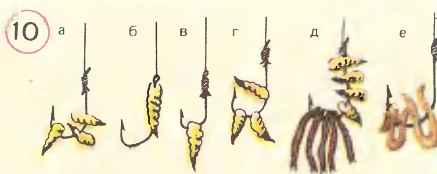
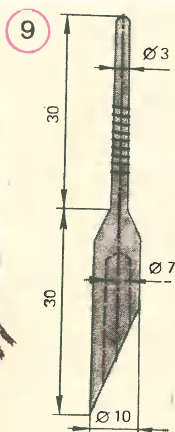

Рис. 10. Способы насаживания опарышей, мотыля и червя:

а — для ловли крупной и средней рыбы; б — при хорошем клеве мелкой рыбы; в — при плохом клеве мелкой рыбы; г — неправильное насаживание опарыша; д — «бутерброд»; е — насаживание червя

Рис. 11. Сумка-холодильник:

1 — дополнительная полочка; 2 — мотыль; 3 — опарыш; 4 — холодильные брикеты

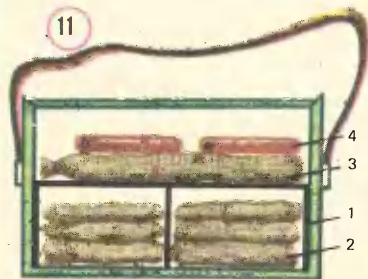
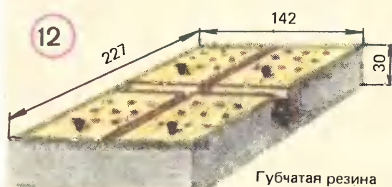

Рис. 12. Столик для насадки:

стол в собранном виде; коробочка (секция); втулка для ввинчивания штыря

Втулка для ввинчивания штыря

Отдельная секция

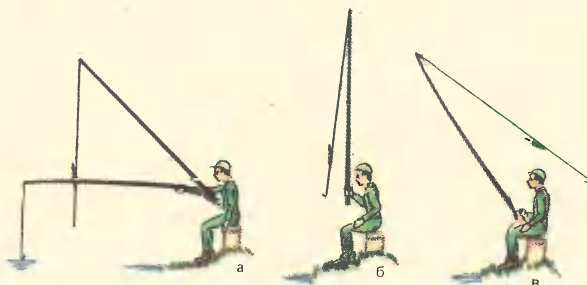
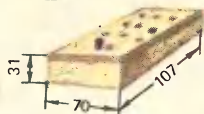

Рис. 13. Схема заброса через голову:

а, б — «проброс» насадки, в, г — взмах; д — подтягивание (корректировка) снасти; е — неправильное положение туловища при забросе; ж — подбрасывание прикормки

можно было определить, в каком она состоянии.

Туловище спортсмена при забросах неподвижно, работают только руки. Ловят, как правило, сидя, и движения туловища в такт с забросом утомляют спортсмена и в какой-то степени распугивают рыбу.

Когда пользуются удилищем длиной 1,5—2,5 м, как при забросах, так и подсечках работают кисти рук; если удилище более длинное, действует вся рука, но туловище остается неподвижным. При забросах не надо крутить головой, сопровождая взглядом полет насадки (рис. 13, е).

Короткие удилища нужно держать в вытянутой руке, которая как бы является продолжением удилища (рис. 14, а). Туловище должно быть слегка повернуто в сторону рабочей руки. Держа средней длины удилище, руку сгибают в локте, а комель упирают в предплечье (рис. 14, б). Длинные удилища во время ловли держат двумя руками, а комель упирают в специальный пояс (рис. 15, 16). Надевая насадку и снимая рыбу с крючка, если рыба крупная или руки очень устали, лучше положить длинное удилище на подставку

Ведение насадки. Проводка — ведение насадки в воде. Насадка постоянно должна находиться в движении и замирать иногда всего на несколько секунд, независимо от того, проходит ловля в стоячей воде или на течении. От правильного ведения приманки зависит и клев. Рыбы на прикормленном месте может быть много, а поклевки будут редкими, если рыболов неумело делает проводку.

Для эффективного ведения насадки надо очень хорошо знать рельеф дна в секторе ловли. Перед началом ужения рельеф дна тщательно изучают с помощью глубомера (рис. 17). Измерив глубину, спортсмен должен ясно представлять дно в секторе ловли и заранее наметить себе наиболее вероятные пути проводки — скаты, бугры, ямы, свай, камни, границы трав и т. п. Именно в таких местах можно ожидать поклевки.

Прикармливание. После замера глубины подбрасывают первую, самую обильную ($1/10$ общего количества), порцию прикормки, которую спортсмен скатывает в шары размером чуть больше теннисного мяча. Обычно стараются уложить шары по прямой линии от себя к середине водоема. Эта линия может смещаться вправо или влево в зависимости от направления и скорости течения; шары концентрируются в том или ином месте дна в зависимости

от его рельефа. На рис. 18 изображены возможные варианты распределения корма, где a — места концентрации корма, x — наиболее вероятные точки поклевки.

После первого прикармливания рекомендуется начинать ловлю в точках, максимально удаленных от берега, то есть самым длинным удилищем, так как подготовка, замеры глубины, падение в воду шаров и прочие манипуляции, которые проделывает спортсмен, вынуждают рыбу отойти на некоторое расстояние от берега. Если изобразить это схематически (рис. 18), то начинать надо с наиболее глубокой части ската, обозначенной цифрой 3, и постепенно, в зависимости от клева, переходить к точке 2 и затем к точке 1.

Чтобы технично обловить весь сектор, мысленно разбивают его на четыре зоны (рис. 19). Каждую зону облавливают удилищем определенной длины и с соответствующей оснасткой. Первую, самую глубинную, облавливают длинными удилищами с утяжеленной оснасткой, так как в этой зоне не только глубина больше, но и течение (если оно есть) быстрее, чем у берега. В остальных зонах ловят также с учетом глубины, скорости течения, характера клева. Задача спортсмена — как можно результативнее использовать третью и четвертую зоны. Для чего, начиная ловлю в первой зоне, надо подкармливанием как можно быстрее подвести рыбу в ближние к берегу зоны, где можно ловить наиболее короткими и поэтому максимально эффективными удилищами.

Облавливая одну из зон, нельзя забывать и о других. Чтобы не дать рыбе проследовать через «пустующие» зоны к соседу, надо периодически бросать прикормку в свободные от ужения зоны, но по-прежнему сосредоточивать центр прикармливания в «рабочей» зоне. Такое плановое периодическое прикармливание во всех секторах нужно делать в течение всей ловли.

Чтобы эти основные тактические задачи успешно решать на соревнованиях, необходимо уделять им большое внимание на тренировках.

Ловля глубоководных рыб. На оснащенных удилищах в зависимости от рельефа дна и грунта устанавливают с помощью глубомера спуск (расстояние от поплавка до крючка) с таким расчетом, чтобы крючок с насадкой касался дна, за исключением мест, где возможны «мертвые» зацепы (камни, коряги, трава и т. п.).

Ведение насадки по дну всегда более эффек-

14

15

Рис. 14. Положение удилища в руке при забросе и ловле:
а — короткое удилище;
б — среднее удилище

Рис. 15. Положение длинного удилища во время ловли

16

Заклепка
Дно
Шнуровка

Ниппельная резинка

Правильно (с глубомером)
Неправильно (без глубомера)

Рис. 16. Пояс со специальным гнездом для упора комля удилища

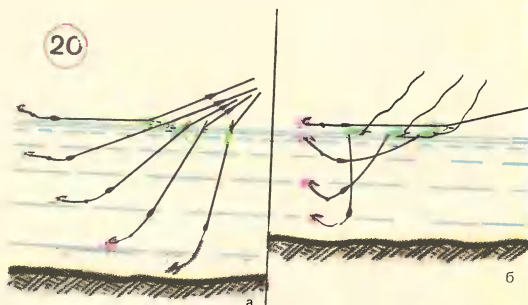
Рис. 17. Глубомер и положение лески в воде в случаях, когда глубина измерена и не измерена

Рис. 18. Распределение прикормки на дне и зоны ловли (1, 2, 3):
а — прикормка; х — наиболее вероятные точки поклевки

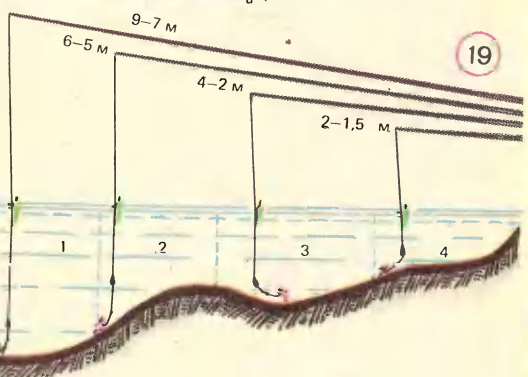
Рис. 19. Разбивка сектора ловли на участки (зоны)

Рис. 20. Ведение насадки в момент ее погружения:
а — поклевка будет хорошо заметна; б — поклевка плохо заметна

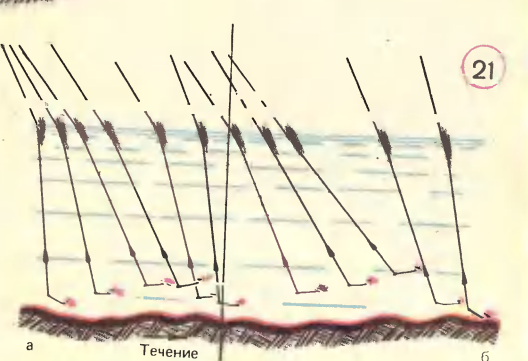
Рис. 21. Ведение насадки «елочкой»:
а — низкая «елочка»; б — высокая «елочка» (стрелка, направленная вверх, означает — придержать снасть, двойная стрелка вверх — сильно придержать; стрелка, направленная вниз, — отпустить снасть)

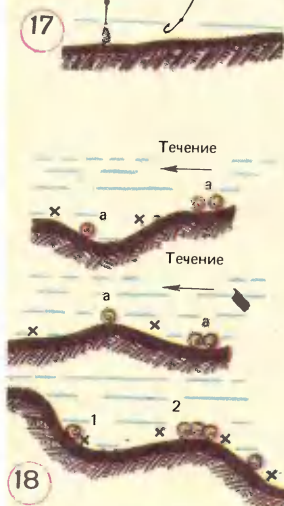
20

19

21

18

тивно, чем над дном, и поэтому при слабом клеве, даже если есть опасность частых зацепов, имеет смысл рисковать поводком.

Первоначальный спуск во время ужения корректируют в зависимости от изменения клева. Это весьма существенно для успеха. Найдя оптимальные спуски для каждой из зон, надо, прервав ловлю, установить их на запасных удилищах. «Рабочий» спуск трудно найти, но очень легко потерять, в частности, при обрыве снасти, поломке крепления поплавка и т. п.

Техника ведения насадки столь же многогранна, как, к примеру, и приемы игры мормышкой. Надо помнить тут основное. Прежде всего у спортсмена должен быть постоянный контакт с насадкой («чувство насадки»), то есть ему надо знать, где находится приманка — в каком слое воды, на грунте ли, во рту ли рыбы — и в каком насадка состоянии. Об этом вам должен сообщить поплавок. Но на некоторых этапах проводки он не работает. Например, в начальной стадии, когда насадка погружается на дно, спортсмен не имеет о ней никакой информации, и только через несколько секунд, если поплавок не встает, следует, часто запоздалая, подсечка (рис. 20, б). Чтобы этого не случилось, сразу же после заброса рыболов, натягивая снасть, начинает управлять движением насадки; заодно устраняется провис лески между удилищем и поплавком. Надо заметить, что во время всей проводки провис лески недопустим, иначе спортсмен не будет «чувствовать» поплавок. Как только приманка коснулась воды, она должна опускаться по дуге, как показано на рис. 20, а, но не произвольно. В первом случае поклевка будет четко просматриваться, во втором случае вы ее не увидите.

Когда насадка опустится на дно, нужно продолжать проводку, подтормаживая и опуская поплавок на течении или чередуя потяжки снасти на себя с паузами в стоячей воде.

На рис. 21 показан ход насадки в воде так называемой «елочкой»; низкая «елочка» (подъем насадки над дном 5—10 см) более эффективна, чем высокая (подъем насадки 10—30 см).

«Елочка» может быть не только продольной (придержал — отпустил), но и поперечной (придержал и одновременно подтащил к себе или от себя). В последнее время зарубежные спортсмены практикуют в основном смешанную «елочку» как на течении, так и в стоячей воде. Если смотреть сверху на путь насадки, то получится картина, как на рис. 22. Но такую смешанную проводку, особенно на

течении, можно сделать только, когда длина лески короче удилища на размах проводки («елочки»). Для описанной методики ловли нужны удилища со съемными нижними коленами, с так называемым внешним конусом стыковки. При вываживании с сильно укороченной леской, если не снимать два-три нижних колена, рыбу невозможно брать подсачеком, да и для снятия ее с крючка приходится удилище класть на землю. Поэтому зарубежные фирмы, учитывая потребности спортсменов, большинство телескопических удилищ, длина которых превышает 4—5 м, выпускают со съемными последними коленами.

Надо признать, что смешанная «елочка» на сегодняшний день — самый результативный прием ловли, особенно глубоководных рыб.

Ко всему сказанному надо добавить, что скорость ведения насадки подбирают в каждом конкретном случае с учетом особенностей водоема, повадок рыбы, которую собираются ловить, интенсивности клева, времени года, времени суток и т. д. Естественно, что при хорошем клеве не следует увлекаться манипуляциями с ведением насадки, они нужны главным образом при ухудшении клева.

Подсечка. При поклевке — незначительном потоплении или поднятии поплавка — моментально делают подсечку. Быстрая подсечка возможна только при минимальном провисе лески. Удилище поддегивают вверх с такой силой, чтобы поплавок поднялся над водой на 20—30 см. Этого вполне достаточно, чтобы идеально острый крючок (другими спортсмены не пользуются) хотя бы чуть-чуть зацепился за рот рыбы; в дальнейшем, при вываживании, он зайдет глубже, не разрывая губу.

Если сделать энергичную подсечку, как это рекомендуется в рыболовной литературе, крючок сразу насквозь проткнет губу рыбы, а при вываживании образуется довольно большое отверстие, и из-за малейшего ослабления лески рыба сойдет с крючка. Потребность в более энергичной подсечке возникает только при ловле на крутых скатах, когда в результате подтаскивания насадка оказывается в точке а (рис. 23), где образуется большой избыток лески от поплавка до «оливки» из-за резкого уменьшения глубины.

Вываживание. Почувствовав рыбу на крючке, прежде всего надо постараться сразу же определить, хотя бы примерно, ее размеры (по силе сопротивления); если рыба невелика, следует активно тянуть ее из воды, чтобы не терять драгоценные секунды. Рыбу весом более

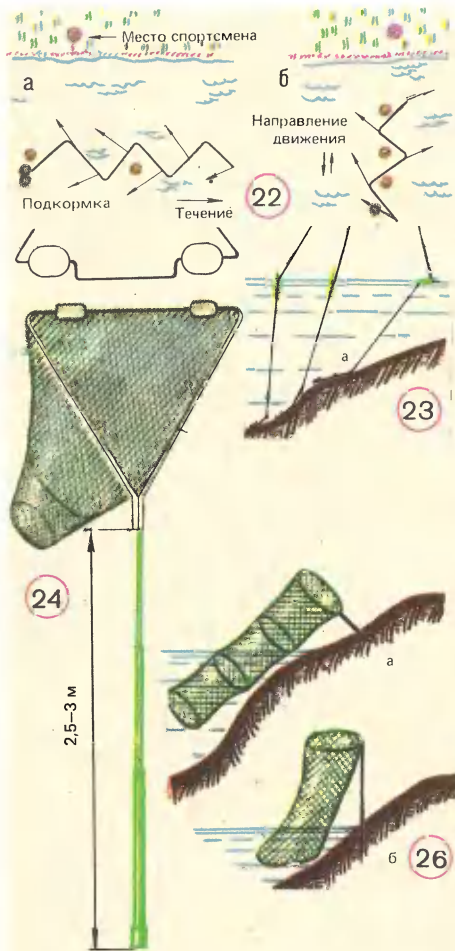

Рис. 22. Продольно-поперечная «челочка»:

а — на течении; б — в стоячей воде

Рис. 23. Случай, когда необходима энергичная подсечка (отмечено буквой «а»)

Рис. 24. Конструкция подсачека

Рис. 25. Вариант «приема» рыбы в руку

Рис. 26. Конструкция садков: а, б — для стоячей воды и постоянного течения; в — для переменного по силе и направлению течения

Рис. 27. Оборудование места ловли:

1 — короткие удильца; 2 — длинные удильца; 3 — место, где располагается спортсмен; 4 — садок; 5 — столик для насадки; 6 — подсачек; 7 — ведро для прикормки и банка для воды; 8 — коробка с запасными мотовильцами и поводками; 9 — сумка-холодильник; 10 — тубус

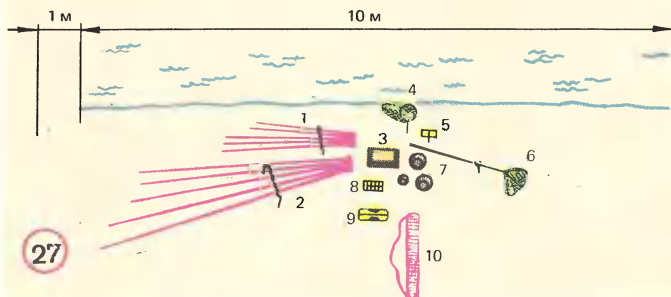
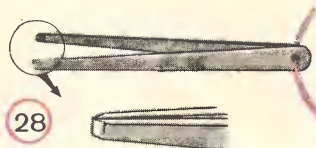

Рис. 28. Пинцет и способ его заточки

100 г рекомендуется брать подсачеком. Он должен иметь длинную ручку — 2,5—3,5 м, чтобы брать рыбу вдаль, а не терять времени на борьбу с упорно сопротивляющейся добычей вблизи берега. Конструкция подсачека показана на рис. 24.

У подсачека с длинной ручкой получается очень большой рычаг, и если у подсачека к тому же большая и тяжелая сетка и толстые прутки ее обрамления, то подсачек получается «неподъемным». Поэтому сетку рекомендуется делать тонкой. Плести ее надо из лески диаметром 0,2 мм. За такую сетку крючок почти не цепляется. Трубки должны быть легкими. Полезно ставить пенопластовые поплавки, как показано на рис. 25, и подводить подсачек под рыбу в плавающем состоянии.

Если попалась крупная рыба, надо сразу же вывести ее из наиболее добычливой зоны ловли и продолжать вываживание в «глухой» части сектора или в свободной зоне, чтобы не распускать рыбу.

Если вы завели рыбу в подсачек, то, подтаскивая его к себе, не ослабляйте натяжения лески вплоть до того момента, пока не вынете из него рыбу, иначе оснастка провалится в ячейки сетки и трепыхающаяся в подсачеке рыба запутает снасть. Прежде чем вынуть рыбу из подсачека, надо ослабить леску и быстро сместить «оливку» в сторону поплавка. Чтобы не проваливался «подпасок», нижняя часть сетки подсачека должна иметь мелкую ячейку. Далее возьмите рыбу за жаберные крышки и выньте крючок, держа ее над подсачеком, который должен лежать на подставке таким образом, чтобы рыба, случайно выскользнувшая из рук, упала не на землю, а в подсачек.

Поймав мелкую рыбу, так рассчитайте силу вываживания, чтобы рыба быстро вышла из воды и плавно летела к вам в широко раскрытую ладонь. Этому непросто научиться, нужна длительная тренировка. Правильная подача рыбы в руку — очень важный технический элемент. Чтобы освоить его, не надо сразу пытаться ловить рыбу в ладонь, полезно сначала научиться ловить леску ниже места привязки поводка широко растопыренными пальцами (рис. 25), затем движением руки по леске вниз добираться до рыбы. Научившись этому приему, можно переходить к более эффективному способу — брать рыбу сразу в ладонь.

Опуская добычу в садок, спортсмен также имеет возможность сэкономить секунды. В-первых, сняв рыбу с крючка и убедившись, что насадка еще пригодна к употреблению,

тут же сделайте заброс и только потом, пока погружается насадка, отправляйте добычу в садок. Во-вторых, горловина садка должна быть достаточно широкой (рис. 26), чтобы бросать рыбу почти не глядя, так как в этот момент взгляд должен следить за поплавком. В-третьих, привыкайте располагать садок, стойку, подсачек, ведра с прикормкой с одной стороны и в одном и том же месте — это способствует выработке автоматизма всех движений.

Если нужно сменить насадку, сначала опустите рыбу в садок, затем меняйте приманку.

Когда рыба глубоко заглатывает крючок, рекомендуется пользоваться пинцетом (рис. 27, а), который спортсмен обычно вешает на шею на резинке так, чтобы он помещался чуть выше пояса. Губки пинцета затачивают, как показано на рис. 27, б.

На рис. 28 изображено оборудование «рабочего» места спортсмена и расположение всех принадлежностей.

**(Окончание в следующем выпуске
альманаха.)**

Рис. Г. Гайнулина

На Истринском водохранилище

Фото Ю. Карлинского

Поклевка

Фото В. Ульянова

ОХОТА СЛОЖНАЯ, ОХОТА УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ!

Много причин можно найти тому, что часть рыболовов становится так называемыми форелистами. Охота за форелью сложна и увлекательна, она позволяет получить не только определенные физические нагрузки, но и эстетическое наслаждение. Это наслаждение рыболов получает, знакомясь с различными ландшафтами мест, по которым протекают форелевые реки и речушки. Неудивительно, что такая рыбалка не оставляет равнодушными в первую очередь людей эмоциональных, особенно художников и писателей, а также тех, кого повседневная работа заставляет все острее ощущать болезнь современной цивилизации — недостаток движений. Форель очень ценная рыба и по своим вкусовым качествам — блюда из нее всегда были деликатесом. Все эти достоинства форели и ее ужения и стали причиной того, что количество любителей, охотящихся за нею, непрерывно растет. Однако увеличение числа форелистов приносит порою вред природе, так как многие из них зачастую не соблюдают правил ловли этой рыбы, что сокращает ее запасы. Отрицательно влияет на условия обитания форели и бурный рост современной промышленности и сельского хозяйства. И если не будут сделаны конкретные и решительные шаги по защите форели, запасы ее будут все больше сокращаться. Немного лучше условия обитания форели в менее развитых промышленных районах. Но это не значит, что проблема форели в таких районах в будущем не возникнет. В большой степени этому способствует промышленное освоение отдаленных районов, развитие транспортной сети, туризма, а также, что греха таить, потребительское отношение определенной части рыболовов-любителей к природе. Например, в Карелии вблизи больших дорог форель и кумжу уже сейчас трудно найти, хотя когда-то здесь было довольно много этих рыб. И причину тут надо искать не столько в отрицательном влиянии промышленности, сколько в недостаточном уровне воспитания рыболовов. В свою очередь, уровень воспитания рыболовов прямо связан с уровнем их организации. Именно она в самом широком смысле помогает вести это воспитание в нужном направлении.

Припоминается один случай в Эстонии. Мы с моим эстонским знакомым шли вдоль форелевой реки. Впереди у небольшого домика она делала слабый поворот, и там, по моему мнению, должно было быть хорошее место для ловли. Но мой товарищ посоветовал мне это место обойти — мол, всем известно, что там водится форель, однако

ни один уважающий себя рыболов здесь не ловит. Дело в том, что хозяин избушки уже в пожилом возрасте, сам никогда не ловит рыбу, но любит ее наблюдать и радуется ее присутствию. В правдивости слов моего знакомого я убедился в другой раз, когда, проезжая эти места, мы с друзьями просто пошли посмотреть эстонских форелей — они разгуливали в полной безопасности и были живыми свидетелями высокой культуры здешних рыболовов.

Надо сказать, что опытные, культурные рыболовы-форелисты не отличаются разговорчивостью, особенно если дело касается конкретных районов

На форелевой речке

Фо Я. Стикутса

Рис. 1. Возможные места стоянки форели

Рис. 2. Ловля взабродку. Цифры указывают последовательность забросов

Рис. 3. В труднодоступных местах блесну можно вести против течения

ужения. И они в какой-то степени правы — при плохой организации рыболовства «утечка» информации зачастую может привести к плохим последствиям. Ведь отрицательно влияет на запасы форели и ее ловлю не только браконьерство. Если на одном коротком участке небольшой реки в одно утро окажется целая группа рыболовов без взаимной договоренности, можно с уверенностью сказать, что от ужения радости будет мало. Известно, что форель — рыба пугливая, и, если, например,

Рис. А. Калабина

один опытный удильщик, ловя взабродку, прошел по речке, в течение 3—4 часов после него, как правило, можно поймать только мелочь. Кроме того, свежий след у речки действует подавляюще на психологию многих рыболовов. Это можно понять — если, преодолев большие расстояния, надеешься побыть наедине с речкой, а впереди тебя оказывается кто-то, притом еще неизвестно, что за человек и как ловит. Поэтому неудивительно, что опытные форелисты свои секреты раскрывают посторонним только после более тесного знакомства с ними. Разумеется, эта тенденция скрытничать гораздо более ослаблена при организованной ловле, когда заранее можно ориентировочно определить, сколько человек и какими способами будут ловить на том или ином участке реки.

Этот небольшой экскурс в психологию форелиста поможет в некоторой степени понять то положение, в котором оказывается каждый, кто хочет поделиться своим опытом охоты за форелью, особенно в условиях неорганизованной ловли. Однако будем надеяться, что большинство из тех, кто прочтет эти строки, захотят стать настоящими рыболовами.

Все вопросы, возникающие у начинающих при ловле, можно объединить в три группы: выбор места ужения, выбор тактики ловли и техника ловли.

Выбор места ловли, на мой взгляд, — первый и наиболее важный этап, определяющий всю «стратегию» рыбалки. Недаром места ловли — самый ценный секрет всех опытных форелистов. Форель — довольно распространенная рыба в европейской части СССР, поэтому ее можно встретить почти повсеместно, может быть, только в южных равнинных районах будет трудно найти речки с нею. В остальных же районах в радиусе 500 км обязательно найдется какая-то форелевая речка. Поэтому выбрать водоем, который потенциально может стать целью форелиста, очевидно, не так уж трудно, и при современном транспорте несложно туда попасть. Но если кто-то вам сказал, например, что в Луге водится форель, он не сообщил ничего определенного — ведь Луга-то длинная река. Чтобы определить конкретное место ловли, нужно получить более конкретную информацию у опытных форелистов или искать это место самому, пробуя ловить на разных участках реки с учетом «теоретических» сведений. Не надо забывать также о существовании правил любительского рыболовства, которые во многих республиках и областях в отношении форели имеют значительные различия. О них можно узнать во всех областных управлениях Главрыбвода СССР или местных обществах рыболовов и охотников. А упрощенная «теория», необходимая для того, чтобы «нащупать» какое-то место, где может обитать форель, довольно проста.

Как известно, она обитает в реках с довольно быстрым течением, в районах, где вода имеет достаточно высокое содержание кислорода и ее температура не поднимается выше +18—+20°C. Обычно

это связано с географическими условиями. Речки, отвечающие этим требованиям, преимущественно можно встретить в районах, имеющих какие-то возвышенности или примыкающих к морям и большим озерам, в горных местах, а также там, где много родников. Форель избегает больших равнинных рек, однако ее можно встретить в верховьях тех же рек, поскольку очень часто они берут начало в возвышенностях. В средней полосе форели почти никогда нет в реках, которые вытекают из озер, исключение составляют реки, текущие из озер, питающихся родниками. Типичными форелевыми водоемами является большая часть рек бассейнов Балтийского моря, Чудского, Ладожского, Онежского и Ильменского озер, реки Кавказа и Карпат. Наиболее крупных форелей, достигающих веса 2—3 и даже 5 кг, можно встретить все-таки в равнинных участках этих рек, имеющих достаточно хорошую кормовую базу. Обычно верховья рек с более прохладной водой, так же как и водоемы, расположенные в северных районах, имеют пониженную кормовую базу, и, следовательно, условия роста для рыб в этих местах хуже. Однако на практике нередко приходится удивляться тому, каких крупных форелей можно встретить даже в относительно небольших ручейках! В некоторых случаях это объясняется ухудшением жизненных условий в основных местах обитания форели — равнинные участки, как правило, более доступны, часто там хорошо развито сельское хозяйство, что порою отрицательно влияет на условия жизни рыб.

Но представим себе, что найдена хорошая форелевая речка и рыбалка началась. Однако, когда ваша небольшая группа собралась для обсуждения результатов ловли, мнения разделились. Один из вас утверждал, что речка прекрасная и рыбы достаточно, другие считали наоборот — форели здесь как-будто очень мало. Чем же объяснить подобные расхождения в суждениях рыболовов? Причины могут быть разные, но прежде всего это выбор тактики ужения — в каких конкретных местах искать форель в речке и как ее ловить.

Сезон ловли форели обычно начинается со вскрытием рек. Ручьевая форель, отнерестившись поздно осенью, зимой довольно пассивна — мало перемещается и менее активно питается, поэтому к началу сезона она не находится в лучшей своей форме. Ранней весной ее можно встретить в так называемых зимних местах — ямах, завихрениях после перекатов, местах с более умеренным течением. Держится форель в этих местах вблизи дна, где течение слабее и оно подносит в достаточном количестве корм. Основной рацион рыбы в это время — личинки ручейника, лягушки, мелкая рыбка. Перед наступлением паводков весенние места найти нетрудно, однако, когда уровень воды начинает подниматься и она мутнеет, без предварительного изучения сделать что-то почти невозможно. Успехи ловли форели ранней весной в большой степси, нежели в другое время, зависят от правильного определения зимних мест стоянки. Этим частично

можно объяснить то, что рыбу удается поймать до наступления паводков и непосредственно после их спада.

Ловят форель в это время удочкой или спиннингом. На крючок удочки насаживают лягушек, оползней или делают снасточку. Спиннингисты предпочитают небольшие вращающиеся блесны или маленькие колеблющиеся весом не более 10 г. Если проследить за статистикой, видно, что самых крупных форелей удается поймать именно весной. Это связано с тем, что, поскольку сезон охоты за форелью только начинается, она держится не так уж осторожно, ее можно встретить в относительно доступных местах. После спада паводков крупные экземпляры подыскивают себе более закрытые места и их поимка с наступлением лета становится все более трудной. Наибольшие шансы поймать форель бывают при медленной и глубокой проводке приманки вблизи дна. Поскольку подобный прием требует, чтобы приманка была сравнительно тяжелой, нахлыстом поймать форель весной гораздо труднее. Однако иногда это удается сделать, если использовать тонущие шнуры, а в качестве тонущих мушек — имитации разных личинок или нимф, а также имитации мальков — стримеры.

Шансы спиннингистов и нахлыстовиков значительно возрастают во второй половине весны, в мае и июне, когда становится теплее и по берегам рек зацветают ивы, а на мокрых лугах — калужницы. Потепление воздуха и воды сопровождается развитием насекомых — в разных слоях водоема появляются блуждающие нимфы, вблизи поверхности воды и на ней — взрослые насекомые. Все они представляют лакомство для форели, и после длительного зимнего периода (затишья) наступает время повышенной активности этой рыбы. Ее можно встретить во всех слоях водоема, где она охотится за добычей, на поверхности появляются волнующие сердце любого рыболова круги. В это время форель распределяется в реке по своим так называемым летним местам, где проводит все лето и осень, вплоть до нереста. Форель в основном рыба осторожная, летом кормится предпочтительно ночью, ранним утром или поздно вечером. Особенно явно это выражено в родниковых речках с очень чистой и прозрачной водой — такая речка днем кажется почти пустой, и только после заката солнца можно увидеть, что она оживает. Днем форель выжидает в местах, которые дают ей хорошие укрытия, особенно любит она такие места, вблизи которых находятся подходящие уголки для охоты — перекаты, стремнины, завихрения. Особенно разборчивы крупные, весом 1 кг и больше, особи.

Если в форелевой реке в каком-то внешне хорошем месте не чувствуется мелкая или средняя форель, значит, скорее всего, участок занят более крупной рыбой. Здесь надо отметить, что форель, как большинство хищников, не терпит в своих уголках конкурентов и по возможности старается от них избавиться. Среднюю рыбу весом 0,3—1 кг можно встретить чаще. Разумеется, количество

экземпляров зависит от общего состояния запасов форели в реке. Для некоторых рек рыбы весом 300—400 г являются достаточно крупными, и соответственно в реке их удается встретить не так уж часто.

Укрытием для форели могут стать: нависшие над водой кусты, подмытые берега, коряги, крупные камни или ямы на дне. Предпочтение отдается укрытиям, омываемым главным течением. Особенно форель любит держаться вблизи водопадов, плотин и перекатов, где в воде имеется повышенное содержание кислорода и обилие корма. В солнечную погоду эта рыба старается выбирать места, расположенные в тени, при низкой воде — более глубокие. Однако надо иметь в виду, что всегда могут быть исключения; например, в родниковых речках, текущих в болотистой местности, форель часто держится также среди растительности посередине реки.

Если рыболову удалось в какой-то речке определить наиболее типичные места стоянки форели, в дальнейшем он какое-то время может с успехом ловить на этих участках. Найти стоянку иногда бывает непросто — тут требуются терпение, настойчивость и умение. Однако со временем у рыболова вырабатывается умение по всем признакам ловко определять наиболее вероятные места, где стоит искать рыбу, и это значительно повышает шансы на успех. Не надо забывать, что ручьевая форель — рыба оседлая. Если ее удалось обнаружить в каком-то месте, значит, она будет держаться в данном районе. Хорошие места, как правило, долго не пустуют — как только одна форель покинула это место или ее выловили, через определенное время тут появляется другая.

Рыболовы иногда жалуются: «Видел много вот такой форели, но не берет!» Многие опытные форелисты часто убеждались, что зная места, где держится рыба, еще не значит, что удастся ее сразу поймать. Недаром при ловле особо крупных форелей применяют способ, позаимствованный от охоты на красную дичь. Сначала определяют, где держится крупная рыба, и по возможности изучают ее поведение. После в течение определенного времени ведут целенаправленную охоту только за этим экземпляром. Такая тактика объясняется тем, что крупную рыбу можно насторожить любым неверным шагом — как неосторожным приближением к месту, где она держится, так и неаккуратным забросом или подозрительным поведением приманки. Не говоря уже о том, что крупная форель охотится в основном ночью, а держится в труднодоступных местах.

Легче форель поймать, когда она активно охотится. По своей натуре она — хищник, и во время жора хватает почти все, что движется. В таких случаях ее можно встретить даже в местах, не столь типичных, она ведет себя менее осторожно, к тому же преследует добычу в большом радиусе. Активная форель при массовом вылете разных насекомых, и особенно при вылете поденки, но хорошего клева можно ожидать также и просто при благоприятной

погоде. Теплые пасмурные дни с мелким моросящим дождиком особенно высоко ценятся форелистами. Клев улучшается и после кратковременных сильных дождей, вызывающих небольшое помутнение воды в реке.

В зависимости от времени года и в различных водоемах уловы спиннингиста, нахлыстовика и удильщика могут быть самыми различными. Спиннингист за одно и то же время можно обследовать большой участок, чем удочкой и нахлыстом. Однако для заброса блесны не все места доступны, особенно в маленьких заросших кустами речках. Еще труднее приходится нахлыстовикам. Но бывают моменты, например летом при низкой воде, когда можно видеть, как форель охотится за разными насекомыми и упорно отказывается от блесны или червя. В таких случаях именно рыболов, владеющий нахлыстом, может оказаться самым удачливым.

Но вряд ли рыболову удастся выяснить, какую-то закономерность в определении мест, где держится форель, если он не будет хорошо владеть техникой ловли. Ведь часто рыболов думает: нет в том или ином месте рыбы, а на самом деле он просто не сумел забросить приманку в нужную точку.

Говоря о технике ужения, не буду останавливаться на оснащении рыболова. Само собой разумеется, что снасти должны быть в достаточной степени подходящими. Не только спиннинг или удочка, но даже и такие вещи, как обувь, одежда, корзинка для хранения рыбы и остальные «мелочи», влияющие на результаты рыбалки. Например, однажды жарким летним днем я был вынужден прекратить ловлю после первой пойманной форели, когда обнаружил, что мой нож пропал и нечем выпотрошить пойманную рыбу. Эта рыба настолько нежна, что непотрошенная очень скоро портится. И если ловля форели не терпит небрежности и неаккуратности в подготовке снастей, то же самое можно сказать и в отношении техники ужения. У многих вызывает улыбку рыболов, который почти по-пластунски подкрадывается к речке. Но после сравнения его улова с уловом товарища, спокойно разгуливающего по берегу, становится понятным, что успех сопутствовал тому, кто тщательно маскировался. Особенно нужно быть осторожным при приближении к месту ловли, когда форель насытилась или спокойно стоит в укрытии. Не надо думать, что потревоженная рыба сразу удерет от своей стоянки, чаще наоборот — она просто прыщет еще глубже там же и теряет активность. Рыболову же это место кажется просто пустым — форель не дает себя обнаружить: не преследует и тем более не хватает приманку. И чем меньше речка и ниже уровень воды, тем осторожнее надо приближаться к месту, где будет заброшена приманка. Если форель заметила рыболова, желательно это место оставить на некоторое время в покое, дать ей успокоиться и, если возможно, попытать свое счастье позже.

Передвигаться по речке во время ловли можно по-разному — взбродку, по берегу, на лодке. Каждый из способов имеет свои преимущества и

недостатки. Ловить взбродку можно только в реках, где глубина не мешает рыболову передвигаться по руслу, однако этот способ позволяет проверить почти все места в речке. Форель с лодки ловят реже, только в самых крупных реках, а также в северных озерах. Чаще всего идут по берегу и, когда необходимо, заходят в воду. Лучше идти вверх по течению, особенно при охоте со спиннингом. Блесну протягивают вниз по течению или немного поперек него. Форель обычно держится головой против струи, поэтому рыболову гораздо легче подкрасться к рыбе, кроме того, приманка ведет себя более естественно. Забросы вниз по течению применяют только в местах, где нет другого выхода. На участках с умеренным и сильным течением легкие форелевые блесны обычно трудно вести против струи, она их поднимает к поверхности или даже выбрасывает из воды. Делая забросы вниз, маскируются особенно тщательно. Исключение составляет лишь ловля на воблер — плавающую имитацию рыбки. Воблер забрасывают или в заросших кустами местах просто сплавляют вниз по течению, а потом подтягивают вверх. Во всех случаях надо стремиться, чтобы уже первый заброс достиг намеченной точки. Если это не удалось, вероятность хватки при последующих забросах уменьшается или вообще пропадает. Забрасывая приманку, нужно представить, где в это время может находиться форель, и опускать приманку таким образом, чтобы она при протягивании проходила мимо рыбы. В большинстве случаев приманку лучше вести близко от форели. Однако в рыбалке нет правил без исключений: бывает, что форель берет не после первого, а после десятого заброса, а случается, что она лучше хватает приманку, если ту забросить немного дальше от рыбы. То же самое относится к скорости проводки: пользуясь медленной проводкой, нельзя забывать, что возможна и скорая проводка. При ней форель не успевает тщательно обследовать приманку и на всякий случай хватает ее. Очень важно, на мой взгляд, особенно летом, чтобы блесна играла сразу после погружения в воду. Во время активного клева форель часто бросается за блесной непосредственно после соприкосновения ее с поверхностью воды. Если приманка сразу не играет, рыба отворачивается, и поклевки может вообще не быть. Дальность забросов не играет существенной роли и в среднем колеблется в пределах 10—20 м. Важнее точность забросов, отклонения от цели на расстояние 10—20 м не должны превышать одного метра. Легче научиться точно забрасывать приманку, если заранее потренироваться на суше. Опыт показывает, что рыболовы, которые хоть немного занимались кастингом, порою ловят форель успешнее, чем чистые практики. И причина здесь иной раз одна — умение точно забрасывать приманку, приобретенное на тренировках на стадионе.

И последнее. Если вы поймали малюсенькую форелишку, которая отнюдь не возвысит мнение о вас как о настоящем рыболове, бережно подтащите ее к себе и отпустите.

СО СПИННИНГОМ ЗА ГОЛАВЛЕМ

Сезон ужения голавля начинается с вылетом майского жука и продолжается до поздней осени. В отличие от других рыб он продолжает кормиться и в период нереста, который совпадает по времени с цветением черемухи. Корм у голавля разнородный. В течение летнего сезона он пожирает водоросли, насекомых, мелких ракушек, а ближе к осени — мелких рыбешек и лягушат. Как видно, свою пищу ему приходится отыскивать в разных слоях воды, а потому и держится он на разных глубинах. С наступлением холодов уходит на глубину, где и зимует. Средний вес голавля — 1—1,2 кг, но встречаются экземпляры по 8 кг и более.

При ужении не следует забывать о том, что у голавля весьма острое зрение. При относительно прозрачной воде и хорошем освещении, находясь в верхних слоях воды, он видит не только то, что находится на берегу, но даже различает окраску мелких насекомых, летающих над водой. Нахлыстовики хорошо знают, что стоит иногда только сменить мушку одного цвета на мушку другой окраски, как голавль начинает ее жадно хватать, в то время как к приманкам другого цвета остается равнодушным. Вообще-то о голавле можно сказать и больше, но, думаю, в этом нет необходимости. Здесь приводятся только те сведения, которые имеют практическое значение для рыболова. Что касается мест ловли, о которых пойдет речь впереди, то и они перечислены не все, а только те, которые хорошо изучены и проверены мною на собственном опыте.

Полагаю, что другие авторы восполнят недостающие пробелы и в будущем поделятся своим опытом на страницах альманаха.

Голавль водится во многих реках нашей страны, но отдает предпочтение рекам с быстрым течением, с песчаным, каменистым или галечным дном. Если характер реки иной, то и там эта рыба стремится найти места с более быстрым течением или выходит на отдельные струи.

Мне ни разу не удавалось поймать голавля спиннингом на блесну в реке возле камышей, когда он то тут, то там выпрыгивал из воды в погоне за стрекозами. Несмотря на все мои ухищрения и маскировку, все было бесполезно даже и тогда, когда он назойливо бил в одном и том же месте.

А вот второй пример. Проходя летним днем по обрывистому берегу реки, можно наблюдать иногда целые стайки голавлей, неторопливо плывущих у поверхности воды, но стоит только забросить блесну и подтянуть ее к стайке, как она рассы-

пается в разные стороны и исчезает. В данном случае рыбы, по-видимому, не жировали, а только плавились, так как не реагировали даже на падающий в воду корм.

Но в другое время на том же самом месте, когда голавли жируют, картина может быть иной. Здесь есть уже шансы на поклевку. Не подходя близко к краю такого берега (и не видя под ним воды), осторожно делают заброс блесны вслепую. Ведут ее недалеко от берега по течению реки. Делается все это осторожно, так, чтобы рыба вас не видела и не слышала. Разумеется, реку под берегом по предварительным исследованиям надо знать, и если там проходит быстрая струя, то есть возможность поймать иногда довольно крупный экземпляр. Поклевки чаще бывают ближе к вечеру. Рассчитывать на большой улов нельзя, но весь интерес такой рыбалки заключается в другом — в поиске нужного места, в увлекательнейшем процессе охоты.

Все это показывает, что, несмотря на присутствие голавля, поймать его спиннингом (как, впрочем, и многих других рыб) можно не везде и не всегда, а только в определенных местах и при определенных условиях.

Сравнительно успешно проходит ловля ниже разрушенных мельничных плотин, где есть достаточно мощные струи воды. Если они недостаточно мощные, то успеха не будет, несмотря на присутствие жирующих голавлей.

Никогда не забуду, как однажды в июне я ловил спиннингом голавлей у одной из разрушенных плотин на реке Северке (приток Москвы-реки). День был солнечный, жаркий. Голавли буквально под самым носом, словно дразня, беспрестанно выпрыгивали из воды. Обливаясь потом, я делал один заброс за другим, стараясь во что бы то ни стало выловить рыбу. Прочесывая каждую струйку, всякий раз после заброса вел блесну против течения, не давая ей достаточно хорошо заглубиться. В результате за весь день ловли поймал только одного голавлика весом 400 г, хотя голавлей посолиднее здесь было предостаточно и безусловно они жировали.

К тому времени я уже имел опыт ловли голавлей. Неоднократно и успешно ловил их на Москве-реке, ниже Карамышевской плотины, до 8 часов утра, когда работала одна турбина (при работе двух турбин голавли уходят), охотился за ними на реке Ранове (приток реки Прони), у бывшей мельничной плотины у деревни Ключи и в других местах.

Стараясь потом понять причину своей неудачи,

я пришел к таким выводам. Струи воды на Северке были недостаточно мощные, поверхность воды была сравнительно гладкая, местность открытая и хорошо освещенная. Рыба находилась от меня неподалеку и, обращенная ко мне головой, видела меня как на ладони. Ко всему этому блесна шла в открытом пространстве, близко от поверхности воды и тоже так отчетливо просматривалась, что не могла ввести в заблуждение зоркого голавля.

Другое дело у Карамышевской плотины. Там голавль находился от меня на почтительном расстоянии. Делая забросы против течения, я вел блесну по течению, и притом в полводы, поэтому рыба, обращенная ко мне хвостом, не видела меня, а блесна, находясь на глубине, не позволяла рыбе распознать ее сущность. Вот почему успех был несравненно лучше.

Ну а случай на Северке с голавлями был для меня весьма поучительным: он показал, как в пылу азарта рыболов иногда теряет голову и забывает самые элементарные истины.

Есть и другие места, где мне приходилось ловить голавлей — это отдельные полосы воды с более быстрым течением, чем соседние. Не перекаты, не быстрины, а именно полосы шириной 10—15 м, глубиной до 3 м, которые чаще встречаются ближе к фарватеру реки. Не зная реки, определить их на глаз, только по внешнему признаку, довольно трудно — их надо знать.

Хорошие места для ловли голавля спиннингом есть, например, под Москвой на Оке возле города Озеры. Если из города перейти через мост на другую сторону реки (на правый берег) и идти вниз по течению, можно заметить ряд выдающихся с берега мысков, которые здесь называют «бычками». Каждый «бычок» имеет свое название: например, первый от моста — Симоновский, далее Спиридоновский, затем идут Мартыновский, Гришкин и другие «бычки», и с каждого из них ловят спиннингом. Связавшись с местными рыболовами, можно узнать от них поточнее, с какого мыска лучше охотиться за голавлем.

Практически ловят здесь так. Забрасывают блесну поперек реки, чуть выше по течению и метров на двадцать дальше за струю. Дают блесне опуститься ко дну (но не до самого грунта) и делают кондом удилища рывок вверх (что-то вроде подсечки). Ощувив вращение блесны, начинают подмотку лесы. Ведут приманку в полводы, не очень быстро, но так, чтобы она шла с напряжением и вращалась с максимальной скоростью — иначе голавля не поймашь. Как только блесна войдет в зону струи и станет ее пересекать, напряженность хода блесны сразу возрастает. Леса сильно натягивается, приманка начинает жужжать, как волчок, и подниматься вверх. В это время подмотку лесы замедляют и ведут блесну с такой скоростью, чтобы она шла с напряжением, но не поднималась вверх (иногда приходится вести очень медленно). Перевалив струю, блесна попадает в более спокойную воду и, продолжая вращаться, начинает опускаться ко дну. В этот момент и бывают поклевки. На конце

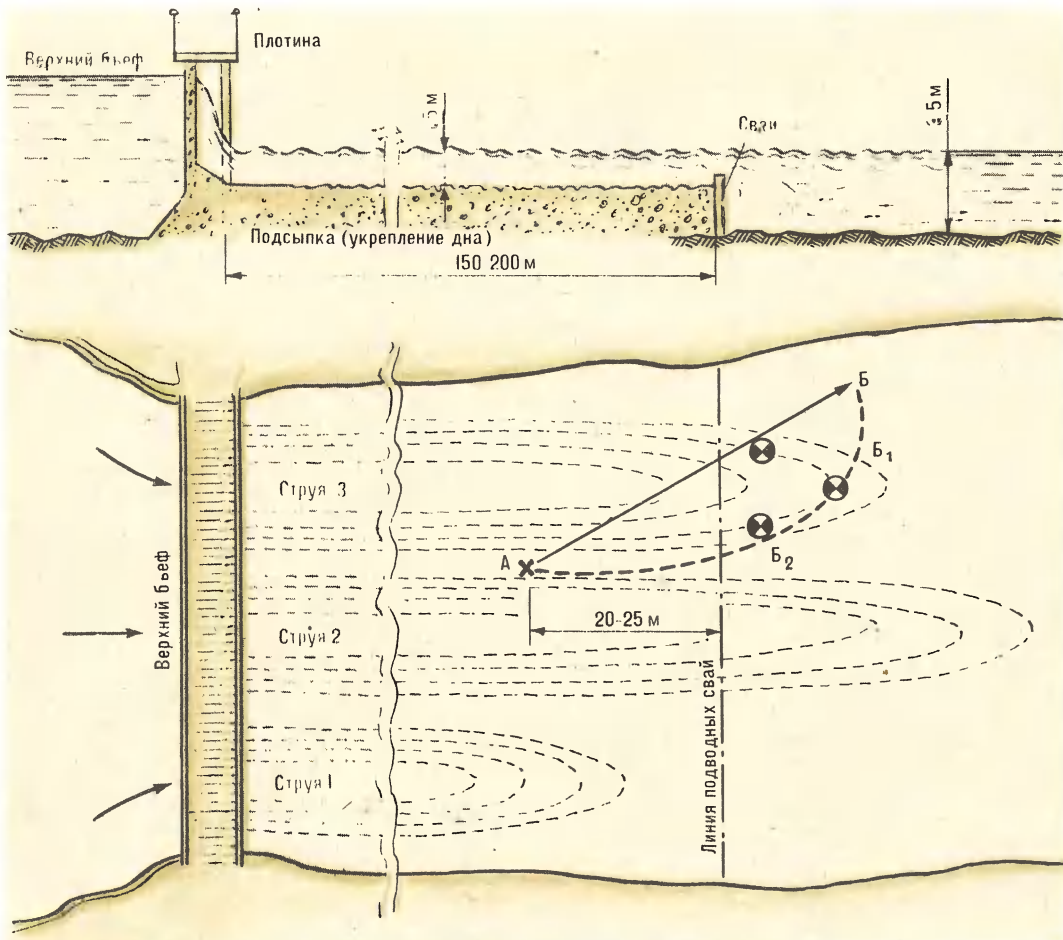
лесы ощущается короткий толчок, но не такой сильный и резкий, как у жереха, а приятный.

Голавль держится и жирует не на самой струе, а рядом с ней, на границе с более спокойной водой, и как только блесна вылетает из струи, он ее тотчас хватается. Такова техника ловли, на любой струе.

Почему именно здесь, а не в другом месте, легче поймать голавля? Да дело в том, что он очень хорошо видит, а тут, на быстрине, вода всегда немного мутноватая и освещенность на глубине меньше. Подстерегая добычу возле струи, рыба не видит блесны в самой струе, так как приманка вращается очень быстро, но чувствует ее приближение боковой линией. Как только блесна выходит из струи и попадает в поле зрения рыбы, она сразу хватается ее. Здесь, возле струи, рыба действует быстро, решительно и смело, иначе добыча уйдет. Струя мутноватой воды точно так же, как и трава, ограничивает поле зрения хищников, стоящих в ней в засаде. Они хватают приманку в тот момент, когда она на короткое мгновение проходит перед их глазами. В открытом же водном пространстве соблазнить хищника блесной очень трудно, особенно при медленной и равномерной проводке и хорошем освещении. В этих условиях рыба сразу замечает фальшь, и, не решаясь схватить подозрительную приманку, часто провожает ее. Помню случаи на реке Протве: провожая мою блесну из глубины на поверхность реки, близко от берега, вышла громадная щука и, увидев меня, отвалила и скрылась. У меня даже в душе похолодело. Какая досадная осечка! А сколько таких отказов бывает там под водой, где мы их не видим. Как правило, хищник бросается на жертву из засады и только в случае промаха преследует добычу уже в открытом пространстве и хватается ее, если она уходит. Этот закон существует не только среди рыб, но и среди других животных.

Как показала практика, успешная ловля голавля спиннингом проходит только в местах его скопления во время жировки, когда между особями наблюдается конкуренция. Такими местами являются мощные струи воды ниже плотин в судоходных реках средней величины. Особенно хороши плотины, на которых имеется много струй разной мощности. Это позволяет выбрать из них ту струю и то место на ней, где с большим успехом может проходить ловля. Только здесь, и больше нигде, мне удавалось ловить спиннингом много голавлей, которые брали так же часто, как порой клюют пескари на удочку. Это было, например, ниже плотины на Оке, под селом Белоомут, в середине июня. Но и здесь, не умея ориентироваться, можно было оказаться без улова. Приведу такой пример.

Однажды после моего возвращения с удачной рыбалки мне позвонил мой товарищ и, узнав от меня о результате и месте ловли, немедленно отправился туда. После его возвращения из разговора с ним я узнал, что он ничего не поймал, хотя и считался опытным рыболовом. Мой улов он объяснял чистой случайностью и заявил: «Голавль подошел к плотине, нажрался и ушел». Чтобы опровергнуть его версию и доказать ему, что он неправ, я в бли-

А - лодка рыбакова;
 АБ - направление заброса;
 Б, Б₁, Б₂ - места стоянки голавля;
 Б, Б₁, Б₂ - путь блесны при подмотке

жайшие дни отправился на то место, где он рыбачил, под ту же плотину, и поймал еще больше, чем в предыдущий раз. Вот тебе и «нажрался»!

Дело в том, что мой товарищ многого не учел. В чем же его ошибка? А просто в том, что он ловил не там, где нужно. Для того чтобы сознательно найти то место, где держится голавль у плотины, надо в основных чертах знать ее устройство. Что такое верхний и нижний бьеф, знают все, но немногим известно, что дно реки ниже плотины засыпают камнем. А чтобы камень не унесло водой, отступив метров на 150 - 200 ниже, забивают поперек реки деревянные сваи. У берега концы свай выходят из воды и позволяют определить места

их установки под водой, а выше линию их установки. От плотины до свай глубина реки около 1,5 м, а ниже их резко увеличивается. Если свай не видно, можно место их установки определить, промерив глубину (по резкому спаду).

На рисунке дана схема устройства сливной плотины (план и разрез). Струи воды, идущие ниже плотины, имеют различную мощность и скорость. Таких струй много. На рисунке условно показаны только три струи. Из них первая (1) самая слабая, вторая (2) самая сильная и третья (3) средней силы. Голавль держится на той струе, которая, пройдя свайное ограждение, затихает метрах в пятнадцать-двадцати ниже свай. Объясня-

ется это тем, что голавль скапливается и жирует непосредственно за сваями, на глубине, где течение более слабое. Там он поджидает добычу, которую выбрасывает сюда эта струя. Такой будет третья струя. Ни на первой, ни на второй голавля не будет, потому что первая струя не доходит до свай, а вторая слишком бурная и мощная, которая уносит и выбрасывает корм далеко за сваями.

Для ловли под плотиной нужна лодка. Определить струю, на которой предполагается рыбалка, ставят лодку на якорь, рядом со струей справа по течению, где вода более спокойная, и метрах в двадцати-двадцати пяти выше свай. Забросы делают на 35—45 м так, чтобы при подмотке блесна пересекала струю наискось метрах в десяти-пятнадцати ниже свай (в зависимости от силы струи), и ведут ее на глубине 1,5—2 м, как раз в том месте, где держатся голавли. Чтобы обнаружить это место, сначала делают забросы на разную длину, прощупывая и «пристреливая» местность. При удачной ориентации успех будет обеспечен.

Техника ведения блесны здесь такая же, как и при ловле на любой другой струе, о чем было сказано подробно при описании ужения голавлей на Оке под городом Озеры.

Теперь поговорим о блесне, которая играет важную роль при ловле голавля. Обычно пользуются вращающимися блеснами среднего (длиной 30—35 мм) размера с якорьком № 10. Блесну большого размера голавль не возьмет, а маленькая не позволит контролировать ее ход, то есть не будет ощущаться на конце лесы, особенно при далеких забросах. Блесна должна вращаться легко, то есть сразу вступать в игру при первой же потяжке, и быстро вращаться, даже при небольшой скорости проводки. Такой игрой обычно обладают блесны, имеющие тонкий (толщиной около 0,6—0,8 мм) лепесток и достаточно большую выпуклость. Есть блесны и с малой выпуклостью, которые отвечают всем нужным требованиям — это зависит от их конфигурации, оснастки и других причин. Например, быстрота вращения блесны зависит от соотношения ее частей — чем меньше разница между длиной и шириной, тем быстрее приманка будет вращаться.

Из числа наиболее распространенных блесен можно рекомендовать «Спиннер» (21 × 31 мм), есть специально «голавлевая» (похожа на «Спиннер») и другие. Я всегда ловил на «ромбик» (37 × 24 мм), он прост в изготовлении и работает безотказно. Что касается «универсальной», то для голавля она оказалась недостаточно подходящей как по напряженности хода, так и по скорости вращения.

При отработке игры блесен могут оказать большую услугу карабины (вертлюжки), шайбочки, способы подвески лепестка и прочее. Цвет приманки латунный, неяркий. Можно к тройнику подмотать 2—3 красные шерстяные нитки, но делать это не обязательно.

Ставить груз непосредственно у блесны, то есть снаривать груз с нею, не советую. Во-первых, это увеличивает общий размер приманки, что неже-

лательно, во-вторых, ухудшает ее игру, особенно при малых и средних размерах. Груз лучше ставить на расстояние 60 см от блесны и далее. При средней дальности заброса это не будет мешать ловле. Вес груза должен быть около 28—30 г. При ловле на струе более легкий груз труднее вести на глубине, он вместе с приманкой будет выталкиваться течением на поверхность. Что касается стального поводка, то при ловле голавля он не требуется, хотя бывают случаи, когда вместо голавля попадаете щука.

Удилище может быть любым — одноручным или двуручным, важно только одно — чтобы оно было чутким, то есть хорошо резонировало, позволяло ощущать ход блесны, ее игру. Грубое, повышенной мощности удилище не передаст руке этих тонких ощущений.

Катушка подходит как инерционная диаметром намотки лесы 80—100 мм, так и безынерционная. Здесь, пожалуй, больше подходит инерционная, потому что далекие забросы не требуются, груз достаточно тяжелый, а чувствительность инерционной катушки, мне кажется, все-таки выше, чем у безынерционной. Да и леса диаметром 0,4 мм, которую обычно наматывают на инерционную катушку, позволяет брать среднего голавля без вываживания, к тому же для многих спиннингистов она удобнее в обращении.

Голавля можно ловить целый день с перерывом с 15 до 17—18 часов, когда его клев ослабевает или прекращается совсем. С крутого берега лучше ловить, когда ветер дует в спину рыболова — в сторону воды, а часы ужения в летнее время — с 18—19 часов (по моим наблюдениям).

Для ловли под плотиной требуется разрешение-пропуск военизированной охраны речной милиции или разовый пропуск от начальника плотины.

РЫБКА-НОВОСЕЛ

В бассейне реки Амура далеко не все рыболовы знают мелкого хищника — троегуба (*Opsariichthys unciostrius* Tan). В специальной литературе эту рыбку именуют еще и троегубка, тригуб, тригубка... Ничем особенным рыбешка не выделяется и среди богатого выбора ценных рыб Дальнего Востока часто остается незамеченной.

Родина троегуба — Восточная Азия. Наиболее крупные рыбки обитают в Корее, достигая там 32 см длины. В Амуре они растут всего до 16 см, у нас в Средней Азии вырастают до 20—24 см.

Телом рыбка напоминает сардину, оно удлинено и слегка сжато с боков. Рот большой, доходит до уровня глаз и напоминает по форме своеобразный замок: выемка и два выступа на верхней челюсти и соответственно им бугорок и две выемки на нижней челюсти. Такое устройство рта позволяет троегубу захватывать необычайно крупную добычу.

Спинка у него темная, под цвет дна реки, бока серебристые. Грудные плавники светлые, нижние и нередко нижняя челюсть оранжевые. Во время нереста окраска тела особенно яркая, иногда появляются пятна неопределенной формы.

Питаются троегубы животной пищей. Достигнув 4 см длины, становятся хищниками.

В водоемах бассейна реки Амур троегуб держится на быстром течении, за круговертью, у обрывистых берегов, где ловле мешают затопленные коряги, корни тальников. В тех же местах распространены колючие косатки, нахраписто бросающиеся на любые животные приманки и глубоко заглатывающие их. А кому охота связываться с ядовитыми колючками косатки, да еще терять крючки и грузила на зацепках, чтобы поймать обитающего рядом с ней троегуба? Так и живет угнетенная более энергичными хищниками довольно редкая рыбка троегуб, и на Дальнем Востоке ее не пытаются ловить.

Иначе дело сложилось у нас в Узбекистане. Никто, конечно, и не думал завозить троегуба в Среднюю Азию, но при переселении в 1961 г промысловых рыб — толстолобика и белого амура — прихватили случайно в пруды Калган-Чирчик и эту рыбку.

Троегубы сразу перебрались в речки с быстрым течением — Чирчик, Ахангаран (Ангрен), Келес, Салар... Здесь рыбки нашли идеальные условия: им не мешали настырные косатки, тут был обильный корм, хорошие места для обитания и нереста.

Рыбки-новоселы без особого труда слегка потеснили мелких жерехов, поделив с ними охотничьи угодья. Другие хищные рыбы, на счастье

пришельцам, обитали в иных условиях: сом и змееголов, например, избегали быстрого течения, судаки и жерехи посolidнее придерживались более крупных водоемов, щуки не заходили так далеко, как троегубы, на юг. По моим наблюдениям, в новой для них среде троегубы сначала не имели каких-либо серьезных противников и вскоре стали самой распространенной рыбой малых рек. Затем положение существенно изменилось. Во-первых, местные рыболовы стали интенсивно отлавливать привлекательных рыбок, смело хватавших приманку. Во-вторых, на перекатах речушек и арыков, куда приспособились выходить на охоту троегубы, их самих стали вылавливать змеи и змееголовы.

Уровень воды в малых водоемах зависит от поливов окружающих плантаций. Из-за периодических подъемов уровня воды появляются лужи и заболачиваются берега. В таких местах скапливается масса лягушат, и за этой добычей охотятся на суше ужи и гадюки, на мелководье к змеям присоединяются змееголовы. В тех же водах подрастают мальки многих рыб и обитает рыбка гамбузия. Рыбью мелочь змеи и змееголовы почти не трогают, но троегуба хватают охотно. При внезапном появлении у водоема нередко можно увидеть ужа с троегубом в пасти или наблюдать молниеносный бросок змееголова, гасящий серебряную молнию пытавшейся ускользнуть рыбки.

Городские рыболовы еще не все заинтересовались рыбой-новоселом. Большинство из них не интересуются мелочью, предпочитая привычную ловлю сазанов, карасей, судаков... Однако сейчас уже стал напрашиваться вопрос: зачем порой ехать за тридевять земель, трястись сотню километров на машине, чтобы поймать (а может, и не поймать) солидную рыбу, если настоящий спортивный азарт можно испытать на рыбалке поблизости, даже около дома?

...В одно из мартовских воскресений мы с приятелем отправились порыбачить на речку Ангрен. Около дома встретили старичка соседа, ковылявшего куда-то со стулом и удочкой.

— Посижу маленько на ярке, — пояснил дед. — Здесь, рядом.

— Так тут, кроме малявок, никто не клюет, — заметил приятель. — Хотя и водятся маринки.

— Знаю. Но что же делать-то? Погляжу на поплавок, и то ладно... Годы...

Вкусы у нас с приятелем были разные. Добравшись на автобусе до речки, мы разделились. Он выбрал омуток за перекатом, наладил две длиннейшие удочки и замер, карауля поплавок.

Я оставил около него рюкзак и побрел вдоль речки, забрасывая спиннингом блесну в места, где быстрая струя граничила с тихими заводями. Ловил и на перекатах. Заходил в сапогах в воду, далеко вниз по течению забрасывал блесну и, не торопясь, с легкими потяжками, вел ее против течения. И вдруг... поклевки!

Они начались почти сразу. И хватал приманку не кто иной, как троегуб. Эта смелая рыбешка стремительно бросалась на блесну, ухитрясь иногда захватывать и такую крупную приманку, как «байкал»! Немного погодя, попался и отличный жерех! Такая удача не часта, но бывает.

Иногда я менял блесну, но все же в тот день наибольший успех принес мне малый «байкал», часть трофеев попадала и на дополнительный крючок на блестящем грузиле. Хорошо клевали троегубы и тогда, когда я наживлял крючки тройников крохотными кусочками земляного червя, рыбы или просто цеплял на крючки лоскутики красной материи.

До обеда я обошел десятка полтора перекатов, поймал кроме жереха более десятка троегубов. После полудня клев прекратился. Мы приготовили чай, закусили, отдохнули, а часов с трех снова начали ловлю, и к вечеру довольно много троегубов разной величины набралось в садке.

Приятель тоже поймал достаточно, и наш спор, что лучше — поплавочная удочка или спиннинг, — решился вничью. Вечером, уже в темноте возвращаясь домой, я остановился около приоткрытой двери старичка соседа. Оттуда шел аппетитный запах жареной рыбы. Оказывается, и дедушка не остался без трофеев. Среди десятка пустяковой мелочи он поймал и двух довольно крупных троегубов.

Переселение троегубов в малые реки Узбекистана — уже свершившийся факт. На больших реках рыбки ловятся редко. Мы не располагаем пока исчерпывающими сведениями по этому вопросу, но все же предполагаем, что, скорее всего, более крупные хищники, особенно судаки и жерехи, не дают мелким видам, в частности троегубам, освоить такие водоемы, как Сырдарья.

Определить, полезен или вреден новый для Средней Азии вид рыб, можно пока лишь по немногим наблюдениям. Но уже ясно одно: в распространении троегубов сейчас установилось равновесие, и ожидать их массового и естественно вредного расселения во всех реках и озерах за счет подавления других рыб нет оснований. А для рыболовов рыбаковосел, так бойко берущая блесну, конечно, представляет спортивный интерес.

Так когда же будет брать?..

Фото Б. Рыбина

КАКАЯ КАТУШКА? ПОЧЕМУ?

В нашей стране спортсмены все более решительно переходят на безынерционные катушки, которые давно стали традиционными на прилавках рыболовных магазинов.

А какие безынерционные катушки и почему популярны за рубежом? Каковы их конструктивные особенности? Об этом просили рассказать в своих письмах многие наши читатели.

Открытая безынерционная катушка «Luxor 3100» (рис. 1) французской фирмы «Peson & Michel» за один оборот ручки наматывает метр лески. Для того чтобы проделать то же самое инерционной катушкой, потребовалось бы увеличить ее шпульку до размеров колеса детского велосипеда. Но тогда, став слишком тяжелой, она не позволила бы забросить приманку... Конечно, такая высокая скорость, какой обладает «Luxor 3100», нужна далеко не всегда. Ведь если вращать ручку этой катушки достаточно быстро, приманка буквально полетит над водой, едва касаясь ее поверхности. Этот пример весьма красноречиво говорит о возможностях открытых безынерционных катушек*

Не случайно первые страницы каталогов и рекламных проспектов фирм, выпускающих рыболовные товары, посвящены, как правило, именно им. Они представляют лицо компании. Они интересуют большинство рыболовов. Открытыми безынерционными катушками начинают свои проспекты и известная французская фирма «Mitchell». В странах Западной Европы ее практические, относительно недорогие катушки, пожалуй, наиболее популярны. Самая маленькая из них — «Mitchell 308». Она весит 210 г. Самая крупная, предназначенная для ловли в морской воде, — «Mitchell 488», весит 750 г. А всего фирма выпускает более двадцати моделей открытых безынерционных катушек.

Постоянно совершенствуя и обновляя свою продукцию, «Mitchell» по традиции оставляет неизменным ее внешний вид, хотя внешне катушки кажутся простыми, если не старомодными. Их алюминиевые корпуса анодированы всего в два, вполне будничных, цвета — черный и темно-синий. Но конструктивно изделия современные, оригинальны.

Одна из старейших моделей среднего класса — «Mitchell 300» (рис. 2). Эта хорошо зарекомендовавшая себя катушка предназначена для ловли рыбы

весом 2—3 кг в пресной воде. Ее передаточное отношение — 1:3,5, вес — 300 г.

В конструкцию шпульки введена кнопка, которая позволяет быстро и легко снять или надеть шпульку — достаточно нажать кнопку. Кстати, шпулек две: одна из алюминия — вмещает 150 м лески диаметром 0,40 мм, другая из пластмассы — 70 м диаметром 0,35 мм. Специальной гайкой регулируется сила фиксации шпульки.

Удачно выбраны пропорции шпульки. Ведь известно, что на дальность заброса влияет ее форма, главным образом высота. Заброс с высокой бобиной дальше, чем с низкой. Это и понятно: сбегая с высокой шпульки, леска уходит в глубину меньше. Количество ее уменьшается не так заметно. Трение лески в этом случае о шлифованный бортик слабее.

На дальность заброса влияет и качество намотки лески. В этом плане «Mitchell 300» почти безукоризненная катушка. Она наматывает леску ровно, виток к витку. Объясняется это тем, что полный цикл поступательно-возвратного движения (то есть вперед-назад) бобина делает за десять оборотов ручки. Это одна из наиболее характерных черт конструкции «Mitchell 300».

Опытные спиннингисты знают, что быстрее других деталей катушки изнашивается обычно ролик лесоукладывателя. Леска оставляет на нем борозды. Чтобы избежать этого, ролик 300-й модели сделали из карбида вольфрама — материала, обладающего высоким коэффициентом твердости. Ролик выполнен в виде крохотной неподвижно закрепленной в специальном полукруглой дуги пирамиды. Кстати, сама дуга вращается не по часовой стрелке, как почти у всех катушек, а против.

К достоинствам «Mitchell 300» можно отнести плавный ход и довольно высокую чувствительность. Обычно безынерционные катушки плохо передают на руку рыбака сигналы движущейся приманки и в этом смысле бесспорно уступают простейшим инерционным. Чувствительность же «Mitchell 300» вполне можно сравнить с чувствительностью инерционной катушки, хотя особой легкостью хода, присущей некоторым катушкам, она не отличается.

О качестве катушки судят по ее сборке, по наличию люфтов. В «Mitchell 300» люфтов почти нет.

* Эта статья посвящена только открытым безынерционным катушкам, потому что именно они больше всего отвечают требованиям самых взыскательных рыболовов. Закрытые модели в основном предназначены для начинающих.

Все детали пригнаны одна к другой точно. Шестерни передачи сделаны из дюралюминия, пластика, бронзы. Из бронзы изготовлен и подшипник скольжения.

Фирма «Mitchell» широко использует унифицированные детали для производства разных моделей катушек. Так, в конце 60-х годов появилась более скоростная — «Mitchell 410» (рис. 3). Внешне она — близнец предыдущей: тот же корпус, та же шпуля. Другой оказалась «начинка», к примеру игольчатые подшипники. Другим стало и передаточное отношение 1:5.

Увеличение скорости катушек — тенденция, общая для многих фирм. Если десять лет назад нормальным, средним передаточным, отношением считалось 1:3,5—1:3,75, то сейчас — 1:5. В 1978 г. фирма «Mitchell» еще увеличила скорость своих катушек, выпустив модели № 810 и 840 с передаточной 1:6.

Тот же корпус применяется и в катушках с автоматически откидывающейся дугой, к примеру в «Mitchell automatic 440» (рис. 4). Перед забросом приманки дугу не нужно отводить вниз рукой. Для того чтобы освободить леску, достаточно нажать указательным пальцем правой руки, которая держит катушку, на дугу. А в момент заброса отпустить палец. Под действием пружины дуга упадет вниз. Фирма считает, что катушками этого типа удобно пользоваться в холодную погоду, так как управляться с ними можно не снимая перчаток. Сейчас выпускаются три модели катушек этого типа: «Mitchell automatic 330» (1:3,5), «Mitchell automatic 440» (1:5), «Mitchell automatic 840» (1:6).

Для ловли крупной пресноводной и морской рыбы фирма выпускает более мощные катушки. Одна из них — «Mitchell 406». Ее передаточное отношение — 1:5, вес — 550 г. Шестерни передачи дюралюминиевые. Шпуля вмещает 200 м лески диаметром 0,5 мм. Примечательная черта модели — особая «сотовая» намотка лески — крест-накрест. Достигается она сложными, на первый взгляд асинхронными движениями шпули. «Сотовая» намотка — важный «плюс» мощной катушки, так как она не дает леске путаться.

«Mitchell 402» — еще более крупная катушка (рис. 5). Ее вес — 600 г. Ручка сделана круглой — такая форма особенно удобна при вываживании сильной рыбы. Шестерни «Mitchell 402» изготовлены из дюралюминия и бронзы. Шариковые подшипники — из высококачественной нержавеющей стали.

В самых крупных моделях, к примеру в «Mitchell 486» (рис. 6), шестерни передач изготовлены из специальной «морской» бронзы, устойчивой к воздействию соленой воды. Каждую модель катушки фирма выпускает в двух вариантах — «под правую» и «под левую руку». Номера последних моделей оканчиваются на нечетную цифру, например 301, 407, 331.

Всерьез совершенствовать открытые безынерционные катушки начала сравнительно недавно шведская фирма «ABU», которая больше известна своими мультипликаторами марки «Ambassadeur».

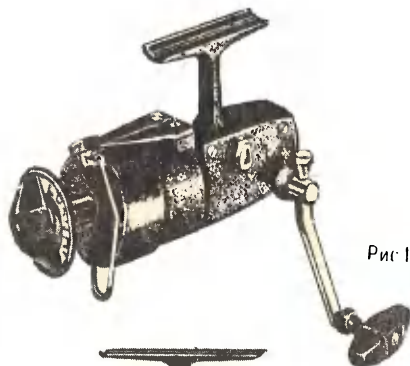
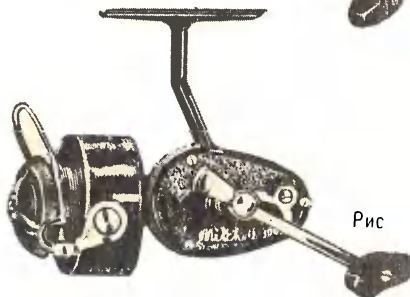

Рис 1

Рис

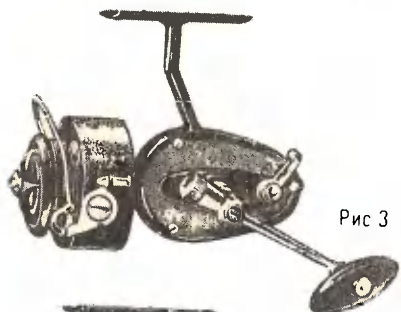

Рис 3

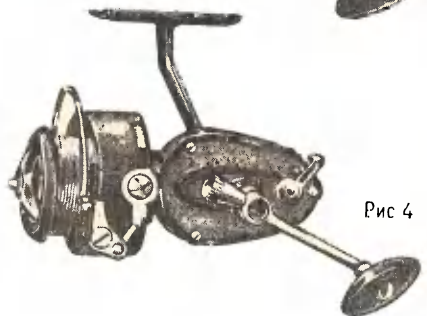

Рис 4

Серия катушек «Cardinal», состоящая из пятнадцати моделей, появилась за последние десять лет. Отличительная черта всех катушек серии — знаменитый «хвост» — контролируемый тормоз шпули (рис. 7). «Это — верх здравого смысла», — так рекламирует «ABU» свое изобретение. И, действительно, смысл в нем есть. Ибо, неудобно ослаблять или, наоборот, ту же закручивать шпулю спереди, когда мешает леска. Другая, общая для всех моделей серии «Cardinal» конструктивная особенность — червячная передача (рис. 8). «Червяк» давно стал своего рода эмблемой высокого качества катушки и ее высокой... цены.

Самая маленькая в серии — катушка «Cardinal» (рис. 9). Впервые она появилась в каталогах «ABU» два года назад. Весит эта катушка 220 г и имеет передаточное отношение 1:5,1. Ее кнопочная шпуля вмещает 130 м лески диаметром 0,25 мм. За один оборот ручки «Cardinal 3» наматывает 69 см лески. Дуга модели оборудована стальным вращающимся роликом лесоскладывателя. Корпус покрыт светло-серой эмалью, головная часть — черной.

Комбинированную окраску имеет и самая крупная из традиционных моделей серии «Cardinal 77X» (рис. 10). Корпус — темно-вишневого цвета. «Чашка» лесоскладывателя — белая. За один оборот ручки эта катушка, весящая 410 г, наматывает 92 см лески. Ее передаточное отношение — 1:5,2. Шпуля вмещает 200 м лески диаметром 0,4 мм.

Все открытые безынерционные катушки фирмы «ABU», как мелкие, так и крупные, имеют общие, характерные достоинства и недостатки. К первым следует отнести надежность, долговечность, износоустойчивость механизма, что объясняется удачной комбинацией материалов, из которых изготовлены шестерни передач. Довольно красива и отделка катушек. Но есть у них и свои «минусы»: неаккуратная намотка лески, недостаточная чувствительность, слабая тяга. Последний недостаток объясняется свойствами самой червячной передачи. Эта передача хотя и долговечна, но отнюдь не является силовой.

Желая не отстать в производстве катушек от лучших фирм, «ABU» в 1978 г. выпустила серию из трех принципиально новых моделей — № 54, 55 и 57. Прежним осталось только название «Cardinal» да червячная передача. «Эти катушки настолько высокого качества, что могут конкурировать со знаменитыми мультипликаторами «Ambassadeur», — сказано в рекламном проспекте. Показательна и «шапка» рекламы: «Все новое!» Нового, на самом деле, много, и его трудно не заметить.

Даже по внешнему виду катушки разительно отличаются от типичных для «ABU»: мощный лесоскладыватель, вытянутый корпус, окрашенный в черный цвет. Черной сделана даже ручка. Обычно так оформляют свои катушки японские фирмы.

Самая крупная и самая тихоходная в серии — катушка «Cardinal 57» (рис. 11). Ее вес — 480 г, передаточное отношение — 1:4,5, вместимость шпу-

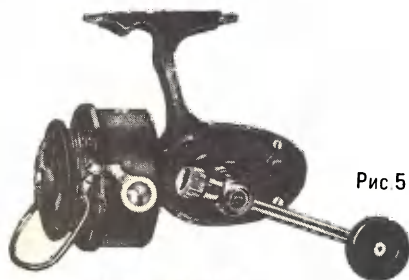

Рис. 5

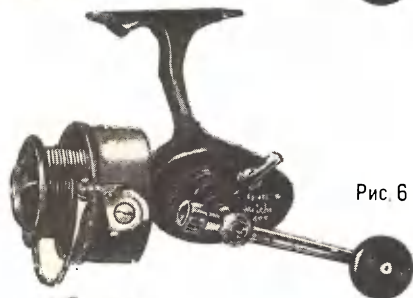

Рис. 6

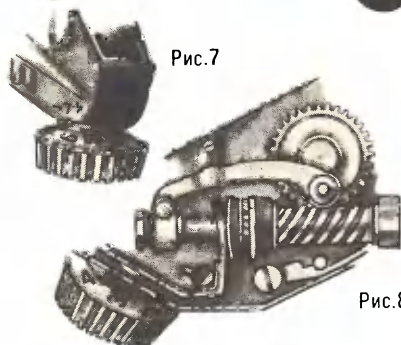

Рис. 7

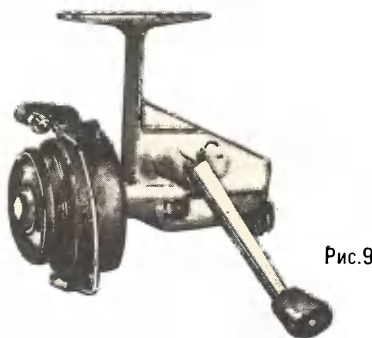

Рис. 8

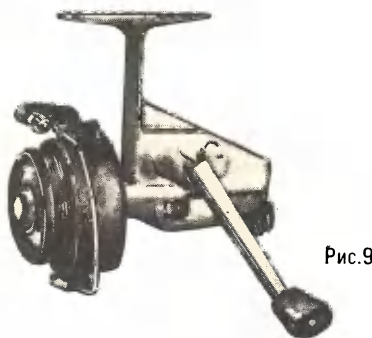

Рис. 9

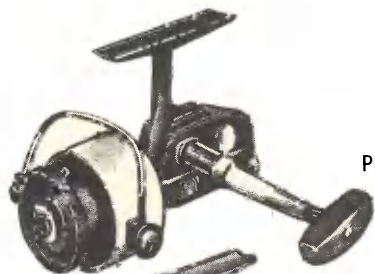

Рис.10

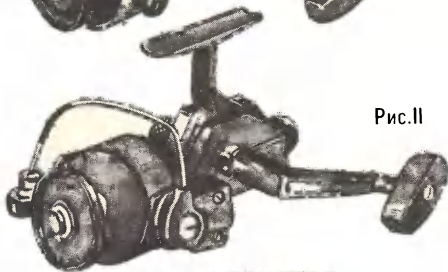

Рис.11

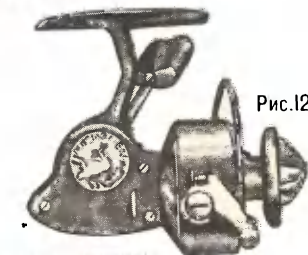

Рис.12

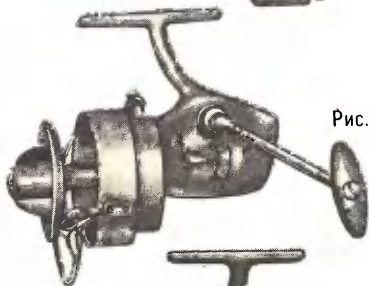

Рис.13

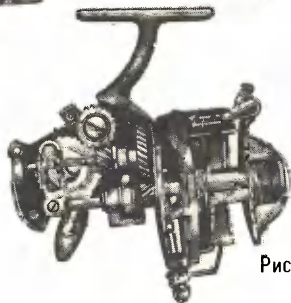

Рис.14

ли — 200 м лески диаметром 0,4 мм. За один оборот ручки катушка наматывает 76 см лески.

Впервые в этой модели «ABU» использовала шпульку с окаймляющей «юбкой», хотя сама по себе такая конструкция отнюдь не нова. Но недаром говорят, что новое — это хорошо забытое старое. И иногда есть резон его вспомнить. Во-первых, широкая «юбка» дает рыболову возможность держать палец на краю шпули и, касаясь сбегающей во время заброса лески, контролировать дальность полета приманки. Во-вторых, «юбка» представляет своеобразную ловушку для лески — исключает ее попадание внутрь лесоукладывателя.

Впервые в катушке «Cardinal 57», как и в двух других из этой серии, сделана съемная ручка. По желанию рыболова ее можно поставить «под правую» или «под левую руку». Другая важная конструктивная особенность — замедленное движение шпули (как у катушек фирмы «Mitchell»). Оно обеспечивает дополнительную шестеренкой из пластика. Новое есть и в фиксации шпули: характерный «хвост» принял горизонтальное положение, и крепится он непосредственно на ось катушки.

Катушки с червячными передачами выпускает и итальянская фирма «Alcedo». Ее эмблема — зимородок, держащий в клюве рыбку. Одна из самых маленьких в мире катушек с «червяком» — «Alcedomicron» (рис. 12). Она предназначена для тонкой лески, какой пользуются при ловле форели и другой не крупной рыбы. Но, несмотря на свой «игрушечный» вес (195 г), эта катушка обладает всеми признаками «настоящей» — достаточно высоким качеством сборки, хорошей чувствительностью и скоростью. Она вмещает 75 м лески диаметром 0,3 мм и имеет передаточное отношение 1:5. Корпус и шпулька изготовлены из алюминия и оксидированы.

Самая крупная из моделей, выпускаемых фирмой, — «Alcedo oceanic» (рис. 13). Предназначена она для ловли рыбы в морской воде. Весит «oceanic», имеющая антикоррозионное покрытие, 760 г. Лесоемкость ее шпульки — 500 м лески диаметром 0,4 мм или 250 м диаметром 0,6 мм. Передаточное отношение сравнительно небольшое (1:2,65), но чем оно меньше, тем мощнее катушка. А эта модель отличается особой мощностью, которую обеспечивают дополнительные силовые пары шестерен (рис. 14).

Сотни моделей открытых безынерционных катушек выпускают японские рыболовные фирмы. Все катушки, как правило, хорошо и броско оформлены, имеют мощное основание дуги и обтекаемый, несколько вытянутый корпус, покрытый блестящим лаком или эмалью. «Внутренности» моделей, за редким исключением, изготовлены из легких алюминиевых сплавов. Качество сборки не очень высокое, есть люфты. И леску японские катушки наматывают не всегда аккуратно. Зато они мощные, скоростные, ход их легкий и плавный. А главное — они оригинальны.

В 60-х годах фирмы «Daiwa» и «Olympic» выпустили первые модели катушек с дугой ударного

типа. И сейчас примерно 95% катушек, производимых в Японии, снабжены дугой именно такой конструкции.

Типична в этом плане «Dux 30» фирмы «Shimano» (рис. 15). Передача — 1:4,2, вес — 500 г, два шариковых подшипника. Ее дуга возвращается назад не под действием пружины, а от удара по ножке катушки. Форма ножки изменена — ножка «согнута в колене». Дуга ударного типа лишена пружины, а значит, пружина... не может сломаться. Но устранение одного недостатка конструкции часто порождает другой. Так происходит и в данном случае. Удар дуги, несмотря на смягчающие его пластиковые «щеки», передается на корпус катушки. После нескольких десятков тысяч ударов катушка «разбивается». Правда, возвращать дугу в исходное положение можно и тихо — рукой.

Снабженная «юбкой», шпулька катушки «Dux 30» выточена из алюминия. Верхняя ее кромка хорошо отполирована, что улучшает скольжение сбегающей при забросе лески.

Несмотря на ряд преимуществ, безынерционные катушки уступают своим более примитивным инерционным «собратям» в силе. Тяга, которую они способны развивать, невелика. Это создает неудобства при вываживании рыбы, когда катушка попросту перестает работать. Один из путей решения проблемы — создание двухскоростных катушек. И японские фирмы выпускают сейчас немало моделей, в которые добавлены дополнительные пары шестерен с меньшим передаточным отношением. Переключение скорости на меньшую происходит автоматически — в момент критической нагрузки.

Выпускает двухскоростные катушки и фирма «Shimano». Одна из таких моделей — «Dux auto» (рис. 16) — имеет передачи 1:4,5 и 1:2,8. На первой передаче она способна развить тяговое усилие в 10 кг. На второй — в полтора раза больше. Весит эта катушка 500 г. Она снабжена дугой ударного типа и тремя подшипниками. Ручка переставляется с одной стороны на другую.

Другое «увлечение» японских фирм — шарикоподшипники. К примеру, в катушке «Dux 60» (рис. 17) той же фирмы их четыре. Эта крупная модель с отношением 1:4,2 весит 750 г. Она имеет круглую ручку и износостойчивый ролик лесоукладывателя из керамики.

Японские изделия, пожалуй, наиболее остроумны. Но популярность катушек на мировом, и в частности на европейском, рынке определяется не только степенью оригинальности конструкций. Едва ли не более важное значение имеет качество изготовления и сборки деталей. Это обстоятельство всегда учитывает фирма «Noris Shakspeare» (филиалы ее есть во многих странах мира). С точки зрения конкуренции ее катушки серии «De luxe» предельно просты и неинтересны. Но благодаря высокому классу изготовления они обладают на редкость легким ходом и чувствительностью. В этой серии семь моделей, одна из которых «De luxe 2205» изображена на рис. 18. Она весит 250 г, вмещает 100 м лески 0,35 мм и имеет передачу 1:4,1.

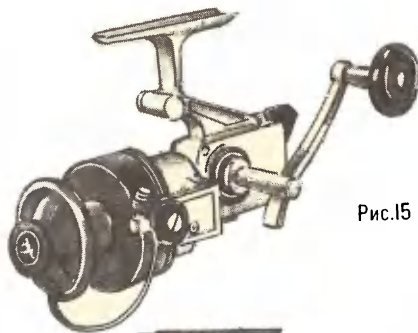

Рис.15

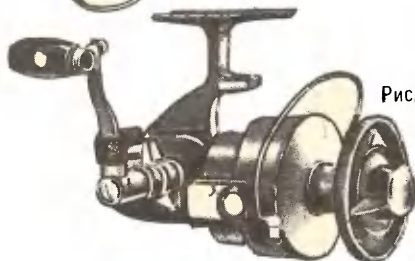

Рис.16

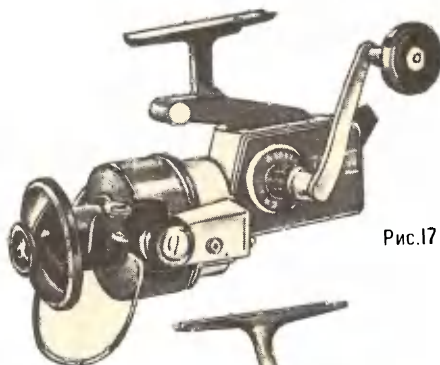

Рис.17

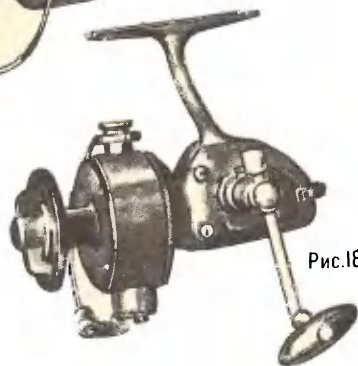

Рис.18

Рис. А. Кавабина

«Всем известно, что такое на зимней рыбалке теплая, легкая, водонепроницаемая обувь. В январские морозы хороши валенки с галошами. А как быть весной и поздней осенью, когда не только холодно, но и полно воды? Мне и моим товарищам удалось склеить удобные сапоги (рис. 1), которые надеваются на валенки, — делится своим опытом читатель В. Моренов (г. Павлово Горьковской обл.).

К глубоким (рыбацким) галошам мы сделали голенища. Сшили их из куска (1,2 м²) прорезиненного материала (в виде трубы, периметр которой равен периметру верхней части галоши). Шелковыми нитками пришили голенища к галошам и на швы, с помощью резинового клея, наложили ленточку из того же материала. В верхнюю часть голенища вдели резинки, чтобы не спадали с валенок. И перед нами оказалась пара мягких, легких, водонепроницаемых сапог.

Работа несложная, но надо знать некоторые тонкости. Во-первых, для голенища не подходит клеенка: при старении она теряет эластичность. Во-вторых, перед сшиванием предполагаемые места проклейки (голенища и галоши) надо тщательно зачистить наждачной бумагой. В-третьих, при сшивании на машинке необходимо места сшива промазать маслом. Для этого пригодно любое, даже растительное. В-четвертых, перед проклеиванием поверхности нужно тщательно обезжирить бензином.

И последнее. Обязательно сделайте резинки в верхней части голенища — эти резинки, стянув голенища, надежно предохранят валенки от попадания воды.

«Дополнительный поводок к снасти, будь то удочка или донка, порой очень нужен, но приносит много хлопот — он путается. Основная леска при забросе, а особенно при вытягивании ее из воды, вращается. Дополни-

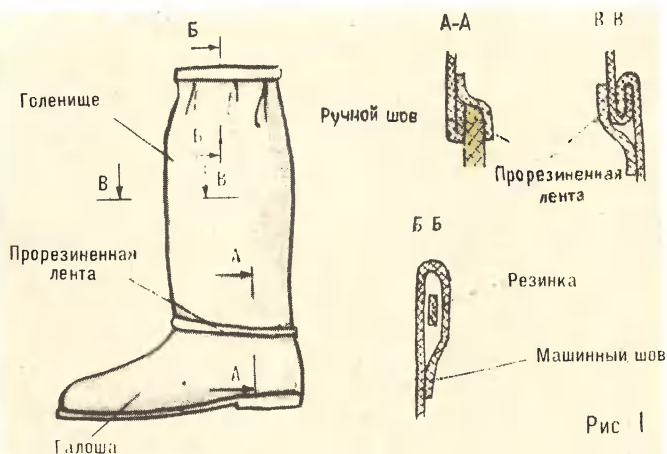

Рис. 1

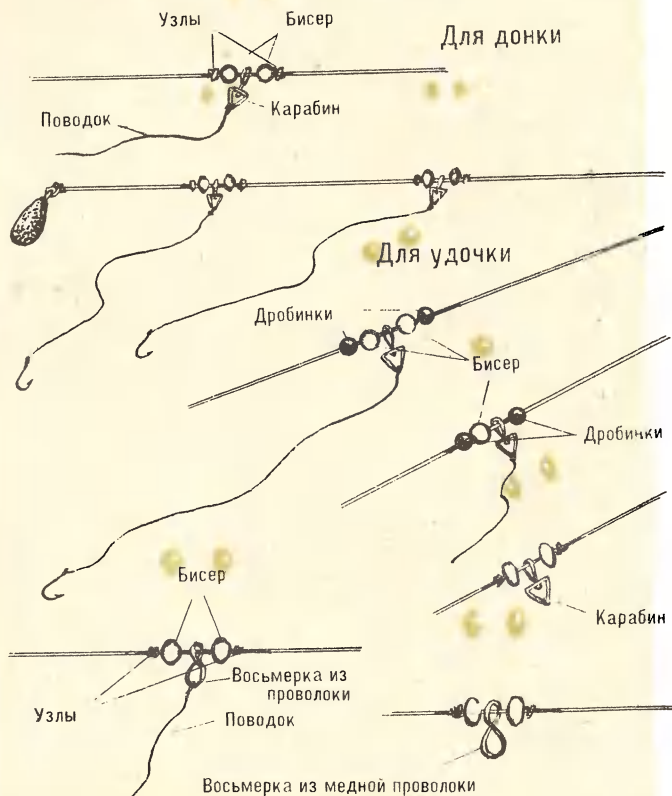

Рис. 2

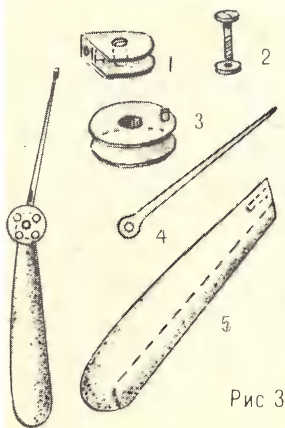

Рис. 3

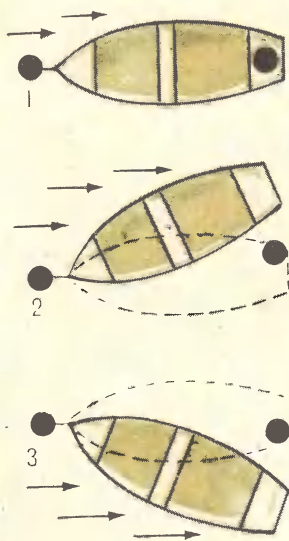

Рис. 4

Рис. 5

ные поводки при этом, как бы они ни привязывались, наматываются на основную леску.

Наживка, если она мягкая (хлеб, каша), срысается с крючка, а другая (мотыль, червь) становится недоступной для рыбы.

Чтобы не путался поводок на донке, прикрепите его, как указано на рис. 2, — советует Р. Николаев (Москва). — Таким путем можно повесить два или три поводка.

Как крепятся поводки для поплавочной удочки, тоже показано на рис. 2. Вместо карабинчиков можно поставить самодельную «восьмерку», сделанную из медной проволоки.

У такой снасти поводки не путаются и очень удобно снимаются и надеваются.

«Мне удалось сконструировать складную удочку, у которой угол между ручкой и хлыстиком можно изменять, — продолжает рыболлов Р. Николаев. — Благодаря этому, не меняя кивка, можно играть мормышкой почти любого веса.

Известно, что движение удильнику придают кистью руки. А кисть у каждого работает по-разному. Изменив угол между ручкой и хлыстиком, можно добиться, что один и тот же кивок у многих рыболовов будет работать одинаково хорошо.

Ручка удильника сделана из пенопласта, хлыстик — винипластовый, катушка — деревянная, скрепляющая их скоба — алюминиевая. После ловли кивок надо надеть «вверх ногами», и он вместе с хлыстиком уместится в пазу. Катушка крепится винтом сверху скобы.

Устройство удильника видно из рис. 3. Здесь удочка в разобранном виде: 1 — скоба, 2 — винт с гайкой для крепления катушки и хлыстика к скобе, 3 — катушка, 4 — хлыстик. На ручке 5 сбоку пунктиром показан желоб, в который входят хлыстик и кивок, сверху, тоже пунктиром, обозначено отверстие для винта, которым скоба крепится к ручке.

«Если лодка плохо закреплена, ветер и течение все время носят ее из стороны в сторону. Это отпугивает рыбу, поплавки непрерывно «гуляют». Чтобы избежать такой неприятности, некоторые удильщики увеличивают число якорей-грузов. Однако это очень неудобно, к тому же в воде образуется «забор» из веревок, который тоже отпугивает рыбу.

Вот проверенный и надежный способ, который я и мои товарищи применяем уже несколько лет, — продолжает делиться своим опытом Р. Николаев.

Если решено ловить с кормы, то сначала надо опустить носовой груз. Когда течение или ветер оттянут лодку (рис. 4, 1), надо отгresti правым веслом (рис. 4, 2) или левым (рис. 4, 3) от себя, смещая корму из первоначального положения метра на полтора. После этого опустить кормовой груз и закрепить веревку с правой или левой стороны лодки, как показано на рисунке.

В этом случае она хорошо стоит на месте — течение или ветер прижимают ее к кормовой веревке».

«Излишне доказывать, что насадка живцов на одинарный крючок — способ самый удобный, малозаметный, дающий иной раз наибольшее количество, по сравнению с другими, поклевков, — сообщает О. Можин (Киев). — Но слишком неприятны свойственные ему частые сходы подвижных живцов и срывы их хищными рыбами до заглатывания.

Происходит это обычно потому, что даже максимально отогнутая бородка крючка далеко не всегда предотвращает выскальзывание его из ноздри или тканей живца.

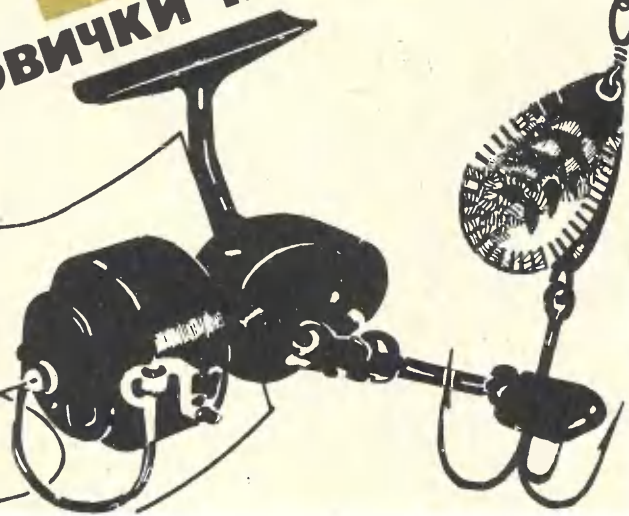
Избежать такой неприятности позволяет насаженная на крючок резиновая пластинка (рис. 5).

Поперечные размеры пластинки желательны наименьшие, позволяющие лишь удерживать ее пальцами или пинцетом, толщина около миллиметра, резина предпочтительнее наиболее эластичная.

Этот своеобразный «замок» служит довольно исправно: как ни извивается живец, пластинка не проходит через ноздрю или отверстие, образованное проколом крючка, бородка же его острием вонзается в резину и не может выскользнуть из нее».

Рис. А. Калабина

НОВИЧКИ НА ВОДОЕМЕ

ЗИМОЙ ЗА ОКУНЕМ

...Итак, решаем остановиться. Признаки говорят, что место заслуживает внимания. Река делает здесь крутой поворот, и заснеженному яру правого берега широким полукольцом противостоит большая отмель. Яр перехвачен узкой глубокой щелью. Вода упала, и лед здесь обрушился. Когда взойдет солнце, на слоистых кромках нагроможденных льдин возникнет радужная цветовая гамма.

Но сейчас нас не интересует эта зимняя экзотика. У края щели в реку выходит устье безымянного ручья. Кто знает, может быть, мы и дадим ему название, если он будет этого заслуживать...

По отмели разбросаны большие снежные конусы — это верхушки пней, затопленных осенним паводком. Сейчас они помаленьку освобождаются от ледяного плена. Еще немного упадет вода, и пни вылезут наружу, как гигантские черные грибы. Пни — верный признак того, что отмель кражистая, захлавленная.

Предположение это подтверждает и густая щетина кустов, подернутая нежной пыльной инеей. Отдельные кучки кустов далеко вытягиваются за края отмели.

Не тронута целина снежного покрова. Отштампованная полоска лыжного следа, две-три заячьи петли — вот все, что мы видим на поверхности скованного льдом водоема. Очевидно, место еще не обловлено, и нам предстоит «распечатать» его.

Утренние ощущения на льду прекрасны. Рыболов полон сил и твердо уверен в предстоящем успехе. Еще несколько минут — и обнаружится пока затаившийся охотничий азарт.

Привычным движением сбрасывается с плеч рюкзак. Быстро настраивается несложная снасть, и вот уже глухие удары пешни нарушают покой зимнего безветренного утра.

Рыболов сберегает силы, не рубит много лунок. Одна, две, три — этого уже достаточно. Первую он пробивает совсем близко от берега, метрах в трех, если он крут, и метрах в пятнадцати-двадцати, если это отмель. А если реки или залив не слишком широки, можно рубить лунки цепочкой, от одного берега к другому.

Рыболов даст свежим лункам немного отстояться, минутку-другую, не больше. Заинтересовавшийся шумом хищник может подойти после этой стукотни к месту, где его ожидают с таким нетерпением.

Подойдя к своей первой лунке, рыболов придает удильнику наклонное положение и начинает медленно опускать блесну. Постепенное сматывание лески с мотовилец или катушки — один из приемов ловли. Он поможет установить глубину, где находится рыба.

Новичок обычно торопится поскорее достичь блесной дна и поэтому будет иметь меньший успех, чем тот рыболов, который предварительно облавливает различные глубины.

Разве вам не случалось, очищая свежую лунку, выбрасывать на поверхность вместе с ледяными осколками и живых мальков? Вот доказательство того, что окунь жирует в более высоких слоях воды, а иногда у нижней кромки льда — почти под вашими ногами.

И еще — не случалось ли вам наблюдать по тонкому и прозрачному первому льду, как из речной глубины брызгает и рассыпается фонтан серебряных искр? Немедля остановитесь и пробивайте или сверлите здесь лунку! Это стая мальков спасается от преследующих ее окуней.

Кстати, окунь — хищник не из стеснительных. Не подвернется чего другого, он переходит на питание мальками своего же вида.

По свидетельству известного ихтиолога Г. В. Никольского, в озерах Западной Сибири до 80% пища окуня состоит из собственной молоди. Такое же явление и на Балхаше. Однако если хищникам предоставляются другие возможности, окунеевое самоедство кончается.

Впрочем, окунь поднимается не только за мальком. На внутренней поверхности льда, прилипавший к ней, оседает и другое съедобное, например мормыш. Такие обильные пищевые места рыба будет разыскивать и регулярно сюда наведываться.

Но тут, видимо, нет ни малька, ни мормыша. Блесна медленно уходит вглубь. Леска сдается с мотовилец постепенно — по 20—30 см. После

каждой такой подачи. рыболовов слегка встряхивает удильником.

Взмахи руки должны быть короткими и в меру резкими. В первой половине зимы, а также к весне можно делать и более сильные взмахи. А в середине зимы работают удильником гораздо «деликатнее». В глухое время быстро двигающаяся блесна может вызвать у рыбы подозрение, а иногда и отпугнуть ее.

Блесна не должна делать в воде излишне длинного броска. Вполне достаточно, если она поднимается на 25—30 см от уровня, на котором вы блесните. После каждого такого встряхивания надо соблюдать паузу в 5—7 секунд. За это время колебания блесны будут постепенно затухать. Долго держать ее без движения не стоит.

Практика показывает, что окунь хватается блесну чаще всего в момент затухания ее колебаний, когда та как бы слабо трепещет. При резком и частом встряхивании удильником можно скорее забавить, чем поймать рыбу.

Взмах удильника состоит из двух тактов — первого, более сильного (встряхивать удильником можно и несколько раз подряд), а затем короткой и быстрой подачи блесны чуть вниз (на 1—2 см). Этот второй такт, ограниченный как временем, так и глубиной подачи, часто и привлекает хищника. Кто знает, может быть, движение блесны в этот миг напоминает ему скачок рыбешки, стремящейся избежать предстоящей опасности, или удачно имитирует заболевшую рыбку?..

Последовательно облавливая лунку, рыболов останавливает блесну на разных глубинах. На каждом этапе он делает 8—10 взмахов — этого достаточно, чтобы хищник обнаружил себя.

Но это совет на случай, если рыболов разыскивает добычу в малознакомом или вообще неизвестном месте.

Иное дело, когда заранее знаешь, что здесь постоянно жирует рыба. У опытного рыболова всегда на примете известные ему места выгула хищника.

Найти такие точки на большом заснеженном водоеме, обнаружить «ходовые» лунки будет делом наблюдательности, опыта и на стойчивости, составляющих в итоге большую долю спортивной удачи.

Тут уж рыболов приходит на место с твердой уверенностью, что в течение дня окунь обязательно выйдет на кормежку и все будет решать только выдержка спортсмена.

Говорят, что вчера окунь брал только «потемному», позавчера — «чуть свет», а третьего дня — «с обеда». Поди, угадай! Впрочем, могло случиться, что он не брал ни вчера, ни позавчера. Ну что же, ваша задача заставить его брать сегодня!

Однако рыболов промерил уже около 3 м глубины в первой лунке — и все безрезультатно. Рука привычно делает нужные движения: двухтактный взмах — пауза, еще взмах — опять пауза. Она хорошо чувствует движение блесны в плотной водяной толще, упругий подъем и холостой ход ее падения, постепенное затухание колебаний.

И вдруг рыболов ощущает легкий удар. Иногда это даже и не удар, и не толчок, а лишь ощущение тяжести, которое приходит из речной глубины. Оно передается от снасти к руке, и незабываемое чувство овладевает вами.

Рука опытного удильщика реагирует на поклевку молниеносно, рефлекторно. (Оказывается, рефлексы свойственны не только окуню!)

Подсечка делается с такой же быстротой, с какой палец охотника нажимает на спусковой крючок, когда цель попадает на мушку.

Иногда рыба засекается от собственной тяжести, особенно если добыча крупна, а снасть отлажена по руке рыболова. Подсечка страшит его от схода дорогой добычи. Но подсечка — это только первый этап ловли — хотя и сладостный, но еще не решающий.

После подсечки необходимо вытащить рыбу на лед, причем быстро. За одной может последовать другая, быть может, третья. Кто знает, как велика стая, окружившая подо льдом блесну рыболова?

Быстро вытащить рыбу из лунки — тоже умение. Дело упрощается, когда хищника ловят на небольшой глубине. Рыболов, уверенный в прочности снасти, поднимает рыбу в отвес, амортизируя ее сопротивление кончиком удильника, он не ослабит лески, но и остережется ее перенапрягать, не станет тащить подсеченную рыбу рывками и на всякое сопротивление будет мягко отпускать леску в пределах той мудрой умеренности, которая приходит с практикой.

Обычно подсеченный хищник ведет себя беспокойно, когда его подтаскивают к лунке. Именно в этот момент и может произойти история с плачевным концом.

Если лед толст, снасть тонка, а рыба крупна, рыболов должен быть очень осторожным в своих действиях. Нельзя тащить рыбу, как ведро из колодца. И обязательно надо сразу же

затемнить лунку. Зимой хищник, особенно крупный, подозрительно реагирует на свет, а когда освещение по мере подтаскивания рыбы к лунке увеличивается, она начинает напрягать последние усилия.

Если рыболов оказался один и поблизости нет приятеля, который помог бы ему, нужно подскреести ногами около лунки побольше снега и забросать ее поверхностью.

И только когда рыба уменьшит сопротивление, надо осторожно ввести ее в горло лунки и свободной рукой, не ослабляя лески, не вытаскивая рыбьей головы на поверхность, подхватить ее под брюхо и выбросить наружу из густой кашицы снега и битого льда. За багорик надо браться в крайнем случае — когда рыба действительно крупна.

Если ловля происходит на глубине, вываживание несколько усложняется. Конечно, можно после подсечки перехватить леску, отбросить удильник и тащить рыбу на самой леске. Но можно сделать и по-другому. Вот один из способов.

После подсечки на большой глубине рыболов как можно быстрее поднимает удильник на высоту плеча, а под натянутую тяжестью рыбы леску подставляет левую руку. Затем концы лески он перехватывает удильником, быстро и ритмично повторяя эти движения, пока добыча не окажется на льду. Леска образует как бы ряд последовательных «восьмерок», упором для которых служит с одной стороны вытянутая рука, а с другой — удильник.

В этих случаях говорят, что рыболов «шьет». И в самом деле, он издалека напоминает человека, делающего длинные взмахи иглой.

Когда рыба будет вытащена и снята с крючка, надо следить за тем, чтобы собранная снасть не запуталась и не задержала плавного спуска блесны в лунку. Леску оставляют надежной на руку, и удильник осторожно спускают обратно в воду, постепенно освобождая «восьмерки».

Очень важно при глубинной ловле быстро извлечь крючок из пасти пойманной рыбы и так же быстро обратно послать блесну в воду. Канителиться тут нельзя: минута проволоочки — и окуни отойдут от вашей лунки!

«Голодный окунь хватается блесну широко разинутым ртом, но когда он сыт или блесна очень велика для него, то только толкает ее, как бы играя с ней, «стучит», но не попадает, а если и зацепляется за крючком, то чаще под нижнюю губу, между грудными плавниками, за брюхо, даже за хвост».

Что можно добавить к этому прекрасному описанию Л. П. Сабанеева поклевки окуня? Да, пожалуй, ничего. Сколько лет мы стремимся разгадать прихотливое настроение этого нашего «искусителя», единогласно признавая, что окунь, как никакая другая пресноводная рыба, способен приводить в тупик самых опытных и наблюдательных рыболовов.

Но раз уж такое баловство, то рыболову нужно очень внимательно следить за леской, связывающей его с подводным миром. Не начинается ли ему казаться, что в ее поведении какая-то странность? Рыболов поднял блесну, встряхнул, подал чуть вниз, задержал... И вдруг, в момент остановки, он заметил, что на какую-то долю миллиметра леска поднимается, дает еле заметный излом, морщит.

Вот тут-то и следует быстро подсечь. Раз! И снова в руке появляется ощущение тяжести, и теплая струя подступает к сердцу. Вот он, оказывается, какой искусник! Теперь он не хватается блесну с налета, а только интересуется шерстинкой, приподнимая приманку за соблазнительный хвостик, скрывающий крючок.

Бывает и иначе. Леска начинает делать слабые боковые движения, слегка пошатываться из стороны в сторону.

Рыболов уже склонен приписать эти движения ветру. Однако ветра нет, день тихий. Может быть, это обман зрения? Чего не померещится охотнику! Нет, леска действительно колеблется, какой-то невидимый подводный маятник раскачивает ее из стороны в сторону. Быть может, это течение? Но и такое предположение отпадает: при течении леска приняла бы один определенный угол.

Так в чем же все-таки дело?

А леска продолжает покачиваться: влево, вправо, интервал и опять — вправо, влево. А ну попробуем сделать резкий рывок удильником. Раз! И опять рука ощущает тяжесть. Кто-то внизу зацепился, повис на крючке. Рыболов начинает «шить». Туго идет леска, туго ложатся петли «восьмерки». Видимо, попалась добыча покрупнее. Последний взмах — и полосатый окунишка барахтается на льду. Но он вовсе не так велик, как этого можно было ожидать по сопротивлению. Он, пожалуй, даже меньше других, лежащих около лунки и уже превратившихся на холоде в причудливые розовые сухарики.

Все объясняется просто: крючок блесны не в пасти окуня, а впился в его плавник. Рыба забагрилась — вот почему она показалась та-

кой тяжелой. Рыболов тащил окуня, как пещенного кота, «поперек живота».

Опять опущена блесна, и опять та же история. Леска колеблется. Подсечка! Что-то зацепилось, но тут же сошло с крючка. А леска продолжает колебаться. Еще раз. Опять сход! А ну еще, в третий раз! И снова рыболов тащит

дочиста шерстинку? Может быть, и шерстинка целая, но аппетит его сегодня прихотлив? Он выбирает что-нибудь повкуснее; с заманчивым запахом: мотыля, кусочек навозника или подсаженный на крючок глаз своего же собрата.

Кстати сказать, ловля с подсадкой рыбьего глаза очень распространена. Приманку эту

окунишку, и снова обнаруживает, что крючок у рыбы не во рту, а в «неположенном» месте.

Почему же так странно ведет себя рыба? Как устранить эти обидные сходы? Как заставить хищника хватать блесну, а не играть с ней?

Причин здесь может быть много. Устранить их — дело опыта и смекалки рыболова. Вернее всего, хищнику перестала «нравиться» блесна, как определяют некоторые охотники. Рыболов не раз слазит в заветную коробочку и попробует переменить блесну. А может быть, и первая была хороша, но хищник ощипал

отличают не только окуни, но и судаки, а что касается ершей, то их уж наверняка не стоит баловать дефицитным мотылем. Глаз им нужен, только глаз!

А глаз можно получить от первой же рыбы, вытащенной на лед.

Однако, чтобы его вырвать, рыбу надо оглушить. Противно видеть, как некоторые вырывают глаз у живой, трепещущей рыбы. У мертвой же надо осторожно зацепить жалом крючка за плотную желтую роговицу, вытащить из орбиты глазное яблоко, выжать его пальцами и насадить на крючок, опять-таки за ро-

вицу, — эта подсадка будет прочно держаться, и хищник не так скоро собьет ее.

Иногда причиной сходов окуня оказываются... поломанное жало крючка. Отломиться оно может совершенно незаметно, особенно когда крючок глубоко вонзается в верхнюю плотную губу рыбы. И если спортсмен не смекнет вовремя осмотреть снасть и установить причину сходов, хищник, в конце концов, отойдет от лунки, и незадачливый рыболов долго будет награждать себя за невнимательность нелестными эпитетами...

Но вот рыболов проверил блесной все глубины, леска дала изгиб, — значит, блесна дошла до дна.

Как только рука перестала ощущать тяжесть блесны, надо поднять ее на 5—10 см ото дна и продолжать тщательно облавливать придонную глубину. Не исключена возможность, что в верхних слоях воды окунь находится в погоне за мальком, а около дна сменил тактику и затаился за какой-нибудь коряжкой, где и подстерегает добычу. В зависимости от поведения хищник-«уолонщик» может превратиться в хищника-«засадчика», как иногда их называют ученые.

А поклевки все нет как нет... Что же дальше?

Рискнем сделать еще попытку. Положим блесну на дно и тихонько, совсем тихонько, приподнимем ее, поставив в вертикальное положение так, чтобы она касалась крючком дна при подъеме, а при опускании снова ложилась на дно. В этом случае надо делать удильником такие слабые движения, чтобы приманка только шевелилась на грунте. Теперь она должна будет создать около себя небольшую муть, и, возможно, это привлечет хищника. Такую муть может развести какой-нибудь червяк, ползающий на дне.

Рыболов продолжает шевелить блесной: раз — поднял удильник, два — опустил, три — пошевелил. И вдруг — цоп! Вот он, оказывается, где, разбойник! Может быть, он устал гоняться за мальком, а тут червяк — пища проверенная. И схватить его легче.

Разумеется, и это предположение может оказаться неубедительным, если грунт песчаный. Какие черви зимой, да еще в песке?

В таком случае предположим, что блесна будет имитировать уже не червя, а пескаря — донного обитателя песчаных отмелей. Значит, смекалка рыболова опять помогла ему установить прием ловли.

Между прочим, обнаружить, стоит ли окунь вблизи дна, иногда не так уж трудно. Подтверж-

дается это тем, что некоторые из пойманных рыб несут на себе небольших пиявок, присосавшихся к брюху и жаберным крышкам. Бывает, что окунь извлекается из лунки с измятым глиной брюхом. Иногда его пасть набита всяким мусором, сгнившей травой. Все эти обстоятельства укажут рыболову, что хищник держится около дна, где и нужно его внимательно разыскивать.

Но поговорка «Рыба ищет где глубже» не всегда оправдывается при зимней ловле окуня. При жировке большого косяка (порой подваливает счастье напасть на такой!) рыбы покрупнее держатся наверху, как бы венчая группу, которая рыщет в поисках добычи.

И если рыболов попадет на такой косяк, он вскоре подметит: чем ближе к лунке хватает рыба, тем она крупнее. При жоре в такой стае окунь часто буквально не дает опустить блесну до дна. А около дна в это же время ловится только мелочь.

Чем выше стайка хищника отделяется ото дна, тем азартнее окуни бросаются на приманку. Поэтому, если вы нашли стаю на большой глубине, можно попытаться «поднять» окуней. Это облегчит ловлю и увеличит добычу.

На извлечение блесны, скажем, с семиметровой глубины и на обратную посылку приманки даже опытный рыболов затратит не меньше двух минут, а это очень большой срок для проходящей стаи. При трехметровой же глубине в минуту можно поймать двух рыб.

Достигнуть такого подъема стаи можно, если постепенно укорачивать лески после каждой пойманной рыбы. Укорачивать нужно сантиметров на 20—30. Если же на каком-то уровне поклевки прекратятся, надо немедленно вернуть блесну туда, где был пойман последний хищник.

Такое блеснение не только захватывает, но и упрощает технику ловли. Когда стая поднялась, рыболов должен лишь плавно довести приманку до точки окуневого жора. Встряхивать удильником уже нет необходимости. Теперь окунь сам стремится поспешить навстречу блесне, и леска, вместо того чтобы вытягиваться под тяжестью рыбы, поднимается и ослабевает. Это значит, что она уже в пасти добычи. Рыболовы в таких случаях говорят, что блесна «дальше не идет», и это, кажется, высшая похвала, которой они оценивают поведение своего любимца. Толчки, удары, хватки следуют беспрерывно, вокруг блесны форменная толкотня (как в рыболовном магазине в очереди за мотылем). В разгаре вот такой

свалки и можно зацепить самую крупную рыбу, теряющую в стае обычную осторожность. Чаще всего это самки.

Правда, подманить косячок вверх удастся не каждый раз. Бывают случаи, когда хищник упорно не желает подниматься и хватает только ту блесну, которая играет около самого дна.

Если водоем, где вы обнаружили проходной косяк окуня, велик, надо всеми способами постараться удержать рыбу на месте, подкормить ее, заинтересовать игрой блесны и по возможности постараться определить направление, по которому движется стая.

Искать рыбу зимой, в глухую пору, по глубокому снегу и толстому льду, да еще в мало-знакомом месте, — дело очень трудное. И поэтому, если уж вам повезло и вы попали на такой косяк, нельзя упускать случай. Вряд ли он представится вам еще раз в течение зимнего короткого дня.

Успех тут зависит от совершенства техники рыболова, быстроты его работы. Он возможно быстро снимает пойманную рыбу, предпочтет блесну с крючком без зазубрины, случится на леске узел — не будет его сейчас развязывать. Это можно сделать и дома, в тепле. Он пойдет, наконец, на «отчаянную жертву» — покличет приятеля, сидящего в отдалении без поклевки, и будет ловить вместе с ним из одной лунки, по очереди опуская блесну.

Совместная ловля, не дающая хищнику передышки, создаст у него впечатление, что вокруг много малька, и на какое-то время задержит косячок около «счастливой» лунки.

Если поклевки прекратились, надо искать рыбу поблизости. Может быть, стайка только сдвинулась, но далеко не отошла. Сейчас рыба не так активна, как летом. Надо искать!

Очень любопытно наблюдать издали, как движется группа рыболовов, стараясь определить ход жирующего косяка. Кстати, это не обязательно окуневый косяк, он может быть и судаковым.

Темные фигуры рыболовов на заснеженной глади водоема внезапно приходят в движение. Значит, кто-то наткнулся. Со стороны это похоже на стремительную игру, будто на гигантском стадионе спортсмены начинают гнать невидимый мяч. Они быстро снимаются с места, оббегают друг друга, молниеносно и лихорадочно «врубаются» и «всверливаются» в лед, задерживаются или короткими перебежками мчатся дальше; они то концентрируются, то разбрасываются в разные стороны. Назавтра, если за ночь не будет большой метели, мест-

ный рыболов по следам многочисленных лунок безошибочно укажет, откуда и куда прошла стая жирующей рыбы.

Бывают случаи, когда удается довольно точно установить рыбью тропу, по которой косяк двигался на жировку. Такое открытие ценно потому, что тропа эта может оказаться постоянной. Тогда можно несколько дней подряд удачно ловить.

Про человека, в совершенстве овладевшего каким-либо мастерством, говорят, что у него «золотые руки». Даже песня хорошая сложена по этому поводу. Одно удовольствие наблюдать за работой опытного мастера!

И когда рука рыболова в толстой овчинной варежке сможет без искусственного напряжения ощущать малейшие колебания блесны, придавать ей желаемое положение, предопределять ее подводный ход, тогда новичок станет достойным мастером подледного лова. А приемов ловли на блесну бесчисленное количество.

Вот хищник перестал брать около дна. Кажется, что ловля окончена. Надо сматывать удочку. Новичок сделает это быстро, желая скорее перейти на другое место. Опытный рыболов торопиться не будет. Он плавно поднимет удильник на высоту плеча и только после этого сматает на мотовильца излишек лески. Бывает, что в момент медленного подъема блесны хищник повиснет на крючке. Мы не видели, как это случилось там, в подводных сумерках. Может быть, полосатый долго рассматривал играющую блесну, но рефлекс нападения дремал в нем.

Однако, когда приманка стала удаляться из поля его зрения, рефлекс возник, и окунь бросился вслед за исчезающей блесной.

Значит, рыболов поймал окуня «на потяжку». Опять новый прием ловли. Рыболов так и делает: он опустит блесну до дна и начнет медленно вытягивать ее вверх, пока не последует поклевка.

Иногда, когда затихает клев, неожиданные результаты может дать как подъем, так и спуск блесны очень короткими слабыми толчками, от которых она будет находиться в состоянии постоянной мелкой вибрации. И это тоже даст свои результаты.

Рис. А. Блоха

ЧТО, ГДЕ, КОГДА

(об особенностях биологии и ужения некоторых рыб)

В биологии, поведении и ужении каждой рыбы есть свои, присущие только ей, особенности. Знание их помогает успеху, делает рыбалку целенаправленной, позволяет чаще ловить крупных рыб.

Сегодня мы хотим познакомить читателей с несколькими наиболее популярными у удильщиков рыбами и рассказать о некоторых секретах их ловли. Надеемся, что сведения об этих рыбах будут дополнены опытными рыболовами. Итак, разговор только начинается — ждем его продолжения в ваших письмах.

Лещ. При благоприятных условиях активный клев леща начинается спустя неделю-две после окончания нереста. Во время нереста эту ценную рыбу, как и другую, тревожить, а тем более ловить настоящий спортсмен не будет, чтобы не помешать ей спокойно выметать икру.

В июне—августе лещ ловится в течение всего дня. На утренних и вечерних зорях он может выходить кормиться на мелководье. Очень часто он выходит к прибойному берегу в сильную волну, которая обычно разыгрывается днем. Вообще, надо сказать, что во многих водохранилищах и реках пик клева этой рыбы приходится не на раннее утро или вечер, а на более поздние часы (например, между 5 и 11 часами утра). Такую особенность леща не всегда учитывают начинающие, ошибочно полагая, что он клюет только на ранних зорях. Вот почему новичкам надо почаще расспрашивать более опытных местных рыболовов о возможных путях и клеве этой рыбы.

В озерах и водохранилищах летом лещ выбирает для жировки отмели, поросшие водорослями, в которых много корма, любит подводные бровки и возвышенности (банки) среди глубин, глубокие заливы, выходы из омутов, уступы и свалы. В реках леща надо искать в глубоких плесах с тихим течением, у обрывистых берегов, в ямах, суводях (места с обратным течением). Ближе к осени лещ чаще стоит на самых глубоких местах водоемов, где остается на зимовку.

Леща порой трудно поймать без приваживания, поэтому, если есть возможность, за несколько дней до ловли полезно бросать приваду в избранное место. В таких местах рыба будет дольше стоять, и, если во время самого ужения прикармливать леща, возбуждать его аппетит, он будет клевать активнее.

Ловят леща донками и поплавочными удочками. Устройство их и техника ужения на них подробно описаны в нашей рыболовной литературе. Но все же надо особо обратить внимание рыболовов на таких два момента: крючки каких номеров лучше ставить на удочки; каким должен быть размер насадок. Крючки для донок нужны № 6—8. Рекомендую не насаживать мелкие приманки, иначе

чаще будут ловиться подлещик, плотва и густера. Червей обычно насаживают по несколько штук, катышки хлебного мякиша, теста и шарики из каши (пшенной, манной) делают величиной с лесной орех и даже с небольшую сливу. Самый крупный лещ часто берет на выползка.

На реке леща лучше ловить удочкой с пропускаемыми кольцами и катушкой. Такая снасть позволяет закинуть приманку подальше от берега и пускать ее по течению на большие расстояния. Особенно удобно ловить с катушкой, сидя в лодке.

На поплавочной удочке ставят крючки № 5—7. Поплавки на тихой воде нужны тонкие и длинные, чувствительные при любой осторожной лещевой поклевке. На течении больше подойдет поплавок веретенообразной формы с «антенной».

Лещ — рыба стайная. Стаи обычно состоят из рыб одного возраста и размера. Поэтому там, где начал клевать мелкий подлещик, обычно редко берут крупный подлещик и лещ.

Надо помнить, что при частых сходах леща с крючка, тем более если это происходит у самого дна, поклевки могут надолго прекратиться. Поэтому надо стараться, чтобы рыба не сходила с крючка, и при каждой поимке подбрасывать немного прикормки, чтобы все время держать рыбу на месте.

Лещ очень чувствителен к постороннему шуму, поэтому в местах его ужения надо соблюдать абсолютную тишину. Неосторожный удар веслом о борт лодки или топанье ногами на берегу наверняка отпугнут стаю, и она может уйти и порою не клевать в течение долгого времени.

Крупный окунь держится на глубинах, которые граничат с травой, у затопленных пней и деревьев, растущих у самого уреза воды, у мостовых свай, на каменистых грядках. Все лето, а особенно активно осенью, окунь охотится на малька на песчаных косах. На неглубоких местах его бой можно обнаружить по выплескам мальков, которые, спасаясь от атак хищника, выпрыгивают из воды. На стоянку жирующих крупных окуней могут навести чайки, которые, истошно крича, кружатся над местом жировки хищников и время от времени падают камнем с высоты, подбывая рыбешек, прижатых окунем к поверхности воды.

По открытой воде за крупным окунем часто охотятся с блесной в отвес. При отвесном блеснении с лодки на больших глубинах лучше пользоваться коротким удильником с катушкой, на которую наматывают 15—20 м лески диаметром 0,2—0,25 мм. На мелких местах водоема нужно удилище длиной 3—5 м. Оно должно быть легким, упругим и в меру прочным. Хлыстоватое или очень тонкое удилище для такого способа малопригодно. Длинным удилищем на мели можно облавливать все участки вокруг лодки (если ловят с нее), быстрее находить стоянки рыбы и свободно маневрировать блесной. На вершинку удилища неллишне прикрепить кивок — поклевки будут заметнее.

Для отвесного блеснения подойдут блесны типа «гвоздик», «малек», «плотвичка», «карасик», которые применяются также и для зимнего блеснения. «Гвоздик» — это тяжелые и узкие блесны конической формы, которые при падении и подъеме движутся быстро и почти вертикально. «Малек», «плотвичка», «карасик» имеют форму удлиненных пластинок, внутренняя сторона которых заполняется оловом. Оно сосредоточено в основном в нижней части блесны; ближе к крючку. Пробуют разные блесны и устанавливают, на какие из них и на какой глубине лучше клюет рыба. Для глубин нужны блесны с большим припоем, для мелких мест — почти без олова, планирующие в воде. Надо сказать, что найти нужную блесну и подобрать ее игру чаще всего возможно только тогда, когда есть окунь. Если он стоит в данном месте, то обычно хватает понравившуюся ему блесну. На нее и надо ловить, (некоторые типы блесен см. на рис. 1).

Во время слабого клева на крючок блесны наживляют малька, мотылей или кусочек червя. На такую приманку рыба нередко клюет более активно. Но надо знать, что всякая насадка ухудшает игру блесны.

На блесну окунь ловится не только в вечерние и утренние зори, но и днем в тех местах, где он постоянно обитает или скрывается от жары. В самую жару он часто стоит под нависшими кустами, поэтому очень полезно облавливать участки чистой воды вблизи кустов.

Поклевки окуня верные и решительные и хорошо передаются по кивку или в руку рыболова через удилище. Подсекают коротким, но сильным движением вершинки удилища вверх. Крупные экземпляры надежнее вываживать с подсачеком.

Голавль. Искать места, где кормится эта крайне пугливая и осторожная рыба, удобнее в ясный, солнечный день или утром, когда хорошо просматривается вода в реке. Чаще всего голавля можно встретить в местах под нависшими над водой деревьями и кустами, на глубинах, примыкающих к перекатам, в ямах, граничащих с водорослями, на течении с водоворотами. Утром и вечером голавль выходит на кормежку на быстрины и перекаты, к сваям старых мельниц, мостов, к плотинам.

Крупного голавля можно ловить в проводку. Для этого удобнее всего удочка с катушкой и про-

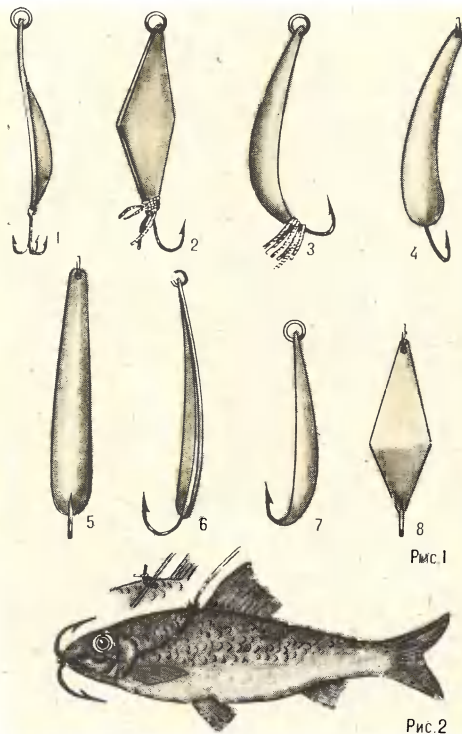

Рис. 1. Блесны для отвесного блеснения:

1 — «ленинградская»; 2, 3 — окуневые; 4 — Гешеля; 5, 6 — «луч»; 7 — «гвоздик»; 8 — «карасик»

Рис. 2. Насаживание живца:

поводок крепится ниткой, которую осторожно пропускают с помощью иголки у спинного плавника и завязывают на два узелка, захлестывая поводок

пускными кольцами. Насадку часто отпускают подальше по течению, чтобы рыба не заметила удилища, стоящего на берегу или сидящего в лодке. Даже неосторожный взмах удилищем, тень от него или рыболова могут отпугнуть голавля от места ужения.

На катушку наматывают 50—100 м лески диаметром 0,2—0,25 мм.

В мае — июне голавль хорошо берет на майского жука, который является в это время одной из самых привлекательных насадок. Жуков наживляют так: крючок (№ 7—8 с длинным цевьем) пропускают под брюшко насекомого и жало выводят наружу поближе к головке. Крылышки у жуков не отрывают, так как насекомые становятся менее подвижными, теряют свой естественный вид, к тому же на такую приманку чаще будут поклевки мелкого голавля, выбирающего насадку понежнее.

Перед тем как начать ужение, надо подбросить несколько жуков как прикормку, что помогает точнее определить, в каком месте гуляет и кормится голавль в данное время. Затем наживку пускают по течению, постепенно сматывая леску с катушки. Чтобы голавли быстрее обнаружили приманку, время от времени ее надо немного подтягивать, на себя и делать это примерно через 3—5 м проплыва насадкой. Ищут голавля в разных слоях воды, однако замечено, что чаще всего он хватает приманку, плывущую поверху. Подсекать нужно сразу же после того, как поплавок скроется под водой. Медлить с подсечкой нельзя, так как, обнаружив подвох, осторожный голавль может выбросить крючок с насадкой. Сделав подсечку, леску подматывают, стараясь не дать сильной рыбе ходу; при вываживании особенно крупных экземпляров нужен подсачек.

Ловля голавля на майских жуков может продолжаться в течение всего дня, особенно в пасмурную тихую погоду и во время небольшого дождя. Любимой приманкой для голавлей является также и стрекоза. Крупных стрекоз наживляют на крючок № 8—10 (с длинным цевьем) по одной, а мелких — по две.

Голавль — рыба стайная, поэтому, зная его стоянки и места жировок и ведя себя осторожно, маскируясь, рыболов на одном месте может иногда поймать несколько рыб.

Голавлей ловят также и донкой. На нее порой скорее можно поймать самые крупные экземпляры.

Насадку подбирают по сезону: в июне — насекомые и растительные насадки; июль—август — пескари, личинки миноги, раковые шейки; в августе—сентябре — не только живцы, но и маленькие лягушата.

Поистине одна из самых лакомых приманок для голавля — раковая шейка, на которую он в хорошем месте клюет порой в любое время дня. Видимо, как утверждают ихтиологи, рыбу очень привлекает запах рачьего мяса. Да и удильщики сами знают, что этот стойкий и специфический запах сохраняется на пальцах целыми часами. Насаживают обычно кусочки раковой шейки, освобожденной от панциря.

Донки забрасывают в места реки со средним и медленным течением, на отмели с песчаным и галечным дном, недалеко от быстрин и перекатов, выше ям. Клеует крупный голавль в основном ранним утром и поздним вечером, а в июне — июле и ночью. Заметив поклевку, обычно не спешат, немного ослабляют леску и чуть подают ее вперед, а затем резко подсекают. Ночью рыба часто подсекается сама и глубоко заглатывает насадку.

Щука. Излюбленные места обитания щуки — ямы, завалы коряг, заросли камыша и тростника, травянистые заливы; в реках хищница обычно выбирает участки с тихим течением, омута, но может встречаться и на быстрых местах; в водохранилищах держится в русле затопленных рек.

В июне—июле щуку можно поймать на живца.

В это время чаще попадаются мелкие щучки, но при хорошей подготовке и настрое поплавочной снасти, правильном выборе приманок можно поймать и хищницу посolidнее.

Удилище подбирают мощное и прочное, способное выдержать крупную рыбу. Леска нужна диаметром 0,3—0,5 мм, поплавок необходим большой, яйцевидной или грушевидной формы, который удерживает крупного живца на плаву. К концу лески обычно привязывают мягкий, гибкий металлический поплавок длиной 12—15 см. В зависимости от прочности проволоки поводок может быть из одной или нескольких тонких проволочек (крученый). Лучшее, конечно, одинарный. К поводку чаще всего привязывают тройник № 8—10. При слабом клеве ставят одинарный крючок № 10—12 с очень длинным цевьем.

Только тот живец считается хорошей приманкой, который бойко ходит на снасти, привлекая к себе хищницу. Серебряный и золотой карась, наиболее неприхотливые и живучие из озерных и прудовых рыб, больше всего подходят для ловли щук в июне—июле, когда остальные живцы быстро гибнут на снасти. Как только вода станет холоднее, можно перейти на крупного пескаря, плотиц, окуней, голавликов, ельцов, ершей. Живцов сажают не за спинку, а вводят поводок с тройником под жаберную крышку, а затем с помощью иглы и нитки осторожно прикрепляют поводок у спинного плавника (рис. 2). Вялых рыбешек надо заменять.

Взяв живца поперек, щука обычно на некоторое время останавливается, чтобы развернуть его в пасти, а затем вновь продолжает движение в сторону броска и начинает мять и заглатывать рыбку. Поэтому надо немного повременить, а потом сильно подсечь и начинать вываживать, не давая ей уйти в крепкие места. Крупных щук берут подсачеком или багориком.

Рис. А. Калабина

В ЧЕХОСЛОВАКИИ

240 тысяч удильщиков объединяют в своих рядах Чешский и Словацкий союзы рыболовов, а сколько в Чехословакии еще сотен и сотен тысяч неорганизованных любителей рыбной ловли, берущих удочку только во время отпусков и на каникулах!

В этой стране очень много водоемов, в которых водится самая разнообразная рыба — от карася до царяцы словацких вод — гаватки.

В правилах спортивного рыболовства Чехословакии говорится не только о том, когда, какими снастями и сколько рыбы можно вылавливать в день. Немало внимания уделено в них и охране рыб. Удильщики должны обязательно выпускать обратно в водоем рыб, не достигших определенных размеров. Их нужно подтаскивать к берегу аккуратно — и уж ни в коем случае не выбрасывать удильщиком на сушу. Извлекать крючок из пасти рыбы надо только с помощью экстрактора, а у некоторых видов (судака, форель), особенно восприимчивых к инфекции, эту операцию проделывать не вынимая рыб из воды.

Чтобы «маломерки» не могли глубоко заглотать приманку на форелевых водоемах, запрещается употреблять крючки ниже № 6. Если, однако, крючок оказался в жабрах или вблизи них, удильщик должен обрезать поводок и выпустить рыбку в водоем, даже если она повреждена.

В последнее время на чехословацких водоемах вводится еще одна мера, продиктованная заботой об охране рыб, — удильщикам запрещается ловить без подсачека.

Все водоемы, предназначенные для спортивного рыболовства, подразделяются на два вида — форелевые и нефорелевые. К форелевым водоемам принадлежат обычно верховья горных рек, некоторые водохранилища и озера, к нефорелевым — водохранилища, старицы, карьеры и низовья крупных равнинных рек.

Спортивное рыболовство в форелевых водоемах Чехословакии имеет очень большие ограничения, считающиеся одними из самых строгих в Европе. Для ужения здесь надо иметь

специальное разрешение, выдаваемое на определенный срок. Оно дает право ловить лососевых три дня в неделю в период с 15 апреля по 1 сентября. Перед ужением рыболов в своей регистрационной карточке должен обвести кружком дату выхода на водоем. Без такой отметки ловля лососевых считается браконьерством. Запрещается и применение насадок животного происхождения — червей, бабочек, кузнечиков, живцов. В форелевых водоемах ловят только на искусственные приманки (мушки, блесны, воблеры и мертвые рыбки) и лишь одной удочкой, которую надо обязательно держать в руке; запрещается класть ее на землю, втыкать в берег и т. д.

Улов лососевых не может превышать 3—4 рыб в день, причем длина пойманных экземпляров не должна быть меньше так называемой охранной меры, которая для радужной форели и американской палии — 23 см, ручьевой форели — 25 см, хариуса — 27 см и гаватки 65 см. Однако хищных рыб (судака, налима, угря, голавля) здесь можно ловить без ограничений: длина пойманных экземпляров не регламентируется, их ловят в любой день и в любом количестве. Но если удильщик решил ловить этих хищников — о чем в регистрационной карточке делается специальная пометка, — он обязан всех пойманных лососевых выпускать обратно в воду. А вот с хищными рыбами этого делать нельзя — запрещено.

В некоторых форелевых водоемах — водохранилищах или на участках рек, прилегающих к ним, — встречаются и карповые виды рыб (лещ, карп, плотва, лещ, подуст). Однако их можно удить лишь после того, как рыболов впишет в свою карточку дату ужения и два раза подчеркнет ее. При наличии такой отметки можно ловить до 7 кг рыбы в день, но в улове не должно быть лососевых и более двух экземпляров карпа.

Итак, в форелевых водоемах ЧССР разрешается удить всякую рыбу. Однако главный объект спортивной ловли здесь — а в большинстве горных рек и единственный — форель. Эта рыба встречается в Чехословакии почти

повсеместно, но особенно изобилует она в быстрых реках Шумавы — живописном гористом крае, расположенном на юге Чехии.

Шумава часто называют матерью Влтавы, любимейшей реки чешского народа. Образуется Влтава от слияния двух разных по характеру рек — длинной и спокойной Теплой Влтавы и короткой, но бурной Холодной Влтавы, питаемых обильными ключами и многочисленными ручьями, вытекающими из влажных горных лесов Шумавы. В этих узких стремительных ручьях очень много форели. Однако ни спиннингом, ни нахлыстом ловить ее практически невозможно: мешают крутые лесистые берега. Поэтому удят здесь в проводку легким спиннинговым удилищем с катушкой (диаметр лески 0,25 мм) на мертвую рыбку или ее хвостик. Приманку ведут по течению вблизи дна и, переходя с места на место, облавливают один участок ручья за другим. Удилище держат в правой руке, а леску — в левой. Подсекают спустя 1—3 сек. после поклевки, дергая за леску. Обычно в ручьях ловятся форели длиной 24—25 см. Более солидные экземпляры попадают в Отаву и в ее крупном притоке Отаве.

В Отаве кроме обычной форели и хариуса очень много радужной форели, которая была завезена сюда еще в конце прошлого века и удачно акклиматизирована. По внешнему виду она очень похожа на ручьевую форель, только наряду с красными пятнышками у нее много и черных, а на боках красные полосы, отливающие у самцов всеми цветами радуги. Эта «королевская» рыба красива и вкусна, но имеет очень капризный характер. Бывает, что она с необыкновенным упорством преследует добычу, но, схватив ее, тут же выбрасывает, даже не попробовав на вкус. А о приманке рыболова и говорить не приходится — форель просто не обращает на нее никакого внимания. Но, когда она все же оказывается на крючке, удильщик получает огромное удовольствие от поединка с этой сильной и бойкой рыбой, оказывающей более упорное сопротивление при вываживании, чем ручьевая форель.

Удят радужную форель преимущественно нахлыстом на мушку. На глубоком течении предпочтение отдается мокрому мушкам, так называемым нимфорыбкам. Причем ловят обычно на две такие мушки, реже — на три. И если радужная форель не плавится, приманки ведут как можно ближе к дну. Но, когда она держится у поверхности, на мелких местах удят на одну сухую мушку.

На Отаве нахлыстовики обычно ловят вза-

бродку, двигаясь против течения по фарватеру реки и забрасывая приманку к берегу, под нависшие над водой кусты и деревья, под которыми и стоит форель.

В разгар лета на мушку ловятся некрупные экземпляры этой рыбы длиной 25—30 см и весом 250—500 г. Более крупные, весом до 1 кг, особи попадаются лишь в мае—июне и ближе к осени.

Удят радужную форель и спиннингом, используя легкое пружинистое удилище длиной 1,8—1,95 м. Такое удилище оснащают легкой безынерционной катушкой с леской диаметром 0,2—0,25 мм. Приманками служат вращающиеся блесны и девоны длиной 2,5—5 см, маленькие воблеры и мертвые рыбки (гольянчики, пескаррики, гольцы, бычки-подкаменщики), насаживаемые на легкую снасточку.

Наиболее соблазнительной приманкой для форели считается голянь, которого насаживают на крючок за обе губы. Летом для лучшей сохранности голянов опытные удильщики с помощью глазной капельницы вводят в брюшную полость рыбок несколько капель формалина. Голяны от этой процедуры не только не теряют свой внешний вид, но становятся и более упругими. Во время ловли их рекомендуется хранить обсыпанными борной кислотой, завернутыми в полотняную тряпочку.

Очень успешной бывает ловля на мертвую рыбку на горных плотинах, сооруженных еще в старые времена. Таких плотин очень много на шумавских реках, особенно на Влтаве, Отаве и Йиглаве.

При ловле форели на плотинах мертвую рыбку обычно насаживают под спинной плавник и забрасывают спиннинговым удилищем (при дальних забросах на леску ставят грузило). После того как приманка коснулась дна, лесоукладыватель устанавливают в открытое положение, чтобы форель, схватив наживку, могла свободно идти с ней. Подсекают через 2—3 сек. после взятия приманки.

Таким способом нередко ловят и крупную озерную форель на некоторых чехословацких водохранилищах (Оравское, Орлицкое и другие).

Кроме радужной форели успешно ловится в верховьях шумавских рек и другая интересная в спортивном отношении рыба — американская палия. Она тоже была завезена в Чехословакию из-за океана, но распространилась здесь не так широко, как радужная форель.

Эта палия очень красива. У нее зеленоватоголубая спина, а вдоль боковой линии розова-

тые или радужные полосы. На спине, спинном плавнике и боках много мелких красных пятнышек. Рыба хорошо ловится и на мушку, и на блесну и является желанной добычей каждого удильщика. При ловле палии спиннингом делают легкие кивания удильщиком и неравномерно подматывают леску, чтобы блесна шла соблазнительнее для рыбы, как бы скачками и рывками.

Обычно удильщикам попадаются палии весом 300—400 г, но бывают и рекордные экземпляры весом до 1 кг и более.

Конечно, крупная палия, пойманная удочкой, большая удача для любого рыболова. Однако главная его мечта — дунайский лосось гаватка, обитающая лишь в некоторых словацких реках (Ваг, Попрад, Орава и другие). Ужение этой рыбы разрешено по лицензиям в ноябре — декабре, когда в горах уже лежит снег, а берега подернуты тонким ледком. Ловля гаватки — трудный, мужественный спорт, требующий от удильщика большой выносливости и выдержки.

Внешне гаватка очень похожа на своего более крупного сородича — тайменя, могучего властелина наших сибирских рек. У нее такое же грациозное брусковатое туловище, покрытое некрупной чешуей с мелкими темными пятнышками, иногда X-образной или серповидной формы, такая же, как у тайменя, приплюснутая голова с широкой пастью и крепкими зубастыми челюстями. Спина окрашена в темные или зеленовато-коричневые тона, брюхо светлого или апельсинового цвета (у самцов). Отличительные признаки гаватки — большой жировой плавник и четко выраженная боковая линия.

Эта рыба — очень прожорливый хищник. Уже с двух лет ее основной корм составляют голянки, бычки, мелкие усачи, молодь форели и хариуса, которыми питается почти круглый год, за исключением периода нереста, продолжающегося с начала февраля до конца апреля. Нерестится гаватка на быстром течении, на галечниковом грунте, выметывая крупную (до 5 мм в диаметре) икру светло-желтого цвета.

По своему характеру эта рыба — домосед и покидает свое убежище, лишь отправляясь за добычей, — ранним утром или вечером. Любит держаться в ямах с каменистым дном, у крутых берегов, за большими камнями и свалившимися в воду деревьями. Бывает, что гаватка обнаруживает себя на мелком широком плесе, где с шумом гоняется за добычей, а в ясные лунные ночи — выше или ниже места своей стоянки.

Ловят гаватку в Чехословакии спиннингом, используя прочное удище длиной 2,1—2,5 м с безынерционной катушкой, вмещающей не менее 100 м лески диаметром 0,4—0,45 мм. Поводка обычно не ставят, но иногда привязывают вольфрамовый поводок диаметром 0,3 мм. Насадкой служат мертвые или консервированные рыбки (пескарики, голянички, мелкие усачи), насаживаемые на снасточку из двух тройников № 8,5—10, а также искусственные приманки (блесны, воблеры, «мышь»). При ловле спиннингом опытные спортсмены рекомендуют забрасывать блесну выше и несколько в сторону от предполагаемой стоянки рыбы, проводя приманку поверху, если погода ясная, или вблизи дна, если пасмурно. При повышении уровня воды и наличии ледяных закраин блесну проводят вдоль берега.

Подсекают гаватку всегда сильно и резко, даже при малейшем подозрении на хватку рыбы. Причем рекомендуется делать двойную подсечку, одну за другой — пасть у этой хищницы очень крепкая, и проколоть ее крючком с одной подсечки не всегда удается.

Попавшись на крючок, гаватка скатывается вниз по течению или идет против него, стягивая с катушки не один десяток метров лески. Удильщик по возможности двигается за рыбой, чтобы удержать ее на «безопасной» дистанции. Сражается гаватка с большим ожесточением: выпрыгивает высоко из воды, бросается из стороны в сторону, ложится на дно, доставляя много волнующих моментов спиннингисту. Поэтому для успеха в поединке с этой рыбой удильщик должен обладать завидным терпением и не спешить. Лишь когда обессиленный хищник начнет заваливаться на бок, осторожно подтаскивают его к берегу и с помощью багорика вытаскивают из воды.

В словацких реках обычно ловятся гаватки весом 3—4 кг. Экземпляры покрупнее, весом 16—18 кг, попадаются очень редко.

Спортивное ужение рыбы в нефорелевых водоемах Чехословакии имеет меньшие ограничения, чем в форелевых. Ловить здесь можно на любые искусственные и естественные приманки. Исключение составляют лишь некоторые приманки животного происхождения, как, например, муравьиные яйца, запекаемая кровь, лягушки. Опарыш разрешается применять только для насадки, но не для привады.

Существуют ограничения и для некоторых видов рыб. Так, карп, сом, щука и судак считаются в нефорелевых водоемах ценными, и

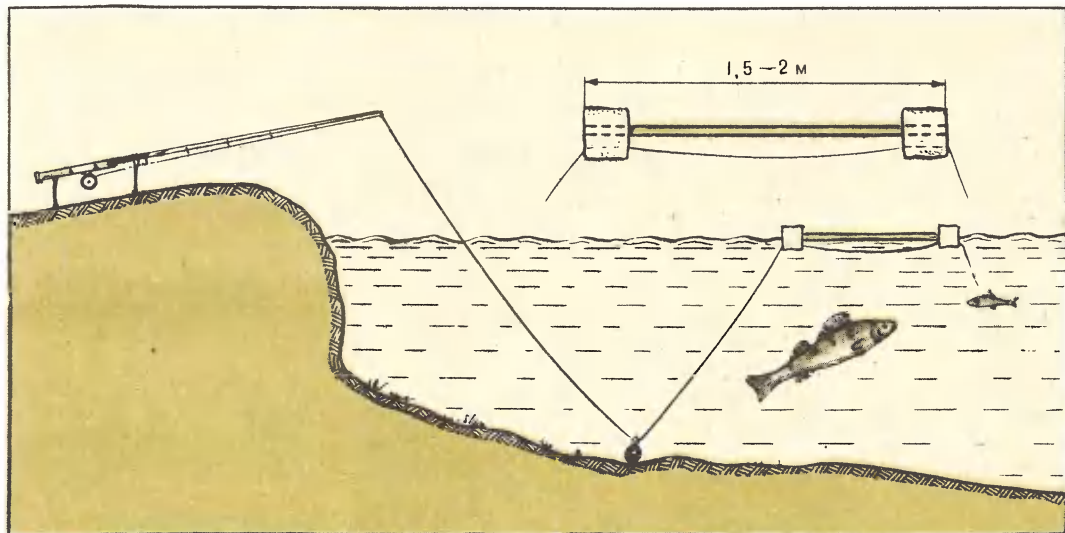
в улове не разрешается иметь более двух экземпляров этих рыб. Ловить их можно лишь на две удочки с одним поводком, если крючок двойник или тройник. Если же крючок одинарный, разрешается ловить двумя удочками с двумя поводками.

Сезон для ловли щуки, судака, жереха, сома и усача начинается на большинстве нефорелевых водосмомах 1 июля и продолжается до 31 декабря; остальных рыб можно удить круглый год. Норма рыболова — не более 7 кг в день. Если же удильщик, выловив последний экземпляр, превысил эту норму, он имеет право оставить пойманную рыбу у себя, но обязан прекратить ловлю.

В нефорелевых водосмомах все главные объек-

донное ужение «на тяжко». Этим способом ловят угря, линя, карпа, леща, сома, судака. Однако главный объект такого ужения — карп, который является и самой популярной рыбой Чехословакии: 80% удильщиков занимаются его ловлей. Неудивительно, что в этой стране все больше говорят о «карпомании», охватившей рыболовов. «Бывает, — пишет один из удильщиков в рыболовном журнале, — что рыболов, поймавший много плотвы или подуста, даже не удостоивается внимания своих коллег. Но стоит ему выловить карпа, хотя бы и в 35 см длиной, как такой счастливчик сразу приобретает авторитет настоящего специалиста».

Чехословацкие удильщики ловят карпа и других мирных рыб с весны до глубокой осени

«Бойка»

Рис. А. Калабина

ты спортивной ловли имеют ограничения на длину пойманных экземпляров. Поэтому можно ловить лишь рыбу, достигшую не менее: голавль — 25 см, карп — 35 см, усач и судак — 40 см, жерех и угорь — 45 см, щука — 50 см, сом — 70 см. Любопытно, что даже рак имеет свою «мерку», а вот окунь и плотва, как и мелкие рыбки (гольян, уклейка, ерш, пескарь и другие), ее не имеют.

В нефорелевых водах можно ловить всеми дозволенными способами и приманками — спиннингом, в проводку, донными и поплавочными удочками. Наиболее распространено здесь

на приманки растительного происхождения, главным образом на кукурузу и вареный картофель. На большинстве водохранилищ этих рыб ловят с берега двумя удочками, оснащенными двумя поводками. Удилище применяют прочное, средней жесткости, длиной 3—3,5 м, с безынерционной катушкой. Грузило обычно скользящее, но при ловле вблизи берега, при тихой погоде или попутном ветре ловят и без него. Толщина лески выбирается в зависимости от вида рыбы, которую собираются ловить, и от состояния дна. Чем больше на дне зацепов и чем крупнее ожидается добыча, тем она проч-

нее. Многие удильщики отдают предпочтение леске диаметром 0,35—0,45 мм. Однако опытные доночники ловят вблизи берега и на более тонкую леску, нередко заменяя металлическое грузило шариком из глины или пластилина. Основное достоинство таких грузил в том, что, зацепившись за какой-либо подводный предмет, они легко спадают с лески и предотвращают снасть от обрыва.

Грузила из глины или пластилина делают обычно скользящими, для чего плотно обжатый в руке комочек проводят несколько раз по леске. К сожалению, при ловле вдали от берега, когда приходится забрасывать насадку на 25 и более метров, такое грузило спадает с лески еще в воздухе, при забросе. Поэтому без обычного свинцового грузила здесь уже не обойтись.

Удилище кладут на держатель и наблюдают за сигнализатором поклевки, который подвешивается к леске между первым и вторым пропускными кольцами. Такой сигнализатор часто представляет собой белое пластмассовое кольцо. Перед забросом оно с помощью зажима крепится к удилищу и не препятствует прохождению лески через пропускные кольца. При поклевке крупная рыба вытягивает леску, сигнализатор приподнимается и ударяет по удилищу, издавая глухой звук.

Из оригинальных способов ловли хищных рыб, очень популярных в Чехословакии, заслуживает внимания ужение «на бойку» (см. рисунок). «Бойка» — это тонкий деревянный стержень длиной 1,5—2 м, с пенопластовыми или пробковыми поплавками, насаженными на его концы. В этих поплавках, нередко окрашиваемых в оранжевый цвет для лучшей видимости, имеются прорези для закрепления лески. В комплект оснастки «бойки» входят также тяжелое, весом 100—200 г, скользящее грузило, маленький грузик для насадки и удилище с катушкой, вмещающей 100 м лески диаметром 0,45—0,5 мм. Ловят этим способом преимущественно сомов и судаков на живца (вьюн, уклей, плотва), реже удят на другие приманки (медведка, выползок). Спуск делают 0,5—1 м, но не более длины «бойки».

Техника ужения с этим приспособлением проста. Рыболов, собрав снасть, выгребает в лодке на заранее выбранное место, насаживает приманку (живец — под спинной плавник) и опускает в воду сначала скользящее грузило, а потом и «бойку» вместе с насадкой. Затем он возвращается на берег, подматывает катушкой леску, выбирая слаbinу, кладет удилище на держатель и начинает наблюдать за

«бойкой», время от времени проверяя живца.

При хватке рыбы «бойка» начинает двигаться по поверхности или приподнимается одним концом над водой, в зависимости от того, закреплена ли леска прочно в обеих прорезях или только в одной из них. Однако в любом случае подскают резко и незамедлительно, иначе хищник выбросит живца.

Этим способом удят на мелководьях, вдали от берегов и только в водохранилищах. В реках же сомов и судаков ловят преимущественно донками и спиннингом. В Словакии, на Дунае, в низовьях Вага и Грона успешно удят крупных сомов и на так называемую «шибеничку». Способ широко применяется словацкими рыбаками в тех местах, где вблизи берега имеются большие глубины, а течение быстрее.

Снасть для такой ловли состоит из прочного удилища (длиной 3—3,5 м) и надежной катушки с леской диаметром 0,35—0,4 мм. Поплавка и грузила не ставят. Удилище кладут на держатель под углом 45—50° к поверхности воды. Приманку (крупный живец) насаживают под спинной плавник и сдают с катушки столько лески, чтобы она плавала поверху.

Некоторые чехословацкие удильщики ловят хищных рыб и нахлыстом на стример. Для такого ужения применяют «мокрый» шнур, позволяющий забрасывать легкую, 1—7 г, приманку на большие расстояния. После заброса мушке дают возможность погрузиться в придонные слои и ведут ее толчками вблизи дна, как и при ловле спиннингом.

Зимой лучшие результаты дает ужение окуня спиннингом на блесну или живца, а также обычной удочкой на мормышку с добавкой мотыля. И хотя подледная ловля в Чехословакии запрещена и зимой ловят только по открытой воде с берега или с лодок, все большее число чехословацких рыбаков не прячут удилища в чехлы с наступлением «мертвого» сезона и продолжают заниматься своим любимейшим видом спорта. К тому же зима в этой стране мягкая, ледостав наступает обычно в январе, а бывает, что некоторые реки не замерзают или покрываются льдом лишь местами, на участках со слабым течением.

В начале декабря, когда реки свободны ото льда, чаще ловят с лодок на так называемую «звездачку», используя легкое удилище с катушкой. При этой ловле насадку забрасывают в разных направлениях и ведут ее по течению вблизи дна, наблюдая за поплавком. «Нашупав» стоянку рыбы, удят на одном месте с прикормкой до прекращения клева. Затем

мнут другую стаю подуста, плотвы или леща.

Не менее интересна и зимняя ловля поплавочной удочкой с берега, приобретающая в Чехословакии все большую популярность. При этом способе обычно применяют удильще длиной 4,5—6 м, оснащенное легкой катушкой. Леска — тонкая (диаметром 0,15 мм), с еще более тонким поводком — 0,1—0,12 мм. Крючок № 2,5—3. Для насадки применяют «универсальную» приманку — хлебную корку, на которую клюют подуст, лещ, густера, плотва, голавль. Бывает, что на корочку попадают и необычные трофеи — карп, линь, форель, хариус. И хотя случаи поимки этих рыб зимой единичны, зато сколько волнений и радости доставляют они удильщику!

Опытные поплавочники рекомендуют ловить на самый верхний, наиболее твердый, слой хлебной корки, толщиной примерно 2 мм, который аккуратно срезают ножом и режут сначала на полоски шириной 3 мм, а затем на кусочки (для насадки) размером 2 × 3 × 3 мм. Перед ловлей корочки выдерживают некоторое время в воде до набухания. Они быстро тонут после заброса и неплохо держатся на крючке.

Хлеб — наиболее распространенная зимняя насадка для ловли белой рыбы, но не единственная. Успешно ловят чехословацкие удильщики и на опарыш, который покупают в рыболовных магазинах или заготавливают сами осенью. На него обычно хорошо клюют подуст и плотва. Удят этих рыб и на другую приманку — личинку жука-долгоносика, добываемую из семян репейника или стеблей чертополоха.

Для зимней ловли голавлей лучшей приманкой считаются птичьи потроха (гусиные, куриные или утиные). На крючок обычно насаживают кусочек потрохов длиной 3—5 см, оставляя свободным кончик длиной не более сантиметра (жало крючка рекомендуется выводить наружу). Если у рыболова нет этой уловистой насадки, достаточно выпотрошить первую же пойманную рыбу. На ее внутренности, как утверждают опытные чехословацкие удильщики, голавль тоже берет неплохо.

Некоторые рыболовы советуют насаживать потроха (внутренности) очень осторожно, чтобы не выпустить их содержимое. В противном случае, говорят они, клев будет хуже. Другие это оспаривают. Но одно не вызывает разногласий — содержимое потрохов хорошо приманивает голавлей к месту ловли, и не случайно потроха часто используются и для прикормки.

Только в этом случае потроха, перед тем как бросать в воду, режут на мелкие кусочки.

Какие нефорелевые водоемы Чехословакии наиболее привлекательны для удильщиков? На каких из них стоило бы побывать и нашим рыболовам, приезжающим в эту страну?

Из водохранилищ, которых в Чехословакии более 90, очень интересна Липненская плотина — Липненско-Здрж — крупнейшее рукотворное море Чехословакии. Расположено оно на верхней Влтаве среди живописных лесистых берегов, с которых открываются прекрасные виды на пограничные и внутренние хребты Шумавы. Здесь много кемпингов, домов отдыха, гостиниц, рыболовно-спортивных баз.

Липненское водохранилище — одно из самых рыбных в стране. Когда-то, лет десять назад, удильщики называли его «щучьим раем». Однако со временем, не без помощи рыболовов, щуки там поубавилось. Зато развелось много судака, окуня, карпа, леща, густеры.

Особенно притягательны для удильщиков злешние судаки, достигающие 10—12 кг веса. Ловят этих рыб донными удочками и спиннингом на живца и мертвую рыбку. Наиболее успешно бывает ужение спиннингом, когда судак поднимается в верхние слои воды, чтобы поохотиться за рыбешкой. Держится же эта рыба в местах бывших построек и там, где водохранилище переходит в реку. Впрочем, здесь хорошо клюет и другая рыба. А ниже плотины можно поудить нахлыстом форель и хариуса.

На Влтаве у древнего городка Орлик находится и второе по величине водохранилище Чехии — Орлишкое. Его площадь 2600 га, максимальная длина 68 км. Это довольно узкий, глубокий водоем, расположенный среди крутых лесистых берегов, частично включает в себя и крупные притоки Влтавы — Лужницу (7 км) и Отаву (20 км).

На Орлицкой плотине очень много очаровательных уголков для отдыха и рыбной ловли, для занятий водным туризмом. На этом водоеме особенно много угря, карпа, окуня, сома и леща. Но наибольшей известностью пользуются орлицкие сомы, достигающие иногда 50 кг. Ловят великанов донными удочками, спиннингом и на «бойку».

Врановская плотина — старейшее рукотворное море Чехословакии, сооруженное еще в тридцатых годах. Расположено оно в живописной долине реки Дьи, вблизи границы с Австрией. Его водное зеркало протянулось в длину более чем на 30 км.

В водохранилище водится много всякой рыбы, но наибольший интерес представляют врановские сомы. Ведь здесь вылавливали гигантов весом 70 и даже 80 кг. Но удильщики говорят, что это не предел. В глубоких омутах, уверяют они, таятся хищники весом до 100 кг.

В водохранилище Розкош нет сомов, но оно привлекательно для удильщиков своими крупными карпами и линями. Расположен этот небольшой водоем на севере Чехии, вблизи города Градец Кралове. В этом водохранилище очень много прибрежных отмелей, густо поросших подводной растительностью, что создало благоприятные условия для жировки там карпов и линей и их быстрого роста. Не случайно почти ежегодно здесь вылавливаются рекордные экземпляры этих рыб.

Из словацких водохранилищ наибольший интерес для удильщиков представляет Оравское — самый крупный водоем в республике (3500 га). Он находится на северо-западе Словакии, недалеко от границы с Польшей, и соединяет воды двух очень рыбных рек — Белой и Черной Оравы. Особенно богато рыбой устье Белой Оравы, где в изобилии водятся подуст, елец и усач. Многочислен и угорь, но его ловля на водохранилище не пользуется популярностью. А вот ужение озерной форели, которая достигает здесь солидных размеров, имеет большой успех у рыболовов. Очень много и крупной щуки, судака, карпа и окуня. Неудивительно, что удильщики называют этот водоем «рыболовным раем» Словакии.

До Оравского водохранилища можно доехать из Братиславы рейсовым автобусом за несколько часов. Однако и вблизи словацкой столицы немало хороших мест для рыбалки. Здесь и Дунай, распадающийся ниже города на бесчисленные протоки и рукава (Малый Дунай), и его крупнейшие притоки — Ваг и Морава, и многочисленные старицы и пруды.

К сожалению, воды Дуная в черте города загрязнены, поэтому все большую популярность у братиславских удильщиков приобрело ужение в старицах, которых особенно много в нижнем течении Моравы. Основные обитатели этих водоемов — карась и линь, — но нередко там встречаются и карп, щука, плотва, окунь.

Конечно, жители Братиславы имеют большие возможности для рыбной ловли, и неудивительно, что в этом городе самая многочисленная рыболовная организация в стране. Однако немало удильщиков и в столице Чехословакии Праге. Пражские рыболовы ловят на Влтаве,

на ее крупнейших притоках — Бороунке и Сазаве, на влтавских водохранилищах.

Очень популярна среди удильщиков Сазавы. Эта река впадает во Влтаву в 30 км южнее Праги. Ее живописные берега, чистые и быстрые воды привлекают летом тысячи пражан. Здесь ловят в основном карпа, леща, плотву, голавля, щуку.

Славится Сазавы своими голавлями. Почти ежегодно регистрируются рекордные уловы этих рыб — экземпляры весом до 3 кг и выше.

Особую радость доставляют голавли пражским любителям нахлыста. Ведь вблизи чехословацкой столицы нет форелевых водоемов, и эти рыбы являются для них главным объектом ловли.

Удят нахлыстом на Сазаве обычно в конце весны, в начале лета, когда над водой появляются много насекомых. Наиболее успешное ужение бывает вечером, когда голавль «плавится», причем на течении уловистей «мокрая» мушка, а в тихих местах «сухая». Однако всегда отдают предпочтение более крупным мушкам, на которые рыба берет лучше, чем на мелкие.

Не менее интересно и ужение голавля поплавочной удочкой на черешню (ягода должна быть спелой, но не слишком мягкой). Ловят на нее обязательно с привадой. Приваживать рекомендуется не менее 2—3 дней, после чего, говорят бывалые рыболовы, даже бульканье упавших в воду ягод будет привлекать рыбу и вызывать ее аппетит.

Некоторые удильщики ловят на черешню и в подкидку, маскируясь в прибрежной растительности, за деревьями. При такой охоте насадку подбрасывают прямо к носу голавля, наблюдая, словно на экране телевизора, волнующий момент хватки.

Эту рыбу удят не только на Сазаве, но и на Бороунке, в которой много и другой рыбы. Наилучшие места для ужения находятся вблизи впадения этой реки во Влтаву. В среднем же течении Бороунка сильно загрязнена отходами промышленных предприятий.

Пражские рыболовы — большие любители и зимней ловли. Влтава в окрестностях Праги не замерзает, и здесь удят и на «звездчатку», и поплавочными удочками с берега в течение всего «мертвого» сезона. Главные объекты такой ловли — плотва, лещ, подуст. В последнее время все большую популярность приобретает и зимнее ужение окуня. Лучшие места для его ловли находятся в 40 км южнее Праги, на влтавском водохранилище Слапи.

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ

Везде свои хитрости

Первый помощник капитана доверительно сказал мне, что лучший рыболов на судне — боцман. — Он предупрежден, что вечером к нему придет корреспондент газеты «Латвийский моряк». Это все, что я мог сделать. Остальное будет зависеть от вас.

А теплый октябрьский вечер уже наступил. Мы стояли на якоре в порту Ливорно, довольно близко от берега. Причал для нашего огромного лайнера должен был освободиться лишь к утру.

К боцману нужно было идти на две палубы вниз. Мы договорились, что я приду в пять. Будем ловить кефаль на мякиш белого хлеба. Снасть, которую любезно предложил коллега, с первой минуты не вызвала никакого уважения к себе. Груз от самодура, который под ударами молотка принял форму четырехгранника. По всей длине пробиты четыре отверстия, по два с каждой стороны. В них пропущены отрезки лески с крючками, после чего по свинцу было нанесено еще несколько ударов, чтобы поводки не двигались в своих отверстиях. К верхней части грузила была привязана основная леска, ведущая к короткому удильнику с большой катушкой.

Ровно в пять утра я постучал в каюту боцмана. Он уже был одет. Мы спустились еще палубой ниже и вскоре оказались у большого иллюминатора. Боцман отвинтил барашки, отвернул влево тяжелый стеклянный круг в металлической раме. Из иллюминатора дохнуло свежестью моря. Стало слышно, как мелкая волна бьет в обшивку. Над нашими головами горела переносная лампочка. Наживив крючки маленькими хлебными шариками, мы высунули наружу руки с удочками. Увлекаемая грузом, моя леска быстро побежала вниз. Глубина была большая, метров пятьдесят. По инструкции боцмана, когда груз ляжет на грунт и леска ослабнет, нужно ее натянуть, а затем, плавно подняв на полметра, мягко опустить. И так несколько раз, пока не клонет.

Нет ничего хуже недоверия к делу, которым ты занят. Наверное, кефаль это «чувствовала» и за три с половиной часа ни разу не подошла к моей снасти. Боцман же за это время вытащил пять мерных болшеголовых серебристых красавиц, которые, как и их черноморские сестры, чем-то напоминали голавлей, только были, если это выражение можно применять к рыбе, более изящными.

Боцман не подтрунивал надо мной, но и не жалел меня. Когда мы свернули удочки, он сказал:

— Вам надо в порту, в рыболовном магазине, купить золотой шар. На него пойдет лучше. Я ловил в Одессе, пока не оторвал.

Золотой шар? Меня заинтриговало это название казалось заимствованное из какой-то сказки. Однако наступивший день был так плотно набит туристскими мероприятиями, что на портовую набережную, где находилось несколько маленьких магазинчиков, я смог вырваться лишь после ужина. Со мной на берег напросилась одна туристка, рижская учительница, которой муж строго-настрого приказал купить крючков. На все покупки у нас остался час.

Первый же встречный на берегу итальянец охотно довел нас до магазина «Ла песка». Это слово, обозначающее в переводе на русский «рыбная ловля», я выучил еще в первый свой приезд в Италию, лет десять назад.

Хозяйкой маленькой лавчонки, заваленной разными разностями, оказалась толстая пожилая синьора. Про золотой шар спрашивать не пришлось: он висел позади хозяйки на стене, между зелеными ластами и мотками белого шнура. Он был похож на шары, которыми до войны украшали спинки кроватей. Но те были никелированные, большие, а этот — из тонкой пластмассы, анодированной, спящей глаза золотой поверхностью. Шар был полый, имел два отверстия вверх и вниз, в которые свободно входил палец; бегал между двумя пластмассовыми крестообразными ограничителями на полуметровом отрезке лески. К ней были привязаны карабины с замочками. Верхний, видимо, служил для крепления основной лески, нижний — для грузила. Самой любопытной деталью этой снасти была проволочная шлейка, «обнимавшая» верхнюю половину шара. На ней держались три коротких поводка с крючками, расположенными по окружности так, что ни при каком повороте шара не могли перехлестнуться.

Снасть показалась мне громоздкой для наших мест, и я возвратил ее хозяйке без особого сожаления. Однако, вернувшись в каюту, сделал на всякий случай рисунок по памяти (рис. 1).

Побывал я и во Флоренции, где приобрел одну штуку, о которой стоит рассказать.

Поначалу я принял ее за фаберовскую резинку — диск. Такими резинками удобно стирать отдельные буквы в машинописной строке. Но это была не резинка, а розовый мелкозернистый точильный камень, абразивный диск толщину со спичку (рис. 2). И что самое удивительное — предназначен он был для точки крючков с внутренней стороны.

Не удивляться я не мог.

Дело в том, что все авторы рыболовных книг советуют затупивший крючок точить с внешней стороны. Я долгие годы поступал именно так. После каждой точки кончик становился короче, хуже «работал» при подсечке, срывы рыбы, естественно, случались чаще, и, в конце концов, с хорошим вроде бы крючком приходилось расставаться. Я подумал: а почему бы не затачивать крючок с внутренней стороны? Кроме более долгой сохранности длины острия была и еще одна причина для такого решения. Посмотрите на только что купленные крючки через лупу, и вы увидите, что на многих из них, в том числе и на знаменитых норвежских («мустадовских»), с внутренней стороны жала после штамповки остаются «заусенцы». Это же можно заметить и на наших киевских крючках (рис. 3).

...Выходя из флорентийской лавчонки, я вспомнил о том, какая интересная вещь попала мне однажды в Лимасоле (Кипр). В одном из рыболовных магазинов я увидел несколько целлофановых пакетиков. В каждом, приколотый к картонке, находился короткий, сантиметра полтора, отрезок блестящей проволоки. На нем, — снизу и сверху — два голубых пластмассовых хомутика. И больше ничего! Я попросил один пакетик. На картонке стояла надпись «Эврика». По рисунку на обороте я понял, что держу в руке очень простое и остроумное крепление для дополнительного поводка (рис. 4). Хомутики надеваются на основную леску удочки — неважно какой, донной или поплавочной, — затем в нижний хомутик вставляется конец проволоки, сверху по ней протаскивается петля поводка, затем закрепляется верхний хомутик.

Очень просто. Но надежно ли? Я высказал свои сомнения хозяину. Он сделал успокоительный жест и на обрывке лески тут же продемонстрировал, как все это делается. Я потянул за поводок. Действительно, держалось крепко.

Я отложил для себя два пакетика и спросил, нет ли еще какой-нибудь хитрой штуки наподобие этой? Оказалось, что под стеклом, тут же, лежали и другие пакетик. В каждом находилось коромыслице для двойного поводка — тонкая стальная плетеная проволока, укрепленная на маленьком карабине (рис. 5). Я прибавил к первым пакетикам два коромыслица, расплатился и вышел.

На судне друзья-моряки, узнав, сколько я заплатил, рассмеялись.

— Тебя здорово облопошили. За что было платить такие деньги?

— За хитрости, — спокойно ответил я.

Но, пожалуй, самую интересную рыбацкую хитрость я узнал на острове Мальта, где был в туристской поездке вместе с женой. Ее специальность — английская филология, и надо сказать, что знание языка очень пригодились нам на Мальте.

...Это произошло на второй день нашего пребывания на острове. Гуляя в ожидании обеда, мы присели на скамейку по соседству с рестораном на каменном выступе, уходившем в воду довольно

отлого. Надо заметить, что для берегов Мальты более характерны скалы, падающие в воду отвесно.

В нескольких шагах перед нами сидел рыболов с обычной телескопической удочкой: привычная унылая фигура — мишень для карикатуристов, словом, ничего интересного. Но я на всякий случай подошел посмотреть, что за рыба ловится поплавочной удочкой в Средиземном море?

Я приблизился в тот момент, когда мальтиец что-то подсек. На крючке трепыхалось нечто вроде розовой улейки с голубыми плавниками.

«Видно, тот еще «рыболов», — иронически подумал я. А жена, жалостливая женщина, уже спрашивала по-английски, какая рыба ловится и куда он денет ту бедную крошку, которую снял с крючка?

Мальтиец ответил, что со дна берет довольно крупная рыба, а поплавочной удочкой он ловит мелочь для кошки.

Со дна? Но где же донка? Ничего похожего поблизости не было. Лишь с левой стороны от рыболова, у самых его ног, торчали три темных деревянных колышка, укрепленных в расщелине отбеленных солнцем и морем камней. К каждому колышку, правда, была крепко привязана довольно толстая леска, но она уходила в воду совершенно свободно, вздрагивая в такт накату слабой прибойной волны.

Что и есть донки? — спросил я.

— Да, — кратко ответил рыболов. Насадив кусочек мидии на крошечный крючок поплавочной удочки, он сделал новый заброс.

Прошло минут десять. Мы любовались морем. Вдруг наш знакомец произнес какое-то междометие, нечто среднее между «о!» и «э!», указывая левой рукой вперед. Я увидел, что метрах в десяти от берега из воды, как дядька Черномор, вылез и закачался на поверхности полосатый черно-белый, объемистый поплавок. Мальтиец взял одну из лесок и принялся ее выбирать. Поплавок дрогнул, потонул, вновь показался, вновь потонул и так двигался, постепенно приближаясь к берегу. О том, что леска пропущена через центр почти по всей длине полавка, я узнал, когда мальтиец последним движением выбросил на камни довольно крупную, с килограмм, безобразную рыбу, желто-коричневую, с большой головой, похожую на черноморского ерша. Поплавок лежал и подпрыгивал рядом в такт ее судорожным движениям.

Я, не новичок в рыбалке, довольно быстро сообразил, что передо мной один из неизвестных вариантов ловли способом «лифт-корк» — всплывающий поплавок. Способ, неоднократно описанный зарубежными авторами, но редко применяющийся рыболовами из-за сложности настройки снасти.

Однако при чем тут донка? И почему именно донка? Этого я понять пока не мог. Нужно было осмотреть снасть. Мальтиец любезно разрешил. Держа в руке довольно объемистое изделие из бальсового дерева, пластмассы и металла, я пытался ухватить в конструкции главное. Сама донка была с большим грузом, с одним поводком сантиметрах в сорока от него. А поплавок в своей нижней части

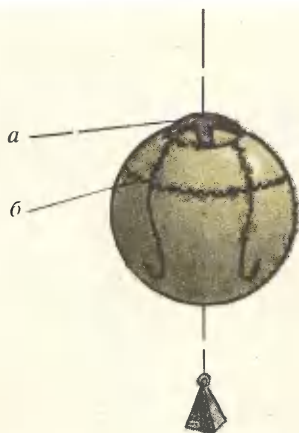

Рис. 1

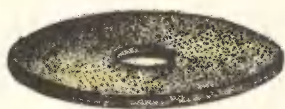

Рис. 2

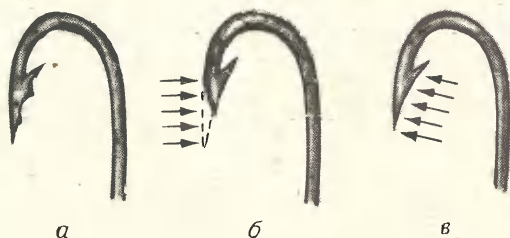

Рис. 3

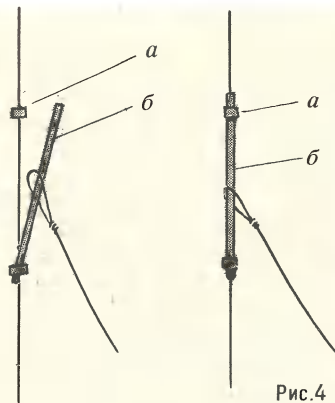

Рис. 4

Рис. 5

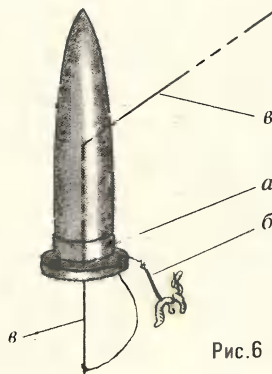

Рис. 6

Рис. 1. «Золотой шар»:

а — пластмассовая крестовина, плотно насаженная на леску;
б — шлейка из проволоки, закрепленная за внутреннюю сторону
шара

Рис. 2. Брусочек

Рис. 3. Заточка крючков:

а — необработанный крючок с дефектами штамповки; б — ре-
зультаты заточки с внешней стороны жала; в — результат
заточки жала с внутренней стороны

Рис. 4. Крепление поводка:

а — хомутики (можно из изоляционной оболочки); б — отрезок
жесткой нержавеющей проволоки диаметром 1 мм

Рис. 5. Коромыслище для двух поводков из тонкой, свитой
вдвое проволоки:

а — карабинчик,

Рис. 6. Поплавок Прозоровского:

а — обрезанная и просверленная полиэтиленовая пробка; б — за-
веденный в прицел крючок; в — основная леска

был обжат металлическим кольцом. В нем сделан расщеп. Мальтиец показал, что в этот расщеп зажимается поводок. Теперь стало ясно: пока поводок зажат в кольце, вся система составляет единое целое. При забросе поплавок тонул, увлекаемый тяжелым грузом. Но стоило рыбе, клонув, выдернуть поводок из расщела, поплавок немедленно всплывал.

А зачем все это нужно? Почему не воспользоваться обычной донкой? И тут наш знакомец объяснил, что на дне моря лежит сплошной ковер длинноволокнистых водорослей. Если забросить простую донку, даже на пять крючков, — все они потонут, скрывшись в этой толще, и крупная рыба, которая ходит над ковром зарослей, наживку попросту не увидит. А при варианте «лифт-корк» в гущу водорослей зарывается лишь груз (на отрезке лески соответственно найденной длины), поплавок же с зажатым в нем крючком лежит на зеленом ковре.

И тут я подумал: а ведь такой штукой можно с успехом пользоваться на наших озерах! Ведь мы из-за этих самых водорослей на дне, в которых живут лишь одни крошечные ершишки, мучаемся, забрасывая удочкой с катушкой на много метров тяжеленный скользящий поплавок, лишь бы крючок с наживкой висел над водорослями, а не зарывался в них.

Рисовать поплавок, по форме и объему напоминавший кулак подростка, не имело смысла. А принцип я запомнил хорошо.

Как только я вернулся в Ригу, в первый же свободный день принялся мастерить этот поплавок. Я вырезал его из хорошего, плотного пенопласта, сделав толщиной в палец и придав ему форму сигары, леску пропустил через центр, начиная со второй трети, чтобы, поднявшись из воды, поплавок не валился набок, оттягиваемый леской. Я взял пробку от стеклянной трубочки из-под валидола, укоротил ее больше чем наполовину, нагретым гвоздем проделал в ней отверстие, расширив его так, что остались только стенки да бортик. В это отверстие туго, на клею, вставил нижнюю часть поплавка. Затем пропарафинил его, посадил на леску, к которой заранее, недалеко от груза, привязал крючок на коротком поводке, сделал бритвой в бортике прорезь-расщеп (вот почему нужна пробка с бортиком), воткнул в него поводок... Попробовал потянуть — держится хорошо и вытаскивается легко. Все в порядке! Можно ехать на озеро.

Но на озере новый поплавок «не пошел». Соединенный с поводком, он тонул, как положено, но почему-то не всплывал, хотя при проверке червяки оказывались склеванными. Я прицепил возле крючка дробинку на поводке, чтобы легче выдергивался, ничего не изменилось!

Я долго ломал голову, пока не понял: ведь у нас вода гораздо меньшей плотности, чем в Средиземном море (там она такая соленая, что после купания приходится идти под душ), да и рыба совсем не та. В море хищник храбро тянет сразу, а наш лещ, сосет, сосет, наколется и — все, бросил.

Чтобы проверить свое предположение, я насадил на крючок малька. Мой товарищ, наблюдавший за моими мучениями, иронически заметил:

— Ничего не получится. «Поплавок Прозоровского» нуждается в доводке... Требуется вмешательство специалиста-инженера.

Не успел он сказать все это, как поплавок вдалеке всплыл. На крючке сидел здоровенный окунь. Так что я смело могу предложить любителям поплавков собственной конструкции, сделанный по «мальтийским мотивам» (рис. 6). Конечно, его можно (и даже нужно) улучшить, но, безусловно, сама идея такого поплавка — интересна.

«Мармышка давай!»

Заканчивая свои заметки, не могу не сказать об одном комическом эпизоде, который наполнил мое рыбацкое сердце гордостью. Стучилось это в Пирее, который, как известно, является морскими воротами греческой столицы. Дело было уже к вечеру. Лил дождь. На портовой набережной зажглись первые огни. Судно готовилось к перешвартовке. Узнав, на какой причал нас поставят, я и начальник рации Слава отпросились на берег. Подняв капюшоны легких плащей, мы под колючим холодным дождем помчались к огонькам лавчонок. Нашли лавчонок с рыболовными принадлежностями. Она была длинной, полутемной и такой узкой, что покупатели могли входить туда только гуськом. В самом дальнем конце, облокотившись на прилавок, стоял хозяин — пожилой колоритный грек.

Нас интересовали крючки мелких номеров. Мы обратились к хозяину по-английски. Он не понимал.

По немецки тоже.

Спросил по-русски:

— Крючки есть? Рыбу ловить?

Не отвечая, хозяин скрылся в какую-то дверь, незамеченную нами на первых порах, и вскоре вышел оттуда в сопровождении огромного детины совершенно пиратской внешности: черная борода, серьга в ухе и цветастая рубаха, распахнутая на груди. Дитина нырнул куда-то под прилавок, достал несколько коробочек с крючками и высыпал образцы на бумажку. Мы только было нагнулись, чтобы выбрать подходящие, но дитина накрыл крючки огромной ручищей, обратил к нам свое страшное лицо и прорычал:

— Давай, мармышка! Мармышка давай!

Как оказалось впоследствии, в Греции (а может быть, не только в Греции) русская мармышка котируется у любителей так же высоко, как у нас, к примеру, норвежские крючки.

Не скрою, узнать об этом было очень приятно!

—Марафон рыбной ловли длительностью 401 час преодолел Гюнтер Альбринк (ФРГ). Этим самым он установил новый мировой рекорд в подобного рода состязаниях, — сообщает западногерманский журнал «Blinker». — Согласно условиям, рыболов имел право каждую ночь заснуть только 2 часа. Он выловил свыше 3 центнеров рыбы, которая была возвращена в водоем; в качестве приманки было использовано около 7 кг мотыля.

* * *

—Рыбу ловить надо головой — такой вывод мог сделать француз Бернард Вернон после своеобразной рыбалки, — пишет западногерманский журнал «Deutscher Angelsport». — Отдыхая на берегу речки, он решил искупаться и прямо с берега головой вперед прыгнул в воду. Но так неудачно, что ударился головой о что-то жесткое. Это оказалась крупная семга. Ошеломленная, она крутилась на месте, и «рыболову» не составило трудностей схватить ее и вынести на берег.

*

Большие надежды японских рыболовов связаны с развивающимися морскими питомниками по выращиванию тунцов. В экспериментальном центре рыбного хозяйства университета г. Осака проводятся опыты по искусственному выращиванию средиземноморского тунца. За пять лет рыбы достигли длины 1,7 м и веса около 80 кг. Икру тунцов запланировано собирать в единственном известном естественном нерестилище вблизи северных берегов Сицилии (журнал «Deutscher Angelsport»)

*

—В университете штата Пенсильвания (США), — сообщается в журнале «Blinker», — студенты могут освоить навыки ужения. Под руководством профессора Джо Хамфри на одном курсе они осваивают такие разделы, как ловля форели нахлыстом, энтомология, поведение рыб при питании, вязка мушек, техника забросов, биология рыб и другие. На следующем курсе студенты изучают практику ловли спиннингом, нахлыстом и другими способами.

О том, что красная шерстинка, бусинка или кембрик «возбуждают аппетит» рыб, известно так же хорошо, как и о том, что алый плащ тореадора приводит в ярость быка. Тем не менее многие фирмы Западной Европы, США и Японии оснащают тройники своих блесен желтым и даже зеленым кембриком. В эти же цвета бывают окрашены и синтетические креветки, крабы, черви. Почему?

Самый «аппетитный» цвет оказывается самым «нестойким»: красные лучи, которые входят в состав солнечного (белого) света, обладают наименьшей энергией и не проникают в толщу воды. Во время спусков в батисфере американский естествоиспытатель Уильям Биб обнаружил, что уже на глубине 6 м красные лучи поглощаются почти полностью, а на отметке 15 м красные предметы кажутся темно-каштановыми. Оранжевый цвет исчезает на глубине 45 м, желтый — 90. Зеленый почти полностью поглощается на глубине 105 м.

Ойну из самых дальних и долгих поездок на рыбалку совершили Боб Хевитт и братья Мартин и Андрей Кларк. Свое предприятие они назвали «трансмировой рыболовной экспедицией».

Отправившись из Дувра (Англия) в специально снаряженном автомобиле марки «Land Rover», они достигли самых неизвестных среди рыболовов рек и озер. Поиски рыболовного Эльдorado велись в Индии, Африке, Южной Америке. Смелчаки встретились с такими могучими рыбами, как нильский окунь и арапайма, с несколькими разновидностями барракуды и другими экзотическими обитателями вод. А кроме того, рекламировали продукцию фирмы, которая организовала и финансировала «рыболовное турне».

О рыбаках часто говорят, что они любят прибавить лишку, особенно, когда рассказывают о собственных уловах. Венгерскому пенсионеру Ференцу Тоту нет нужды преувеличивать: в Тиссе, недалеко от деревушки Миндсенти, он поймал двухметрового сома. Весил речной исполин 72 кг.

Среди тех, кого можно отнести к рекордсменам — житель Финляндии Пааво Кулменен. Его лосось весил 18 кг. На счету американца Дж. А. Лонадиера — нильский окунь весом ни много ни мало в 113,4 кг, пойманный в Эфиопии.

Эрик Бранстрем из Швеции поймал огромного хариуса на 2,9 кг.

В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

Природа Северной Монголии ошеломляет впервые попадающих в эти края людей. По сложившемуся, видимо, еще со школы представлению, Монголия — это сплошная пустыня, ну в лучшем случае степь, выжигаемая непрерывно палящим солнцем. Может быть, поэтому сопки и невысокие горы, сплошь поросшие смешанным лесом, великолепные луга с бесчисленными стадами скота в долинах, море цветов (особенно весной) и хрустальной прозрачности реки, речки и ручьи приводят в восторг даже самых спокойных людей. Ну а если добавить, что в большинстве водоемов водится множество прекрасной и самой разнообразной рыбы, то нетрудно себе представить, какие чувства обуревают любого любителя рыбалки, попадающего в эту «землю обетованную».

В течение нескольких лет я трижды приезжал в Монголию работать и часто бывал в районе рек Селенга и Орхон. И, конечно, в выходные дни я и мои товарищи отправлялись на рыбалку. Впечатлениями от этих поездок мне и хочется поделиться. Но прежде расскажу о том, как в Монголии охраняют рыбные запасы.

Сразу должен заметить, что еще перед въездом в страну вас предупреждают о соблюдении правил рыболовства. В Монголии очень эффективно действует рыбнадзор, хотя штатных инспекторов совсем немного. Кстати, в рыбнадзор здесь часто привлекают в качестве общественных инспекторов и советских специалистов.

Теперь о правилах рыболовства. Перед выездом на ловлю необходимо получить в инспекции так называемый бичик — разрешение, которое выдается на день, неделю или месяц за определенную сумму денег. Так, недельный бичик на одного человека стоит около 4 рублей. Норма суточного вылова рыбы — 10 кг. Часто на месте ужения (а бичик выдается на точно определенное место, по желанию рыболова) проверяли у нас наличие бичика пастухи, пасшие скот неподалеку, или даже шофера, проезжавшие мимо по дороге. Если ловят без разрешения (а такое, к сожалению, случается), то информация о нарушении поступает в рыбнадзор и нарушитель платит солидный штраф.

Такая забота о сохранении рыбных запасов в МНР на первый взгляд удивительна: ведь в силу издревле сложившихся традиций монголы не ловят и не едят рыбу. Но, во-первых, молодежь уже начинает употреблять рыбу в пищу и монгольских детей часто можно увидеть теперь с удочкой, а во-вторых, забота о рыбных запасах входит в программу охраны окружающей среды.

Все вместе взятое — и национальные традиции, и малонаселенность страны, и эффективный надзор за рыболовством — поддерживает большое количество рыбы в водоемах. Однако, к сожалению, надо отметить, что в водоемах, находящихся в промышленных районах, таких, как Улан-Батор, Дархан, Эрдэнэт, количество рыбы резко сократилось. Аналогичная ситуация и в районах активного земледелия. Видимо, это связано с недостаточной очисткой промышленных вод и влиянием химизации сельского хозяйства.

Таймень, щука, хариус, ленок, окунь, сазан, чебак, налим — вот наиболее распространенные виды рыб монгольских водоемов и, естественно, самые популярные у рыболовов.

Множество рыбы обеспечивает здесь улов практически в любое время, ну а тонкая, хорошо сбалансированная снасть, терпение и сноровка позволяют поймать особенно ценные экземпляры, воспоминания о которых остаются на всю жизнь.

Самый большой таймень

В первый приезд в МНР на меня обрушились невероятные рассказы рыболовов о гигантских тайменях. Эти рассказы подкреплялись фотографиями, а также необычайно впечатляющими головами тайменей, развешанными в комнатах удачливых удильщиков. Я работал и в Сибири, и на Урале, ловил тайменей весом 5—7 кг, но великанов — никогда. С огромным нетерпением ждал я окончания запрета на рыбную ловлю в связи с нерестом. Наконец запрет кончился, и наши гидрологи сообщили, что вода в реке Орхон начала светлеть, а это необходимое условие удачной рыбалки.

В первую же субботу я с двумя опытными рыболовами отправляюсь за тайменем. Всю дорогу об этом только и разговоры, но когда подъезжаем к реке, то начинается дождь, и вода ну просто, как кофе. Настроение сразу падает. Со спиннингом делать нечего, и, наловив с трудом десятка два чебаков, закидываем донки на живца. С наступлением темноты немного половили спиннингом на «мышь». Но ни у кого ни поклевки, мало того — ни одного тайменского всплеска. Удрученные, ложимся спать; дождь не заканчивается, и надежды на утро мало.

Тем не менее уже около пяти мы на ногах. Темно, донки не проверяем — сдерживаем себя: хорошей рыбы нет все равно, лишь налимов полно.

Пока вскипятили чай, позавтракали, начало светать. Яма, в которой поставили донки, длиной

метров пятьдесят, так что для ловли на блесну донки надо убрать. На первых двух снастях сидят налимь, каждый около килограмма, на следующих — ленки такого же размера. Последняя донка на самом краю ямы. Иду ее вытаскивать, а мои товарищи отправляются за спиннингами. Вытаскиваю потихоньку донку, чувствую: что-то есть, но не крупное. Когда до берега остается метров пять, под тонким слоем воды вижу какую-то странную «рожу» и хвост сбоку. Ташу энергичней, и в этот момент раздается могучий всплеск, из воды вылетает полуметровый таймень, с грохотом падает в воду и, сделав еще два или три прыжка, исчезает в глубине, а на берегу лежит двухкилограммовый ленок, проглотивший моего живца. Еще не понимая, в чем дело, поднимаю рыбу — поперек туловища ленка две кровавые полосы! Теперь все ясно: и почему таймень так спокойно шел к берегу и почему он ушел. Я вырвал у него добычу изо рта. Дома мы смерили расстояние между рядами зубов на ленке — 22 см!

Век живи — век учись

При ловле спиннингом получаешь большое удовольствие обычно лишь при поимке крупной рыбы, а это, даже в Монголии, бывает достаточно редко. Зато при охоте с удочкой за хариусом испытываешь спортивный азарт всегда. Надо сказать, что в бассейне рек Орхон и Селенга хариуса чрезвычайно много, особенно в мелких ручейках. Хариус в основном некрупный, до 500 г, но до чего же это прекрасная рыба — стремительная, осторожная и изумительно красивая.

Однажды мы приехали на один безымянный ручеек, впадающий в Орхон. В Орхоне вода была мутная, и блесну рыба на брала, так что мы отправились по ручью. Время было посленерестовое, и, по общему мнению, рыба должна была быть в верховьях, куда все и отправились. Пройдя вместе с товарищами метров 800, я решил выше не ходить (уж слишком много народу прошло туда), остановился и стал ловить, медленно спускаясь к Орхону. Поймав несколько мелких хариусов, подошел к месту впадения ручья в Орхон. Здесь ручей разливался достаточно широко, глубина около метра. Делаю заброс (я ловил с поплавком в проводку) — поклевка и после непродолжительной борьбы — обрыв. Меняю поводок и ставлю леску диаметром 0,25 мм. Следующий заброс — поклевка и опять обрыв. Толще лески у меня нет, только 0,7 мм на спиннинге. Еще после нескольких обрывов обнаруживаю большую корягу, за которую рыба все время запутывает леску и рвет. Вытащить корягу из воды не могу, жаль, но приходится уходить с этого места. (После этого случая я поставил на удочку леску диаметром 0,4 мм и всегда носил с собой поводки разной толщины.) Единственное, что мне оставалось, попробовать половить в Орхоне. Куда идти — вверх или вниз? Решаю пойти вниз, тем более что не надо переходить ручей.

Пройдя метров десять, нахожу удобное место:

огромные камни у берега, а за ними сильное течение и глубина около двух метров. При первом же забросе поклевка, и после долгого вываживания (здесь мне помогала катушка) подвожу к берегу и беру рукой огромного хариуса, не менее килограмма. Черная с фиолетовым горбатая рыба с огромным, очень красивым спинным плавником, ну прямо как перо у павлина. Кладу трофей в сумку и делаю заброс. Хариус приятно похлопывает меня по боку. Снова поклевка, и снова такая же рыба. Затем небольшой перерыв, опять поклевка и, несмотря на все мои старания, — обрыв! Затем еще обрыв. И лишь с третьего раза подвожу к камням крупного ленка — килограмма на четыре, но взять его не могу — уходит прямо из рук. Так вот кто рвет леску! Да, такая рыба не для моей удочки. Привязываю поплавок и крючок к толстой спиннинговой леске — ни единой потычки. Забрасываю снова удочку — поклевка следует незамедлительно! Вот вам и мутная вода, вот и цена уверениям, что рыба в Монголии все равно какой толщины леска! Еще, наверное, около часа ловил я на этом месте. И в самом конце, перед уходом, мне удалось обмануть еще одного ленка, но на этот раз не такого большого — около 2 кг.

Когда мы встретились у машины, то оказалось, что все с рыбой, но таких крупных экземпляров, как у меня, не было ни у кого.

Интересно, что буквально через неделю мы приехали на то же место. Конечно, все опять бросились на Орхон. Я сразу пошел на «свое» место, а остальные — вверх. Рыба клевала у меня хорошо, но ничего похожего на прежние экземпляры уже не было. Тогда я решил подняться вверх к товарищам, посмотреть, как у них дела. И что же: на этот раз было все наоборот — они ловили «мою» рыбу, но уже вверх по реке. Вот и угадай!

Королева монгольских рек

Если таймень — признанный король монгольских рек, то коронование щуки на королевский трон может показаться странным. Но орхонская щука — и это мнение не только мое, но и всех тех, кто ловил и ел эту рыбу, — вполне заслуживает такого титула.

Многие считают, что щука — рыба простая в ловле, не сильная, не пугливая, да и не вкусная. Что касается некрупной щуки, то, может быть, это и верно (кроме вкусовых качеств), но крупная...

Однажды мы долго и безуспешно охотились за тайменем в огромной яме на Орхоне, где совсем недавно ловили довольно удачно. Отчаявшись, взялись за удочки и стали ловить чебаков.

Поймав маленького чебачка, я насадил его на простейшую импровизированную снасточку и забросил. Вода была прозрачная, и, подводя снасточку к берегу, я увидел медленно двигающуюся за ней тень. От неожиданности я замедлил подмотку, и в то же мгновение щука (а это была она) схватила приманку. Рывок был настолько силен, что рукоятки катушки били меня по пальцам. С трудом

затормозив, я начал подмотку с некоторым недоумением и небрежностью — щука, она ведь слабая!.. Эта рыба сразу развеяла все мои представления о «щучьих возможностях». Она выпрыгивала из воды, делая такие свечи, каких я никогда не видел у тайменя, кидалась и по течению, и против, сама неслась к берегу, а потом рывком разворачивалась и неслась вглубь. Затем, утомленная, она довольно спокойно пошла к берегу, но, увидев меня, снова начала борьбу с прежней силой. Когда наконец рыба оказалась на берегу, я был изумлен не менее чем она сама.

Это была первая моя щука, пойманная в Орхоне, но далеко не последняя. Могу сказать только, что ни одна из них не сдавалась без борьбы, в то время как даже таймень частенько вываживался легко, особенно если после подсечки он бросался против течения и не догадывался развернуться.

Ну а уж когда та щука была сварена (она была около метра длиной), то единственно с чем можно было сравнить ее жирное нежное светло-кремовое мясо, так это с осетриной. Мне приходилось ловить крупных щук в Якутии и на нашем Севере, «характер» у них такой же, но вкус совсем не тот. Недаром, наверное, в некоторых подмосковных водоемах, как мне рассказывали, решили разводить монгольскую щуку.

Обычное место ловли щук — это так называемые затоки, тихие, часто заросшие речной растительностью заливы. Кроме щук в этих затоках часто попадаетея окунь, да таких размеров, что нам, московским рыбакам, приученным к уже нию «матросиков», и представить трудно. Поимка окуня весом 1,5–2 кг — рядовой случай, нередко 3-килограммовые и более крупные экземпляры. Какую радость при этом испытывают рыбаки, нетрудно представить. Жаль только, что крупный окунь практически никогда не попадает на удочку, а лишь на блесну и на донки. Кстати, довольно часто окунь клюет здесь на крупного кузнечика, что многих из нас совершенно поразило.

Понемногу о разном

Часто мы ловили на озерах сазана, не очень крупного, до 2—3 кг не более, но всегда успешно. Ездили и на небольшие ручейки, расположенные поблизости от нашего жилья. Крупной рыбы в таких ручейках почти нет, но эта рыбалка имеет свою прелесть. В таких узких мелких ручейках рыба очень осторожна и удильщик должен проявить большое терпение и сноровку, чтобы вернуться с уловом. Именно тут удастся наблюдать, как интересно ведут себя хариусы и ленки. Часто, забрасывая наживку в абсолютно прозрачную воду, где видна буквально каждая песчинка, каждый камушек, вдруг замечаешь, как прямо на глазах на пустом месте возникает рыба, хватая насадку и моментально выплывает ее, заметив неосторожное движение рыбака.

Иногда, идя по берегу ручья, можно увидеть в яме стоящую стаю рыбы. Подкравшись, осто-

рожно забрасываешь насадку, поклевка следует сразу. Если при этом напролом вытащить одну-две рыбы, то клев прекращается. Однако если после подсечки осторожно вывести добычу ниже по течению и там вытащить на берег, то иной раз из одной ямы удастся поймать несколько рыб.

Очень увлекательна «игра» ленка с ярко окрашенным поплавком при ловле в проводку. Поплавок проплывает мимо куста, камня или коряги, вдруг с шумом на поверхность выпрыгивает рыба и заглатывает поплавок. Мне не раз хотелось вывести ленка на поплавок, но удавалось только подвести рыбу к берегу.

Однажды я ловил рыбу на ручье, сплошь заросшем кустарником по обоим берегам, где ветви кустарников нависали над водой. Рыба совершенно не клевала, но зато все время плескалась. Осмотрев ветку, я обнаружил, что многие листочки свернуты трубочкой, а в середине сидит гусеница. Насадив гусеницу на крючок, я ожидал немедленной поклевки, но мои надежды не оправдались. Тогда я насадил листочек целиком, и рыба стала клевать как бешеная. Затем я просто свернул пустой листочек и забросил — рыба продолжала клевать. Нужно отметить, что при такой ловле приходилось подсекать молниеносно, в самый момент поклевки, иначе рыба или выплывала насадку или плохо подсекалась.

...Каждый раз, возвращаясь в Москву, я был уверен, что теперь уж подмосковная рыбалка потеряет для меня свою привлекательность. Однако проходило время, и я отправлялся на рыбалку и с удовольствием ловил даже «матросиков» и «подъершиков». Видимо, для истинного любителя рыбной ловли размер рыбы не основной стимул, однако рассказы о подмосковной рыбалке, к сожалению, очень часто не так увлекательны, как о монгольской, и я буду рад, если и читатель, прочитав этот очерк, испытает вместе со мной те чувства, которые испытывал я.

Рис. А. Жигарева

Одна из последних новинок шведской фирмы «ABU» — блесна «Ellips». «Эту приманку, напоминающую по форме большой кривой нож, рыба просто не может пропустить мимо рта», — сказано о ней в каталоге за 1978 г. (тогда она и появилась). «Ellips» — узкая, несколько асимметричная колеблющаяся блесна, которая обладает довольно своеобразной, «трепещущей» игрой. Фирма считает приманку универсальной и рекомендует ее для всех типов хищных рыб, как быстрых, так и медлительных, и для всех способов проводки — на глубине, в полводы, по верху. Выпускается «Ellips» в трех вариантах — 12, 18, 28 г — и четырех цветов — золотого, серебряного, бронзового, черного с золотыми полосами.

К числу относительно недавних разработок шведской фирмы «ABU» относится и «Flipper» — металлическая рыбка с круглым туловищем и пучком красной шерсти на крючке. Она адресована тем, кто увлекается отвесным блеснением и ловит окуня или форель в глубоких ямах. Весит «Flipper» 7 г. Его длина 35 мм.

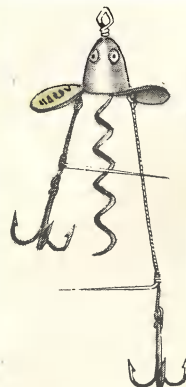
«Prisma» (фирма та же) — приманка, хорошо себя зарекомендовавшая и выпускаемая на протяжении многих лет. Эта тяжелая блесна для ловли трески может весить 28, 40, 100 или 200 г.

Одна из старейших рыболовных фирм мира — английская «Hardy» предлагает несколько вариантов снасточек, и среди них те, что изображены на рисунках. Снасточка «Crocodile» удобна тем, что процесс насаживания на нее малька занимает минимум

времени. Другая — «Corkscrew» — напоминает не что иное, как обыкновенный штопор. Ею лучше пользоваться, когда имеешь дело с рыбками, приготовленными впрок в растворе формалина. После него они становятся упругими и прочно держатся на проволочной спирали.

Обе снасточки снабжены крылышками, что улучшает игру приманки.

Лески бывают мягкие и жесткие. Какие лучше?

Летние и зимние удочки. Донки, кружки имеют смысл оснащать жесткой, упругой леской. Во-первых, она, как правило, легче. Во-вторых, меньше путается. К наиболее жестким относятся «Tortue supercontrol», «Miraculeux nylon» (Франция), «Abulon extra» (Швеция), «Leska» (ГДР), «Nylon reactor», «7000 моно», «Royal bonny» (США), «Chameleon», «Super bicolon-S» (ФРГ) и почти все лески, выпускаемые в Японии.

Напротив, для спиннинга требуется мягкая леска, позволяющая далеко забросить даже легкую приманку. Мягкими считаются «Hardy nylon» (Англия), «Abulon» (Швеция), «Boyer perlon», «Admiral», «Platil extra stark» (ФРГ), «Bonnil line», «Garcia platil» (США).

Вообще, леска — наиболее деликатная и уязвимая часть любой рыболовной снасти, и обращаться с ней нужно бережно. Вот какие советы дает в этом плане одна из западных торговых фирм:

всегда храните леску и катушки с заполненными шпулками в темном прохладном месте; помните, что при интенсивной эксплуатации леска теряет до 25% прочности;

если вы ловите рыбу регулярно, меняйте леску не менее двух раз в сезон.

* * *

Большие возможности открывают перед создателями удильщиков новые материалы. Сегодня, пожалуй, самый перспективный из них — карболит, или угольное волокно.

В прошлом выпуске альманаха в подборке «Калейдоскопа» было рассказано о серии необычайно легких удильщиков японской фирмы «Daiwa», изготовленных из 90% углеволокна. «Решепт», который составила шведская «ABU», — иной. Эта фирма считает наиболее удачным сочетание 70% карболита и 30% стекловолокна. Во-первых, упрощается и удешевляется технология изготовления продукции. Во-вторых, удильщики из чистого карболита, по мнению шведских специалистов, в отдельных случаях оказываются слишком мягкими и вялыми. Кто больше прав — сказать трудно. Но как бы там ни было, а уже появилась целая серия удильщиков «ABU carbolite» — для нахлыста,

кастинга, спиннинга. Самое легкое в серии — спиннинговое удильще «Carbolite 31», рассчитано на заброс приманки до 15 г. При длине 175 см оно весит всего 75 г

Удачную модель катушки для нахлыста выпускает американская фирма «Oreco». Ручки у «Oreco automatic» вообще нет. Ведь эта, как и любая другая нахлыстовая катушка, непосредственно в процессе ловли не участвует, являясь лишь хранили-

щем лески. Когда требуется уменьшить длину последней, рыболов нажимает на курок «Oreco automatic», и под действием пружины шпуля начинает быстро вращаться и наматывает леску. Заводят «Oreco» примерно так же, как заводную игрушку или будильник.

«Самый дешевый способ страхования жизни для рыболова» — так фирма «ABU» рекламирует несложное приспособление, предназначенное для любителей зимней рыбалки. Оно состоит из двух металлических пластин, вставленных в ручки из яркого нетонущего пластика.

Если вдруг неосмотрительный рыболов окажется в воде, приспособление пригодится для того, чтобы самостоятельно из нее выбраться. Скользить руками по краю полыньи не придется. Металлические зубья дают возмож-

ность «зацепиться» за лед, найти точку опоры, подтянуться на руках.

Приспособление складывается наподобие мыльницы. В три у него имеется небольшая выемка, где помещается мотовило с несколькими метрами прочного шнура.

* *

В США более половины из ста фирм, производящих мотолодки, выпускают и специальные их модели для рыболовов. Каждая из фирм рекламирует в среднем десяток рыболовных лодок. Среди них, как правило, есть и крупная, комфортабельная, и предельно простая, дешевая, имеющая минимум оборудования. Характерные черты американских рыболовных лодок для внутренних водоемов — открытый кокпит, наличие в нем приподнятых платформ и вращающихся кресел, специальных шкафов и держателей для снастей.

Часто, купив «голый» корпус, рыболов постепенно сам оснащает его имеющимися в продаже приборами и приспособлениями, в том числе подвесным носовым электромотором с pedalным управлением, которое позволяет менять курс и скорость движения судна, не выпуская удильщика.

На пульте управления лодки кроме приборов контроля за работой двигателя сосредоточиваются устройства, которые помогают выбрать место ловли. Поверхностный и глубинный термометры позволяют определить температуру воды, начиная с верхних ее слоев и кончая глубиной до 30 м. Фирма «Fismaster» предлагает прибор для измерения светопрозрачности воды. Точное измерение глубины, информацию о рельефе дна, наличии водорослей и коряг обеспечивают эхолоты, выпускаемые многими фирмами, в том числе известной рыболовной фирмой «Garcia». Поскольку расселение и клев той или иной породы рыб зависит, помимо всего прочего, от содержания растворенного в воде кислорода, вниманию рыболовов предлагается также специальный полупроводниковый анализатор...

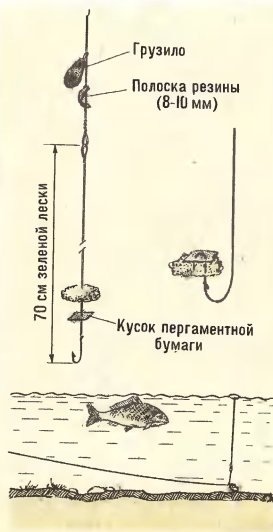
Кроме того, желающие могут приобрести холодильник, грубо-ворсный «морской ковер» на палубу, живорыбный садок с аэратором. Неудивительно, что стоимость «полностью снаряженной» комфортабельной мотолодки из стеклопластика составляет пять-шесть тысяч долларов.

Как и в любом виде спорта, в рыбной ловле есть свои рекорды. Установить их удается, конечно, не каждому и не каждый день. Ведь кроме знания повадок рыб, терпения и мастерского владения снастью нужна еще удача.

Среди тех, кому рыбацкое счастье улыбнулось в 1978 г., — житель Будапешта Ласло Поор. Ему удалось поймать сома весом 53,4 кг. Треску, весившую 35,3 кг, выловил в северных водах Арне Финсен (Гренландия). Курт Рихтер из Ростка (ГДР) поймал судака на 8,26 кг. На счету американца Дж. А. Лонадиера нильский окунь весом ни много ни мало 113,4 кг, пойманный в Эфиопии. Жителю Замбии Адриану Оливье посчастливилось поймать барракуду, весившую 29,2 кг.

В последнее время в рыболовной литературе все чаще появляются сведения о том, что многие считавшиеся до сих пор миролюбивыми рыбы, например карп, линь, красноперка, плотва, хватают блесну или живца. Некоторые рыболовы это уже используют целенаправленно и отправляются, например, ловить спиннингом красноперку. Один из подобных случаев описывает западногерманский журнал «Fisch und Fang». А вот автор из этого журнала М. Ласло однажды наблюдал, как крупный карп разгуливал вблизи поверхности водоема и упорно отказывался от всех обычных приманок. Однако, когда на крючок был насажен малек, карп немедленно клюнул. Подобным образом рыболову удалось поймать 11 карпов весом по 2,5—4,5 кг. В том же журнале сообщается о поимке пескаря спиннингом на маленькую, длиной 3—4 см, блесенку и красноперки — на небольшой воблер.

Рыболовы не перестают искать разные искусные способы, как поймать осторожных и пугливых карпов. Один из таких способов описывает М. Хапсель в журнале «Fisch und Fang». Увидев однажды, что карп весом около 5 кг плавает у самой поверхности, он безуспешно испробовал разные приемы. Поймать же рыбу М. Хапсело удалось только тогда, когда он оснастил удочку так, как показано на рисунке. В качестве насадки использовался кусочек высушенного хлеба.

5 часов и 20 минут понадобилось берлинскому рыболову Х. Цислику для того, чтобы вывести тунца длиной 7,05 м и около 900 кг весом, сообщает журнал «Fisch und Fang». Эта длительная борьба кончилась победой благодаря тому, что несколько удильщиков поочередно менялись и со свежими силами вновь продолжали утомлять крупную рыбу.

Великанов удается поймать не только в водоемах Южного полушария, они встречаются даже в водах побережья Европейского континента. Об этом свидетельствует, например, то, что норвежцу К. Нилсену после 50 часов неудачной рыбалки в конце концов вблизи берегов Норвегии удалось подцепить акулу весом 143,5 кг. Хищница взяла приманку на глубине 230 м. Борьба с рыбой (спиннингом, оснащенным миллиметровой лесой) длилась лишь 17 минут, однако поднять добычу на судно удалось только при помощи крана. Сообщение об этом было напечатано в западногерманском журнале «Blinker».

Новый рекорд ФРГ в поимке сомов установил в 1977 г. Й. Шлайнкофер в реке Нааб. Рекордная рыба весила 62 кг, длина ее была 217 см. Сом пой-

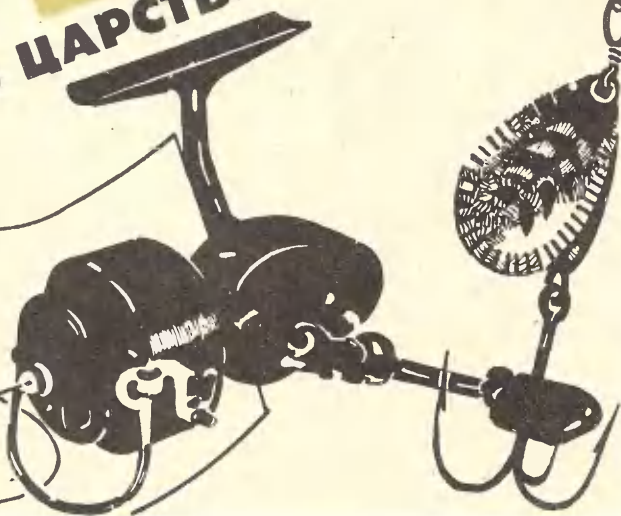
ман на небольшого линя. Вываживание усатого великана на леске диаметром 0,4 мм длилось 45 минут. Надо отметить, что немецкие рыболовы считают, что линь является любимой приманкой для крупных сомов. Новый рекордсмен, как пишет журнал «Blinker», в той же реке уже ранее выловил сомов весом 24 и 34 кг.

Организованные в разных обществах рыболовы Европейского континента представляют собой многомиллионную армию. Об этом можно судить по нескольким примерам. Например, в ФРГ ежегодно выдается около 900 тысяч годичных разрешений на ловлю. В ГДР количество членов союза рыболовов превысило 400 тысяч, в ЧССР насчитывается 240 тысяч, в Венгрии — 150 тысяч, в Румынии — 140 тысяч рыболовов, объединенных в общества. В Австрии 200 тысяч организованных рыболовов.

Рис. А. Калабина

В ЦАРСТВЕ НЕПТУНА

В ГОСТЯХ У ХАРИУСОВ И ТАЙМЕНЕЙ

Много незабываемых встреч с этими удивительными рыбами было у нас летом в Ямало-ненецком национальном округе на реке Лагорте — притоке Войкара.

В верховьях Лагорты на порогах, перекатах и быстринах крупного хариуса можно увидеть почти всегда. Часто даже не нужно отыскивать его: стайки непуганых красавцев с большим плавником с любопытством встречают пловцов в своих подводных угодьях. Под водой хариус красив вдвойне: спина серовато-зеленая, бока светло-серые со слегка буроватыми полосками, брюхо серебристо-белое, плавники оранжевые и фиолетовые. Хариус не любит, когда подводный пловец делает резкие движения. В этом случае стайка скатывается по течению или, наоборот, лавируя между камнями, обходит подводника против течения слева либо справа, словно понимая, что состязаться с ней пловцу в этом случае обычно бессмысленно. При попытке повторить виртуозный проход через хариусную стайку стремительный поток тут же сносит пловца. При плавном сближении стайки позволяют подплывать к ним очень близко, и вот здесь, закрепившись при удаче у какого-нибудь подводного или надводного камня, можно порою очень долго любоваться рыбами. Исключительная прозрачность воды позволяет иногда подсмотреть скрытую от постороннего взгляда жизнь сразу нескольких разрозненных стайек...

Вот в стороне, у большого серого камня метрах в пяти от меня, расположившись головами против течения, мирно пасется стайка из шести хариусов. Многие, перемещаясь прямо у дна, искусно лавируя среди хаотического нагромождения скального грунта, что-то щиплют с обросших мшистым покровом камней. Кстати, один из пойманных впоследствии хариусов из этой стайки помог нам раскрыть содержание их рациона: кроме илоподобной массы и непереваренных насекомых в желудке рыбы мы, к своему большому удивлению, обнаружили очень много мельчайших камушков, по размерам приближающихся к песчинкам.

Невдалеке от слегка пенящихся быстрых струй в поисках корма мигрирует еще одна стайка из трех хариусов. Находясь вполводы, они что-то выискивают в проносящемся водном потоке и, проглатывая съестное, медленно пошевеливают своими белесыми губами. Временами кто-либо из стайки быстро вспархивает к поверхности и, подхватив проплывающее насекомое, плавно опускается на свое место вновь. Близо наблюдая за хариусами, невольно каждый раз останавливаешь взгляд на огромном спинном плавнике, который отличается большим разнообразием расцветки. У одних хариусов цвет плавника почти монотонный, не бросающийся. У других расцветка его необычайно яркая и красивая: внешняя верхняя оранжевая каемка постепенно сменяется сине-голубой и далее раскрывается желтовато-сероватое поле, сплошь усеянное красными крапинками.

Зависнув у омута и дождавшись возвращения поначалу уплывших рыб, испытываешь такое ощущение, что ты находишься внутри большого аквариума. Чистая как слезинка вода, великолепный обзор по сторонам и медленно плавающие в толще воды с полностью раскрытыми плавниками рыба усиливают это впечатление. Постепенно привыкая к пловцу, хариусы без особых опасений снуют рядом. Наиболее любопытный и почти безбоязненный хариус несколько раз подплывал к нам на расстояние вытянутой руки. Любопытным взглядом он рассматривал меня, как будто что-то ожидая. Не ждет ли он и на самом деле чего-либо? Возможно, корма?

И тут как бы сама собой рождается поначалу кажущаяся совершенно неосуществимой мысль: а не попробовать ли подкормить эту осторожную рыбу? Ведь удалось же братьям Лугер путем многолетней дрессировки приучить близкую сестру хариусов еще более осторожную форель делать очаровательные акробатические трюки! А начинали они как обычно — с подкормки червями стаи форелей, обитающих на свободе в мельничном ручье. Но у братьев Лугер было много времени, а у нас?

...Вечерест, но начать эксперимент с под-

кормкой стаи решаю немедленно. Доброжелательное отношение ко мне здешнего хариуса все же вселяет кое-какую надежду. А удачное стечение обстоятельств — на этом месте мы решили сделать три дневки — позволит несколько раз повторить эксперимент! Не тратя времени, быстро всплываю на берег и в полсотне метров ниже омута после нескольких забросов спиннингом выуживаю яростно со-

противляющегося килограммового красавца. Хариус — рыба нежная, и пока я готовлю полиэтиленовые мешочки, он быстро засыпает. Мясо этой рыбы и пойдет на подкормку.

Уложив в небольшой полиэтиленовый пакетик кусочки мелко нарезанной рыбы, возвращаюсь к прежнему омутку, где в Лагорту несколькими рукавами впадает речка Безымянная. Осторожно вплывая в омут, замечаю

уже знакомую хариусную стайку В наступающих сумерках хариусы ведут себя еще более безбоязненно. В плавном, как бы замедленном вечернем хороводе, расправив все плавники, они кружатся в омутке подобно каким-то нереальным, сказочным рыбам. А вот и мой ручной знакомец с чуть-чуть заметным белым пятном на хвостовом плавнике.

Заплыв метра на три вверх по течению, выдавливаю из пакета захваченный для хариусов прикорм. Кусочки рыбы, белыми пятнышками чуть-чуть оседая в воде, выносятся прямо в центр хариусной стайки. Несколько мгновений томительного ожидания, сомнений и... удача! Взаимопонимание достигнуто!

«Безбоязный» смело хватает прикорм, и кусочки рыбы один за другим бесследно исчезают в его белесой пасти. Несколькими мгновениями позже к трапезе присоединились еще три хариуса, а вскоре и вся стая уверенно направляется с приношением. Выдавливаю из пакета остаток корма. Хариусы явно смелеют и бойко подхватывают плывущие по воде и оседающие лакомые кусочки. Вскоре все было съедено. «Безбоязный» смело подплыл ко мне и, плавая рядом, как бы беззвучно просил повторить все сначала.

Ранним утром следующего дня я снова прикармливал хариусов. Разнообразив прикорм, я захватил второй пакетик с кусочками хариусной икры, надеясь, что для моих знакомцев она будет еще большим лакомством. Подплыв к началу омута, выдавливаю на виду у стайки содержимое обоих пакетов... И хариусы вновь не заставили себя долго ждать: довольно бесперомонно рыбы начали поедать корм. Однако, к моему удивлению, икра у них в почете не была. Охотно заглатывая кусочки рыбы, они с некоторой леностью брали в рот кусочки с икрой и, выбрав икринки, выплевывали остатки пленки.

Еще трижды удалось мне потчевать приглянувшуюся хариусную стайку. «Безбоязный» подходил на расстояние вытянутой руки, значительно ближе подплывали и другие рыбы. Какого-то антагонизма или яркого соперничества среди хариусов в попытке захватить корм или отогнать соседа от лакомого кусочка ни в одном из случаев я не заметил...

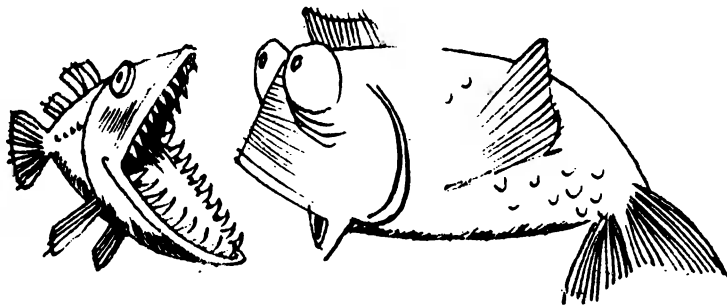
В устье все той же Безымянной речки произошло у нас несколько встреч с двумя таймешатами. По длине приближаясь к метру, они в отличие от своих взрослых сородичей оказались не так пугливы: теснясь и отступая, таймешата скатывались вниз, но от устья речки

далеко не уплывали. Несколько раз нам удавалось подплыть к ним на расстояние двух-трех метров. При нашем приближении таймешата обычно уходили в центр струи, однако противоборство с течением вели недолго: мощно работая хвостом, они постепенно вновь подплывали к берегу, ища укрытие в более спокойных потоках. И вот здесь, почти без движения сплываясь по течению, можно было подплыть к ним наиболее близко. Держась в полуметре ото дна и расположившись широколобой головой против струи, они издали пристально наблюдали за нами. Почти не дыша, слегка подправляя ластами положение своего тела, держась вдоль берега, мы подплывали к рыбам еще ближе. И вот уже совершенно отчетливо просматриваются их тупорылые головы, медленно движущиеся жаберные крышки и буравящие пловца небольшие черные глаза будущих речных разбойников-исполинов. Бойкая хариусная стайка безбоязненно снует прямо под носом одного из них, по-видимому, ничуть не опасаясь нападения. На фоне плавающей хариусной стайки таймешата резко выделяются своими внушительными размерами и ярко-пламенной окраской хвостового оперения. Пытаясь подплыть еще ближе, видимо, нарушаем дозволенный нам интервал — таймешата, словно по команде, одновременно разворачиваются и, попадая в струю, плавно скатываются вниз. Уже не таясь, покинув спасительную береговую кромку, ныряем и мы — но в быстром потоке наши силы, бесспорно, не равны. Нас быстро проносит в стороне над таймешатами и, развернув, уносит в центр реки. На следующий день почти все повторяется: пара таймешат стоит там же, хариусы беспечно плавают невдалеке от них, но дозволенная нам дистанция возрастает уже до четырех-пяти метров.

Несколько раз встречались мы и со взрослыми особями. Но в отличие от таймешат они вели себя намного осторожнее и при нашем приближении немедленно исчезали в бурлящих потоках быстрых прозрачных струй. Уход взрослых тайменей от подводных пловцов тем не менее не носил панический характер — скорее это было вынужденное отступление знающей свою силу рыбы перед все же превосходящим ее по размеру подводным пловцом.

Рис. А. Блоха

АМУРСКИЙ ДИВЕРСАНТ

Эта рыба катастрофически быстро распространилась в больших и малых водоемах европейской части России и, наверное, скоро подберется и к другим местам. Ротан стал настоящим бичом, агрессором многих вод, активно вытесняя из них других рыб. Вот почему рыболовов так волнует судьба тех водоемов, где появился этот хищный бычок. Наши читатели должны познакомиться с биологией и повадками ротана, чтобы знать, какой он приносит вред и как изжить его из водоемов.

В одном из номеров журнала «Рыбоводство и рыболовство» давних времен была напечатана статья о биологии хищной рыбки под названием ротан. Из опубликованного рассказа я узнал, что история эта началась давно: в 1852 г. польский зоолог Бенедикт Дыбовский, исследуя природу Приамурского края, обнаружил в водах Амура странную рыбку, очень похожую на гибрид ерша и окуня. У нее было толстое округлое туловище, два спинных плавника и огромная, занимающая почти треть тела, чуть приплюснутая голова. Большая несоразмерная пасть, усеянная мелкими острыми зубами, выдающаяся вперед нижняя челюсть не оставляли никаких сомнений в том, что перед исследователем один из самых вредных подводных обитателей. Черновато-зеленая, оливковая, а порой и серо-бурая окраска спины сливалась с желтоватыми боками, покрытыми темными пятнами и полосками, образуя неопределенный, размытый рисунок. Весь камуфляж говорил о том, что рыбешка эта — отличный маскировщик, а широкий округлый лопатообразный хвост, мощные грудные плавники подтверждали: хищник может незаметно пролезть сквозь любые подводные джунгли, исподтишка напасть на свою жертву. Незвестная доселе рыбка имела и большое сходство с семейством бычковых, так как вытянутая из воды, безобразно раздувала жаберные крышки, становясь очень похожей на черноморского бычка-подкаменщика.

Вот такой «метис» — помесь ерша, окуня и бычка — был впервые описан в 1877 г. в работе Б. Дыбовского «Рыбы системы вод Амура», где

этому виду и было присвоено звание: ротан, головешка. А в научном справочнике-определителе «Рыбы СССР» я нашел его латинское наименование *Perccottus glehni* Dybowski, где указана фамилия ученого, впервые его описавшего, в честь которого и назван этот вид. В родовом латинском названии исследователь отразил любопытное сочетание признаков окуня (*perc*) и бычка (*cottus*).

В конце прошлого века бычком-головешкой заинтересовались аквариумисты Санкт-Петербурга, и один из любителей комнатных рыб привез их с Амура живьем. Но за стеклянными «берегами» головешки размножаться не захотели, и раздраженный энтузиаст выпустил их в пруд на своей усадьбе. Каково же было удивление, когда через несколько лет при чистке пруда люди обнаружили в нем бурно расплодившихся ротанов. Причем других видов рыб уже и в помине не было: бычки захватили полное господство, начисто изжив коренных жителей пруда — карасей, карпов, лещей, плотву и даже окуня.

Много лет спустя, а точнее в 1948 г., когда в Москву вернулась комплексная экспедиция по изучению вод Амура, бычок-ротан попал в подмосковские пруды и озера. Но история повторилась та же: сначала головешки побывали в аквариумах московских ихтиологов, затем у любителей декоративных рыбок, а потом уже ротаны по незнанию были выпущены в подмосковные водоемы, где быстро акклиматизировались, размножились и показали, на что они способны, став страшным бичом для всех подводных аборигенов. Отсюда орды бычков и начали свое губительное шествие...

Так попал в водоемы европейской части России и теперь успешно расселяется здесь амурский диверсант — ротан-головешка...

Рыболовы знают о нем пока мало, поэтому, появившись в каждом новом водоеме и попав на удочку, он тут же получает местное прозвище. Его длина обычно достигает 15—25 см, вес 250—300 г, а всех имен у бычка не перечесть: зеленчак, петух, песочник, живоглот, кругляк, ротан, жаба, горлач, кузнец, головешка, коваль, травянка, губан...

Как сообщают исследователи, бычок-ротан быстро приспосабливается к новым условиям, хватко, уверенно заселяет и речные заводи, и озера, и пруды, и ручьи, и болота. Выживаемость этой рыбы очень велика: как и вездесущий ерш, он неприхотлив к чистоте воды и содержанию в ней кислорода, а если водоем вымерзает, то ротан зарывается в ил и переживает суровую зиму не хуже карася.

Ротан — агрессор, отличается страшной прожорливостью. Попав в каждый новый водоем, он принимает покровительственную окраску, маскируясь под цвет окружающей среды. Ротаны могут быть и бледно-серыми, и коричневыми, и желтыми, и зеленоватыми, и почти черными. Но попавшись на удочку и оказавшись в светлом садке, как хамелеоны, маскируются: через час-полтора принимают более бледную окраску со светлыми оттенками. Любители комнатных рыб, содержащие ротанов в аквариумах, наблюдали случаи каннибализма: даже в неволе бычки поедали своих собратьев по масти, причем агрессор и жертва иногда были одинакового размера и веса. Но на воле, чтобы добыть себе пропитание и набить свои ненасытные утробы, эти хищники могут объединяться и коллективными усилиями вести охоту, устраивая облавы. Напад на стаю верховок и взяв их в окружение, они чинят сокрушительные погромы, атакуя и глотая одну за другой мечущихся в панике рыбешек. А набив желудки до отказа, погружаются на дно и, как удавы, несколько суток дремлют, ожидая, пока переварится пища.

Ихтиологи и рыбоводы считают ротана опаснейшим вредителем. Он поедает беспозвоночных, рыбку молодь всех видов, собственное потомство, головастиков и, очевидно, лягушат. Известны случаи: щука или окунь, например, заглотив от жадности слишком крупную рыбу, задохнулись и погибли. Но вот как описывает амурского бычка М. Дмитриев, изучивший жизнь этой рыбы: «Удивителен и широк диапазон питания — от дафний до рыб, размеры которых всего на одну треть меньше длины самого ротана. Мощная широкая пасть с выдающейся нижней челюстью позволяют ротану длиной 8 см заглатывать 5—6-сантиметровых рыб при таком же диаметре тела. Захваченную крупную добычу ротан заглатывает постепенно, причем сильные широкие жаберные крышки в течение всего этого периода продолжают спокойно и ритмично двигаться. Очевидно, при таком медленном заглатывании ротан не испытывает каких-либо неудобств с дыханием. Кроме свободно двигаю-

щихся в воде животных ротаны успешно заглатывают насекомых с поверхности воды и различных личинок из толщи грунта. В последнем случае рыба стоит вниз головой, пока не схватит добычу вместе с грунтом. Любопытна способность ротанов наедаться впрок. При обилии пищи диаметр наевшегося ротана может втрое превысить обычный: брюшко сильно вздувается, и ротан опускается на дно. Переваривание пищи может растянуться на двое-трое суток. В это время рыба почти не плавает. В замкнутых водоемах популяции ротана могут поддерживаться на постоянном уровне и при недостатке кормов: крупные экземпляры поедают более мелких». Вот какая алчная, жадная натура!

К сожалению, некоторые чересчур пытливые рыболовы допускают глупейшую ошибку, размышляя примерно так: «А ведь бычок годится и для ловли крупных хищников: он живуч, вынослив, неприхотлив». И там, где бычки развелись в обилии, вылавливают их молодь, вывозят на другие водоемы в качестве живца. Так по незнанию некоторые любители рыбалки, да и многие неразборчивые «радетели» всего живого, выпуская в пруды и озера хищного ротана, совершают большую оплошность, нарушая экологическое равновесие в природе, принося большой вред ихтиофауне наших водоемов.

Как мы уже заметили, бычок-ротан, или головешка, — пресноводное существо. За невероятную жадность ихтиологи и рыбоводы обязали бычка вне закона. Поэтому там, где он появился, ловить его можно круглый год в неограниченном количестве. Кстати, уха из него получается не хуже, чем из ершей.

Хорошо ловится ротан на червя, малька, лягушонка, головастика. Клюет и зимой. Его ловят поплавочной удочкой и снастью с мормышкой. Есть полная уверенность, что этот хапуга бросится и на окуневую блесну. Москвичи удят его так: на леску диаметром 0,15—0,25 мм привязывают два крючка № 4—6 на коротких поводках в 15—20 см друг от друга и в 30—40 см от мормышки, которая находится на конце лески. Поплавок нужен небольшой, а еще лучше поставить на кончик удочки кивок. Бычок хорошо клюет и на мотыля. На одну-две личинки мотыля рыболовы Московской области ухитряются вытащить несколько ротанов. Лучше всего они берут при плавном покачивании наживки вверх-вниз около дна. Ловить надо на отмелях, у затопленных камней, возле коряжника и зарослей прошлогоднего тростника, где этот хищник любит прятаться в ожидании добычи.

Ротан клюет не только круглый год, но и при любой погоде и во все сезоны, не «объявляет» перерывов из-за дождей или ненастья, не пасует перед снижением атмосферного давления, «презирает» сильную жару и тридцатиградусный мороз. А там, где он уничтожил все живое и движущееся, берет на все без разбора, даже на кусочки сырого мяса, рыбы, опарыша, хлеб, тесто, внутренности селетки.

Рис. А. Блоха

Ихтиологи Теодор У. Питш и Дейвид Б. Гробекер (университет штата Калифорния) обнаружили, что в водах, омывающих Филиппинские острова, водится ранее неизвестный вид удильщика, «приманка» которого близко напоминает маленькую рыбку. Открытие было сделано при разборе коллекции тропических рыб, купленных в зоомагазине.

Тело этой рыбы — антенариуса (длиной около 3 см) имеет неправильную форму; оно покрыто кремовыми, коричневыми, красными и черными пятнышками. Рыба обладает гибким ростом, достигающим 27 мм в длину. На его конце уплотненное образование ткани длиной около 14 мм. Это и есть собственно приманка, окрашенная в коричневые и белые тона с двумя черными пигментными точками, имитирующими глаза. Приманка также снабжена вертикальными полосками, нитеобразными волокнами и находящимися в сжатом виде выступами, отчетливо напоминающими плавники. Внешне она практически неотличима от различного вида мелких окуневых, часто встречающихся в водах Филиппинских островов. Неудивительно, что, заведя совершающую плавательные движения приманку, многие рыбы бросаются за ней и попадают в пасть антенариуса.

Исследователи засняли высокоскоростной фильм, иллюстрирующий поведение новооткрытого удильщика. Было зарегистрировано, как он вращает приманку перед своим ротовым отверстием, чтобы подвести к нему жертву. Возникающая при этом вибрация тонких тканей, очевидно, создает в водной среде низкочастотные колебания давления, сходные с теми, что вызывает плывущая рыба. Это служит дополнительным стимулом для охотящейся рыбы, которая сама становится объектом нападения антенариуса.

Когда приманка не нужна, гладкая мускулатура удильщика свертывает ее в плотный комок

неправильной формы, а гибкий удильный выступ ложится назад, вдоль тела своего хозяина.

Если не все, то, по крайней мере, многие люди представляют себе размеры морского окуня. Однако кто может представить, что в природе встречаются морские окуни весом до четверти тонны! Так, в одном из калифорнийских аквариумов жил морской окунь невероятных размеров, вес которого достигал 250 кг. Никто не знал, сколько лет этому великану, поэтому ученые предположительно приписывают ему около сорока.

В природе нередко наблюдаются противоположные явления, то есть когда среди крупных видов рыб встречаются карлики. Обычный сазан достигает длины до одного метра, а веса более 20 кг. В старое время, как рассказывают рыболовы, в реках Закавказья, особенно в Алазани, водились сазаны гораздо крупнее, иногда удавалось вылавливать таких, вес которых подходил к 50 кг. Однако в озерах Улли-Шор-Куль, Корни-Куль и в некоторых других, расположенных в Хорезмской области, водятся поистине карликовые сазаны. Взрослые рыбешки, то есть 3—4-летнего возраста, достигают длины всего лишь 17 см, а веса 122 г.

Карликовые сазаны представляют собой обособленный вид рыб, держатся они обычно у берегов водоемов, в прибрежных зарослях. Когда же заливают поля, засеянные рисом, эти рыбки переселяются туда, где находят для себя условия существования.

В семействе губановых есть маленькие рыбки — чистильщики. Эти животные по своей деятельности очень напоминают некоторых насекомоядных птиц. Подобно тому как птички обирают всевозможных паразитов с тела крупных млекопитающих

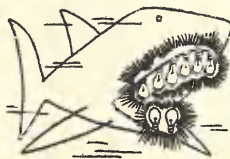
или рептилий, так и рыбки-чистильщики обслуживают своих клиентов в подводном царстве.

Чистильщики избавляют от паразитов крупных и опасных хищных рыб, которые позволяют им заниматься этим делом не только снаружи, но даже открывают свою пасть и терпеливо выжидают, пока проворная рыбка не очистит ее.

Обычно птицы сами следуют за стадами интересующих их животных и там собирают с них насекомых. Рыбы-чистильщики же устроились более выгодно — они постоянно находятся на определенном участке. Их клиенты, чаще всего ставриды-каранги, лущиданы, мурены, когда их как следует доймут кожные паразиты, сами приплывают к чистильщикам на санитарно-гигиеническое обслуживание. Хищные рыбы превращаются в бесконечно смиренных, раскрывают свою пасть и позволяют маленьким рыбешкам проникать туда для благой цели.

Однако в иное время хищные рыбы оказываются неблагодарными к своим помощникам в жизни — чистильщикам. Если эти рыбки попадают там где-то в другом месте, то хищники ловят и пожирают их, как любых других рыбешек. Отсюда вытекает вывод, что хищные рыбы скорее всего привыкают не к самим рыбкам, а к тем участкам, где обитают чистильщики. Или, может быть, кожные паразиты заставляют хищников становиться смиренными.

Индийским ученым удалось добиться смены биологического ритма у пресноводной рыбы сингхи (индийский сомик), которая стала нереститься не один раз в год, а четыре — по одному разу в месяц, начиная с апреля. Для этого рыб содержали в воде с постоянной температурой +25°, ежедневно подвергая воздействию дневного или искусственного освещения на протяжении 14 часов. Двухлетняя проверка пока-

зала, что можно добиться, чтобы нерест начинался еще раньше — в феврале. Для этого необходимо повысить температуру воды, в которой содержится рыба, до $+30^{\circ}$

В районе Гавайских островов была поймана акула до сих пор неизвестного ихтиологам вида. Ее огромная острозубая пасть снабжена множеством люминесцентных точек. Специалисты считают, что таким образом акула приманивает других рыб.

* * *

В последние годы в бразильских водах резко увеличилось количество пираний. Прожорливая хищница нередко нападает на людей. Росту числа рыб способствует строительство ГЭС, не имеющих рыбоходов, в результате чего нарушилась миграция и размножение врага пирании — бразильского крокодила жакаре.

* * *

«Старуха» — так издавна называют эту рыбу канадские эскимосы. Если она случайно попадает им в сети, они тут же вышвыривают ее обратно в море, не давая даже собакам. По глубокому убеждению местных рыбаков, нет в морской пучине более злобного и отвратительного существа, чем эта рыба. И еще здесь почему-то считают, что мозг у «старухи» находится в хвосте, и поэтому она, ко всему прочему, еще и страшно глупа.

А что известно зоологам об этой рыбе? Оказывается, она дальняя родственница тропических мурен и живет за Северным полярным кругом, только в заливе Батерст, и притом на очень ограниченной территории. У нее безобразная голова с огромной пастью и выпуклыми глазами. Челюсть усеяна острыми зубами, а глаза вращаются во всех направлениях так, что создается впечатление, будто она в буквальном смысле слова не спускает глаз с намеченной жертвы, куда бы та не устремлялась. По описаниям выдавших «старуху», она может в течение шести часов жить без воды. Выброшенная на берег, становится очень агрессивной и с дикой злобой набрасывается на каждого, кто приблизится к ней. К этому можно добавить, что слизь, которой покрыто ее туловище, имеет мерзкий зловонный запах.

Рис. А. Блюха

РЫБОЛОВ - БИБЛИОФИЛ

«ПОЙМАТЬ СУДАКА — ЭТО ВЫШЕ И СЛАЖЕ ЛЮБВИ!»

(А. П. Чехов о рыбалке на реке Псёл в 1888—1889 гг.)

Антон Павлович Чехов всей душой любил русскую природу и посвятил ей немало страниц в своих произведениях. Писатель любил побродить по лесу с ружьем, а особенно посидеть с удочкой на берегу реки, озера или даже пруда с карасями. Страстный рыболов, Антон Павлович несколько рассказов посвятил рыбалке и рыболовам. Всем широко известны рассказы «Налим», «Злоумышленник», «Дочь Альбиона», «Рыбье дело», «На мельнице», «На реке». Во многих произведениях и письмах использованы рыболовные сравнения, даны краткие образные характеристики различных рыб. Один из ранних «трактатов по жидкому вопросу» — «Рыбье дело» писатель посвятил людям, «имеющим привычку садиться на одном конце палки, у которой на другом привязаны нитка и червяк...» Это целое юмористическое руководство, где и какую рыбу можно ловить. В первом пункте говорится: «1. Рыбу ловят в океанах, морях, озерах, реках, прудах, а под Москвой также в лужицах и канавах. Примечание. Самая крупная рыба ловится в живорыбных лавках» (Полн. собр. соч., т. IV, с. 303).

А. П. Чехов и сам любил половить рыбу в Подмоскovie. Снимая дачу, он всегда выбирал место рядом с рекой. А когда купил в 1892 г. имение Мелихово в Серпуховском уезде, то разводил в прудах карасей и другую рыбу.

Много радостных дней с удочкой провел он возле усадьбы Бабино под Истрой. А два лета отдыхал и рыбачил на реке Псёл под Сумами. Об этом золотом времени он не раз говорил в письмах друзьям и родным.

О том, как А. П. Чехов рыбачил 90 лет назад, и пойдет речь в этих заметках.

В 1888 г. А. П. Чехов решает изменить усадьбе Бабино под Истрой (ныне Воскресенск Московской области), где он обычно проводил лето, и начинает искать дачу на Украине — в Славянске, на Азовском море, в Сумах и других местах. В. Г. Короленко приглашал Антона Павловича провести это лето на Волге, но Чехов отказался.

И уже 25 марта Антон Павлович пишет Я. Н. Полонскому: «Я нанял себе дачу около

города Сумы на реке Псёл. Место поэтическое, изобилующее теплом, лесами, хохлами, рыбой и раками. От дачи недалеко Полтава, Ахтырка и другие прославленные хохлацкие места. Понятно, что я дорого дал бы за удовольствие пригласить Вас с Вашей музой и красками на лог попутешествовать с Вами вдоль и поперек Хохландии, от Дона до Днестра» (т. XIV, с. 59).

А. П. Чехов нашел дачу на окраине Сум на реке Псёл, левом притоке Днестра: «Я нанял флигель в усадьбе, за 100 рублей в лето; флигель с трех сторон окружен садом; близки пруд и река» (т. XIV, с. 61).

Писателя радовала возможность предстоящей рыбалки, и он 31 марта пишет А. Н. Плещееву: «Псёл река глубокая, широкая, богатая рыбой и раками. Кроме него, на моей даче имеется еще пруд с карасями, отделенный от реки плотиной. Дача расположена у подошвы горы, покрытой садом. Кругом леса. Изобилие барышень» (т. XIV, с. 65).

Ему хочется «окунуться в безделье», рано вставать, рано ложиться, «ловить рыбу, сидеть по ярмаркам, музицировать и больше ничего». И Антон Павлович приглашает поэта Плещеева к себе на дачу.

В написанном на следующий день письме Г. М. Чехову он и его приглашает на новую дачу, отмечая, что «Псёл река рыбная. Поехали бы мы вместе рыбу ловить».

Писателю хочется отдохнуть. Ничего крупного писать не хочется. Думает между делом писать только разные мелочи. Мечтает видеть у себя на даче А. С. Суворина. Интересно, что он предлагает издателю взять на себя заботу о покупке рыболовных снастей.

«У завзятых рыболовов, — пишет он, — есть примета: чем дешевле и хуже снасти, тем лучше ловится рыба. Я обыкновенно покупаю сырой материал и уж из него сам делаю то, что нужно» (т. XIV, с. 70).

С подобным же предложением А. П. Чехов обращается и к И. Л. Леонтьеву (Щеглову). С восторгом он восклицает: «Какая река! Какая рыбная ловля! Знаете что? Махните на все

рукой, пошлите все к чортовой матери и ре-
шайтесь» (т. XIV, с. 85).

Своим друзьям он сообщает, как лучше
доехать, на каком поезде.

И 5 мая семья Чехова двинулась на юг.
Сообщая об этом брату Ал. П. Чехову, Антон
Павлович шутливо комментирует: «Деньги на
проезд есть, а что будем кушать в Сумах,
про то не знаю... Буду ловить рыбу и ею питать
своих престарелых родителей» (т. XIV, с. 88).

Так, в мае 1888 г. на рыбную живописную
реку приехал бодрый, веселый молодой чело-
век, любитель рыбалки, которому не было
еще и 30 лет, — писатель Антон Павлович
Чехов.

М. П. Чехов — брат писателя — был послан
осмотреть усадьбу Линтваревых в Сумах, но-
вую дачу Антона Павловича. После получен-
ного от М. П. Чехова письма А. П. Чехов
вновь пишет А. Н. Плещееву: «Природа —
пишет он (М. П. Чехов. — В. П.), — чудная,
река шире и глубже Москвы-реки, сад старый-
престарый, запущенный, двор с грязной, не-
высыхающей лужей, две эмансипированные ба-
рышни и проч. Удобств никаких. Комфорта,
которого Вы боитесь, нет и в зародыше. Крыль-
цо обвалилось, и вся усадьба представляет
из себя непоэтическую руину. Мебель, по выра-
жению письма, паскудная... Вот в какое гнез-
дышко я хочу затянуть Вас! Как оно ни плохо,
но, думаю, оно здоровее и просторнее питер-
ской тундры. Приезжайте непременно» (т. XIV,
с. 96). И продолжает: «В реке Псле водятся,
между прочим, судаки и карпии. Жалко, что
Вы не рыболов! Поймать судака — это выше и
слаже любви!» (т. XIV, с. 96).

Дача и Псел А. П. Чехову сразу же понрави-
лись. В письме И. П. Чехову он передает свои
первые впечатления: «Иван! Мы приехали.
Дача великолепна. Мишка наврал. Местность
поэтична, флигель просторный и чистенький,
мебель удобная и в изобилии. Комнаты светлы
и красивые, хозяева, по-видимому, любезны.

Пруд громадный, с версту длиной. Судя
по его виду, рыбы в нем до чорта. Передай
папаше, что мы его ждем и что ему будет по-
койно. Бабкино в сравнении с теперешней да-
чей гроша медного не стоит. Один ночной
шум может с ума свести! Пахнет чудно, сад
старый-престарый, хохлы смешные, двор чист-
енький. Нет и следа лужи.

Жара ужасная. Нет сил ходить в крахмаль-
ной сорочке.

Поклонись всем и будь здоров. Ехать до
Сум скучно и утомительно...

Я задержу здесь папашу на 3 недели. Очень
уж хорошо! Твой А. Чехов.

Река шире Москвы-реки. Лодок и островов
много. Подробности завтра или послезавтра»
(т. XIV, с. 103).

И на следующий день в письме брату вновь
восхищается Пслом, прудом и плотиной, боль-
шой мельницей, красивым высоким берегом
реки, на которой «великолепная рыбная ловля».
И заключает: «Ловлю рыбу, но не очень.
Живцов еще не ставил. Окунь берут, как в Ба-
бкине ерши. Пришли мне крючков и штаны»
(т. XIV, с. 106).

Здесь же на даче Антон Павлович познако-
мился со служащим сахарозавода Артеменко,
«страстным рыболовом», который «ловит каж-
дую ночь громадных сомов». Украинцы, за-
мечает писатель, «страстные рыболовы. Я уже
со многими знаком и учусь у них премудрости»
(т. XIV, с. 107).

В своеобразном отчете брату Ивану Антон
Павлович, сообщая о первых днях пребывания
на даче, по пунктам отмечает: «3) Река широка,
глубока и красива. Водятся в ней следующие
рыбы: окунь, чебак, язь, судак, белизна (порода
шелишпера), голавль, плотва, сом, сибиль,
щука ласкирка... Первая рыба, какую я поймал
на удочку, была щука, вторая — большой окунь.
Окуней здесь ловят на рагьи шейки. Раков —
тьма-тьмушая. В пруде не клюет.

4) Удилища есть, поплавки тоже. Привези
возможно больше всяких крючков, очень боль-
ших, средних и очень малых, немного с воло-
сками для нас и много без волосков для раздачи
хохлам и хохлятам. Требуются большие крюч-
ки для сомов — такой (здесь рисунок) или
чутьочку даже больше. Привези лесок и струн.
Лодок здесь много, и рыбу ловят с лодок.
Жерлиц не крадут» (т. XIV, с. 107).

С восторгом о новой даче, о реке, об окру-
жающей «величественной» природе А. П. Чехов
пишет И. Л. Леонтьеву (Щеглову), К. С. Баран-
цевичу, Н. А. Лейкину, А. С. Киселеву, В. Г. Ко-
роленко, А. С. Суворину.

«Что за места! Я положительно очаро-
ван!» — не раз восклицает он (т. XIV
с. 124).

А кроме природы Антон Павлович Чехов
нашел здесь много интересных людей.

В письмах родным и друзьям писатель то
и дело рассказывает о своей рыбалке.

К. С. Баранцевичу: «Жарко! Иду сейчас
на пруд ловить карасей кашей, а сестра едет
на реку ловить окуней. Закину на Ваше
счастье...» (т. XIV, с. 112).

Ал. П. Чехову: «Природа чудеснейшая, запахающая за пояс все, что я видел где-либо доселе. Люди новые, оригинальные, житье дешевое, сытое, тепла много. Досуга изобилие. А сколько рыбы и раков!» (т. XIV, с. 113).

А. С. Суворину: «Живу я на берегу Псла, во флигеле старой, барской усадьбы. Нанял я дачу заглазно, наугад и пока еще не раскаялся в этом. Река широка, глубока, изобильна островами, рыбой и раками, берега красивы, зелени много... А главное, просторно до такой степени, что за свои сто рублей я получил право жить на пространстве, которому не видно конца» (т. XIV, с. 115).

А. Н. Плещееву: «Каждый день я езжу в лодке на мельницу, а вечерами с маньяками-рыболовами с завода Харитоненко отправляюсь на острова ловить рыбу. Разговоры бывают интересные. Под Троицу все маньяки будут ночевать на островах и всю ночь ловить рыбу:

хал я от тревог... Усадьба «Лука», 1888 г. 6-го июня»*

Затем приехал навестить А. П. Чехова «страстный раколов» К. С. Баранцевич. Это малоизвестный теперь беллетрист, который начал литературную деятельность почти в одно время с А. П. Чеховым и долго дружил с ним.

А. С. Суворин, как сообщал А. П. Чехов сестре Марии Павловне, «подарил... 2 лодки и линейку. Лодки, говорит, великолепные. Я стараюсь, чтобы их выслали на Псел. Куплены они в петербургском яхт-клубе. Одна парусная» (т. XIV, с. 137—138). В марте 1889 г. Суворин наконец-то отправил эти лодки на Луку к Линтваревым, куда А. П. Чехов собирался и на второе лето.

В июле А. П. Чехов «целый месяц беспутно шатался по Крыму и Кавказу» и 7 августа вернулся в Сумы. В Москву писателю не хочется: «Каналья Псел, как нарочно, с каждым днем становится все красивее, погода прекрас-

Рис. А. Блоха

я тоже. Есть типы превосходные» (т. XIV, с. 116).

«Артеменко поймал сегодня щуку, а я вынул из вентерей 6 карасей» (т. XIV, с. 124).

В Сумы к Чехову погостить приезжал А. Н. Плещеев. И когда тот уехал, писатель благодаря поэту за посещение признавался ему: «3 недели, проведенные мною на Луке в Вашем незаменимом обществе, составляют одну из лучших и интереснейших страничек моей биографии» (т. XIV, с. 123).

А. Н. Плещеев в Сумах на даче Линтваревых тесно сблизился с семьей Чехова и посвятил писателю стихотворение «Антону Павловичу Чехову»: «Цветущий мирный уголок, где отды-

ная; с поля возят хлеб... Вероятно, и будущее лето я буду жить на Псле» (т. XIV, с. 150).

В начале сентября А. П. Чехов после отдыха уехал в Москву.

Нередко в рассказах, сценах, письмах Антон Павлович использует близкие его сердцу сравнения из жизни рыб и практики рыбной ловли. Например, в письмах А. С. Суворину: «Можно не любить театр и ругать его и в то же время с удовольствием ставить пьесы. Ставить пьесу я люблю так же, как ловить рыбу и раков: закинешь удочку и ждешь, что из этого выйдет?

* См. Полн. собр. стихотворений Плещеева, 4-е, доп., изд. СПб., 1905.

А в Общество за получением гонорара идешь с таким же чувством, с каким идешь глядеть в вершу или в вентерь: много ли за ночь окуней и раков поймалось? Забава приятная». Ему же: «Денги у меня плывут со скоростью окуня, которого укусила за хвост щука. Трачу без конца и не знаю, когда кончу тратить» (т. XIV, с. 349).

Н. А. Лейкину: «В голове кишат темы, как рыба в плесе» (т. XIV, с. 372)

Из Москвы А. П. Чехов пишет Е. М. Линтваревой, что получил Пушкинскую премию, и с юмором комментирует: «Это должно быть, за то, что я раков ловил» (т. XIV, с. 187). И затем с некоторым сожалением продолжает: «Премия, телеграммы, поздравления, приятели, актеры, актрисы, пьесы — все это выбило меня из колеи. Прошлое туманится в голове, я ошалел; тина и чертовщина городской, литературской суеты охватывают меня, как спирт-осминог. Все пропало! Прощай лето, прощайте раки, рыба, остроносые челноки, прощай моя лень, прощай голубенький костюмчик» (т. XIV, с. 187).

В феврале 1889 г. Антон Павлович пишет Линтваревой, что начинает «решать дачный вопрос» и большинство близких «склоняется на сторону Луки, чему я, конечно, рад» (т. XIV, с. 307). А в письме И. Л. Леонтьеву (Щеглову) пишет: «Голова моя занята мыслями о лете и даче. Денно и ночью мечтаю о хуторе. Я не Потемкин, а Цинцинат. Лежанье на сене и пойманный на удочку окунь удовлетворяют мое чувство гораздо осязательнее, чем рецензии и аплодирующая галерея. Я, очевидно, урод и плебей» (т. XIV, с. 314).

В апреле 1889 г. А. П. Чехов вновь приехал в Сумы и опять остановился у Линтваревых. В. Н. Давыдову он писал: «Живу я теперь на лоне природы, сплю, ловлю раков и страдаю желудком» (т. XIV, с. 351).

М. П. Чеховой: «Воздух великолепный, Пёсел величественно ласков. Вершу довели благополучно» (т. XIV, с. 352).

А. С. Суворину в начале мая 1889 г. А. П. Чехов сообщал, что лодки еще не присланы. «Хозяйские лодки где-то в лесу у лесника. Ограничиваюсь поэтому только хождением по берегу и острою завистью к рыбакам, которые снуют по Пселу на своих челноках. Встаю я рано, ложусь рано, ем много, пишу и читаю» (т. XIV, с. 353).

А в следующем письме из Сум целая поэтическая исповедь: «Пишу Вам, дорогой Алексей Сергеевич, вернувшись с охоты: ловил раков. Погода чудесная. Все поет, цветет, блещет

красотой. Сад уж совсем зеленый, даже дубы распустились. Стволы яблонь, груш, вишен и слив выкрашены от червей в белую краску, цветут все эти деревья бело, отчего поразительно похожи на невест во время венчания: белые платья, белые цветы и такой невинный вид, точно им стыдно, что на них смотрят. Каждый день рождаются миллиарды существ. Соловьи, бугаи, кукушки и прочие пернатые твари кричат безумолку день и ночь, им аккомпанируют лягушки. Каждый час дня и ночи имеет какую-либо свою особенность. Так, в девятом часу вечера стоит в саду буквально рев от майских жуков. Ночи лунные, дни яркие. Сего ради настроение у меня хорошее, и если б не кашляющий художник и не комары, от которых не помогает даже рецентура Эльпе, то я был бы совершенным Потемкиным. Природа очень хорошее успокоительное средство» (т. XIV, с. 355).

Но вместе с тем А. П. Чехову было очень тяжело. Рядом умирал брат, больной чахоткой художник, «безумолку кашляющий» и навоявший уныние на окружающих...

17 июня 1889 г. брат Николай скончался. Это очень тяжело подействовало на Антона Павловича. Письма становятся серьезными.

Писателю очень больно. «Вероятно, я уеду куда-нибудь, — пишет он 26 июня А. Н. Плещеву. — Куда?..» (т. XIV, с. 380).

В Сумах Антон Павлович оставаться больше не мог. И он уехал в Ялту, хотя и здесь скучал по Луке. В августе А. П. Чехов вновь в Сумах, понемногу рыбачит. 29 августа он пишет И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «Погода великолепная. Нужно бы работать, а солнце и рыбная ловля за шиворот тащат прочь от стола» (т. XIV, с. 390).

Но и тут писатель не находит себе места. Воспоминания о смерти брата слишком тяжелы. И в ночь с 3 на 4 сентября А. П. Чехов выехал «на товарно-каторжном поезде в Москву» (т. XIV, с. 390).

Так закончилось второе лето на Псле...

Впоследствии А. П. Чехову еще только один раз удалось неделю провести на «великолепном» Псле (в 1894 г.). «Это такая поэзия, — признавался он, — что хоть отбавляй» (т. XIV, с. 158 — 159).

Антон Павлович не раз бывал на южных российских курортах, в живописных местах за границей, но часто с сожалением вспоминал прекрасную украинскую реку. «Аббация и Адриатическое море великолепны, — замечал он в одном из писем в сентябре 1894 года, — но Лука и Пёсел лучше» (т. XV, с. 167).

ЛОВЛЯ РЫБЫ В ПРОВОДКУ

В. Н. Нагорный — автор нескольких книг по рыбной ловле. Книги В. Н. Нагорного написаны «сухим» языком, иногда непривычным для современного читателя. Однако ценность их в другом — в самом детальном раскрытии тем, которые выбирает автор.

Книга «Ловля рыбы в проводку» вышла в 1936 г. во Всесоюзном кооперативном издательстве (Москва — Ленинград) тиражом всего 6 тысяч экземпляров и уже давно стала библиографической редкостью. Автор рассказывает в ней многие ужения в проводку, подробно рассказывает об оснащении лодки, снастях, насадке и прикормке, дает характеристику наиболее популярных рыб. Сегодня мы публикуем в сокращении две главы из книги: «Выбор места» и «Техника ловли в проводку».

Выбор места

Пятым и последним условием при ловле в проводку является выбор места. Для этого на постоянных местах ловли лучше всего предварительно промерить или прошупать шестом дно или измерить с помощью глубокомера весь район будущих ловель и выбирать места для ловли, руководствуясь следующими соображениями: течение на выбранном месте должно быть ровным — без водоворотов; дно впереди лодки на протяжении пробега снасти должно быть чистым без карчей, травы и т. п. — и ровным (без камней). Допустимо небольшое, на 4—6 см, повышение его в конце пробега снасти, но отнюдь на скат. Большим плюсом будет, если за линией окончания пробега дно реки загружено комьями земли, большими камнями, затонувшими деревьями, кустами и т. п.

Хорошим местом, часто встречающимся под крутоярами или у берегов с нависшими над водой деревьями и кустами, будет продольная канавка и вообще всякое понижение дна в виде канавки или протоки, которые служат тропой для подхода рыбы. Над этими углублениями и надо ставить лодку (рис. 1).

Необходимо упомянуть еще о следующем месте: на небольших реках типа Москвы-реки часто незначительная (около 0,5 м) глубина обрывом сразу переходит в глубину 2 и более метров; в этом случае лодка ставится на мели на 0,5 м выше линии этого обрыва. Благодаря ее маскировке даже такая осторожная рыба, как крупный голавль, нередко подходит к самому обрыву, подбирая сносимую вниз течением прикормку (рис. 2).

В заранее вымеренных местах после постановки лодки на место определяется глубокомером глубина только на день ловли, могущая измениться со временем последней ловли вследствие прибыли или убыли воды, в незнакомом же районе, где по внешним своим признакам (береговой линии, течению и т. п.), показавшимся рыболову подходящими для ловли, надо тщательно определить профиль дна места ловли, для чего после установки

лодки при помощи глубокомера измеряется река как прямо вдоль от лодки (вниз по течению), так и в стороны от нее. Последнее делается для того, чтобы в случае обнаружения вправо или влево от лодки упомянутого выше понижения дна можно было бы до начала ловли передвинуть ее и поставить над этой канавкой.

По выполнении всех предварительных действий окончательно определяется глубина места ловли, для чего поплавков закрепляется на такой точке лесе, чтобы при прохождении над опущенным на дно глубокомером он полулежал на воде. На глубоких местах или на местах с быстрым течением его можно передвинуть даже выше. При таком положении насадка не будет волочиться по дну, так как леса при пробеге от поплавка вниз идет не строго вертикально, а с некоторым наклоном вперед в нижней своей части, и чем течение быстрее, тем эта кривая больше.

В случае зацепления за растущую на дне невысокую траву необходимо глубину огружения поплавка уменьшить, точно так же видоизменить ее в ту или другую сторону в случае плохого клева, и часто передвигаю поплавок на несколько сантиметров меняет в корне картину клева.

Как общее правило, можно указать, что рыба, гоняясь за размываемой по дну прикормкой, держится преимущественно около дна, но нет правила без исключений, и иногда, вероятно с изменением барометрического давления, она поднимается гораздо выше, в соответствии с чем необходимо поднимать и насадку. Показателем такого поднятия рыбы от дна служат частые хватки ее «на вытяжке». Из описания самого процесса ловли это будет наиболее понятно. В момент выбрасывания насадки, подлеска и лесе с поплавком в воду у борта лодки удилице поднимается вертикально, при длинной лесе — часто даже на вытянутой вверх руке с целью уменьшить провисание лесе от конца удилицы до поплавка и тем самым лучше реагировать подсечкой на могущую последовать поклевку.

По мере удаления поплавка по течению и вытягивания лесе удилицу дают все более наклонное

положение, почти до горизонтального, когда леса вытянется в прямую линию. В этот момент поплавок, сдерживаемый натяжением лесы, начинает затягиваться течением в воду, леса ниже его тоже натягивается — выпрямляется, и насадка, естественно, приподнимается ото дна. В таком положении рыба, стоящая выше дна, а иногда и держащаяся на дне, видя ускользящую от нее куда-то

садки в него рыбы; в таких садках рыба не так бьется течением и дольше остается живой.

Техника ловли в проводку

Техника ловли в проводку значительно разнится от техники ловли на озерно-прудовую снасть, и рыболов-новичок, искушенный в ловле на озерно-

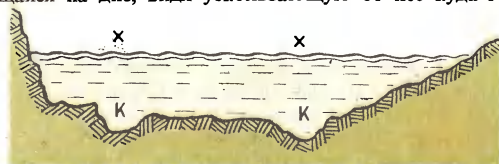

Рис. 1. Профиль дна реки:

К — понижение дна, под которым ставится лодка (Х)

Рис. 2. Профиль дна реки:

Х — место постановки лодки

добычу, хватает ее — это и называется хваткой «на вытяжке».

Учитывая то обстоятельство, что при этом часто берется крупная рыба, в особенности голавль, держащийся преимущественно в полводы, необходимо не допускать вытяжения лесы в одну прямую линию с удильщиком и всегда оставлять небольшой тупой угол между ними, в противном случае, особенно при ловле без катушки, обрыв снасти почти неизбежен.

Как второе общее указание для постановки глубины спуска при ловле рыбы различных пород можно привести, что язь, лещ, подуст и пескарь берутся преимущественно на насадку, плывущую почти по дну, голавль же, плотва, елец и редко попадающийся окунь — выше.

Необходимо еще заметить, что при ловле в проводку на одном и том же месте в течение двух дней подряд надо на второй день проверить глубину спуска снасти. Не раз даже с опытными проводочниками случалось, что вместо хорошей рыбы, бравшейся накануне, попадались плотичка, ельчик, даже уклейка... Оказывается, где-то выше по течению прошел дождь и вода прибывла на 6—8 см, тогда как часто изменение спуска на 2—3 см меняет всю картину клева.

Иногда рыба — плотва и елец — осенью подходит вплотную к лодке и хватает насадку в момент достижения ею дна. В этом случае необходимо укоротить лесу или пользоваться укороченным, до 1,5 м, удильщиком с соответственно укороченной лесой, что значительно облегчит подсечку.

Кроме описанного выше снаряжения рыболова-проводочника он должен быть вооружен подсачком (без которого не следует рисковать тащить на тонкой снасти даже крупную плотву или подуста), небольшим (10—12 см) экстрактором, сделанным из толстой медной проволоки для извлечения засевших в полости рта рыбы крючков, глубокомером и садком, лучше плетеным, корзинкой или бочонком с сетчатым или матерчатым рукавом для по-

прудовую снасть и досконально изучивший, в какой момент при ловле различных пород рыб нужно произвести подсечку, в начале ловли в проводку будет делать много досадных промахов, по привычке ожидая, когда рыба «поведет», «положит» или «окунет» его поплавок.

При ловле в проводку рыба только на мгновение втягивает в рот плывущую на нее или мимо нее насадку, почувствовав же сопротивление или, возможно, укол крючка, немедленно выбрасывает ее. Поэтому и важна указанная выше острота крючка и точное огружение поплавка, позволяющее заметить малейшее прикосновение рыбы к насадке и дающее возможность рыболову реагировать на этот едва заметный «нажим» немедленной подсечкой.

Усилие, затрачиваемое на подсечку, находится в прямой зависимости от глубины места ловли, но, во всяком случае, подсечка должна быть произведена мягким (не резким), но довольно упругим движением кисти руки; такое движение вполне достаточно для того, чтобы заставить острый крючок впиться в покровы рта рыбы. Более резкая подсечка принесет новичку в виде трофеев разве кусочек слизистой оболочки полости рта рыбы, при хватке же крупной заставит навсегда проститься с поводком и даже с частью лесы.

Такая же мягкая подсечка необходима каждый раз при окончании пробега снасти в положении «на вытяжке».

После подсечки на пути пробега снасти, не давшей никаких результатов, пробег снасти продолжается, так как при ловле в проводку отпадает причина, заставляющая рыболова при других способах ловли после безрезультатной подсечки осматривать насадку с целью скрыть в ней оголенный крючок, ибо жало крючка, как было указано, остается постоянно свободным, и только при подтаскивании насадки к лодке для возобновления нового пробега надо каждый раз смотреть, цела ли насадка.

Второе, что должен усвоить новичок, — это

искусно владеть снастью после поимки рыбы, в особенности крупной. Никогда не следует после поимки сейчас же перехватывать лесу рукой, а подержать добычу (кроме мелочи) некоторое время на удилище, поводя на кругах, и только по утомлении подводить ее к лодке, и тогда, перехватив лесу руками, подхватывать добычу подсачеком. В этом случае снова скажется преимущество бегучей снасти, позволяющее довести рыбу до подсачека, не перехватывая лесу рукой.

При хорошем клеве рыболову не приходится особенно изощряться, но при плохом, когда не дают никакого результата ни изменение глубины спуска, ни смена насадок, рыболов, как и при других способах ловли, должен проявить свою инициативу и постараться найти пути к выяснению причин такого «бойкота».

Как иллюстрацию приведу следующие два случая: был «ход» язя, и на базе рыболовной станции Московского общества спортивного ужения рыбы все ловившие даже не на «язевых» местах уехали с хорошим уловом. Уступив наши места приехавшим на базу гостям и занявшись вместо ловли в проводку нахлыстом, я с моим постоянным в то время спутником И. Н. Комаровым, питая самые радужные надежды на предстоящий на следующий день успех на прикормленных уже местах, утром, на заре, заняли одно из лучших мест, на котором накануне было выведено порядочное количество язей и подъязков.

К удивлению и разочарованию нашему, к 7 часам утра в садках наших было едва лишь по десятку мелочи — ельцов и плотвы и несколько небольших подъязков. Погода была прекрасная, барометр стоял высоко, и такое «игнорирование» рыбой самых заманчивых насадок было необъяснимо.

Просидев почти безрезультатно еще с полчаса, И. Н. вдруг с решительным видом положил удочку на борт лодки, запустил руку в садок, вынул из него одну из пойманных плотвиц и вскрыл ее ножом. И что же? Вся полость кишечника ее была наполнена какой-то серой массой, при внимательном рассмотрении оказавшейся остатками поденки. Надо заметить, что во время вылета поденки рыба наедается ею до пресыщения и никакую другую насадку, кроме нее, в это время не берет.

Попытки наши наживить крючки выловленными в воде поденками оказались неудачными: от долгого пребывания в воде они были настолько слабыми, что их тотчас же сбивало течением. Пришлось бросить ловлю в проводку и перейти на спиннинг.

При втором аналогичном случае необъяснимо по внешним признакам плохого улова вскрытие рыбы показало, что желудок ее также наполнен, но не поденкой, а зеленью. На этот раз собранная со свай плоты свежая зелень дала нам несколько часов оживленной ловли.

СОДЕРЖАНИЕ

У РЫБАЦКОГО КОСТРА	Анатолий Онегов. Тайна льда	4
	Виктор Астафьев, лауреат Государственной премии СССР. Рыбак-Грохотало	12
	Валерий Артюшин. Корень	17
	Богдан Гамера. Хорошая вода	19
	Владимир Черкасов. Там, над рекой, поднималось солнце	26
	Ральт Федоров. Кот, который говорил «мяу»	28
	Борис Орешкин. Ненужный улов	30
	Ульрих Базан. Мои друзья-рыболовы	35
	Рисуют Сергей Тюнин и Олег Теслер	38
	Е. Огнев, заместитель начальника Главрыбвода СССР. Наши проблемы (о подготовке новых правил по любительскому рыболовству)	42
КЛУБ РЫБОЛОВА	Т. Соловьев. Хороший пример	48
	А. Мартынов. Новые правила соревнований по рыболовному спорту.	51
С УДОЧКОЙ И РЮКЗАКОМ	Г. Гиргенс. Все времена года	56
	Ю. Ценин. Есть таймени на Куойке	62
	Г. Сазонов. Страсти рыбацкие	64
	А. Зайцев. Счастливые острова	72
	Здесь стоит побывать	75
КРУПИЦЫ МАСТЕРСТВА	О. Соболев. Поплавочная удочка и спорт	80
	Я. Антрис. Охота сложная, охота увлекательная!	94
	А. Лаутин. Со спиннингом за голавлем	100
	О. Басов. Рыбка-новосел	104
	А. Гусаков. Какая катушка? Почему?	106
	Из рыболовной практики	111
	<u>М. Заборский.</u> Зимой за окунем	114
НОВИЧКИ НА ВОДОЕМЕ	И. Федотенков. Что, где, когда (об особенностях биологии и ужения некоторых рыб)	120
	В. Удалов. В Чехословакии	124
ПО МЕРИДИАНАМ	Л. Прозоровский. На разных широтах	131
	М. Ойзерман. В Северной Монголии	136
	Калейдоскоп	140
	М. Савельев. В гостях у хариусов и тайменей	144
В ЦАРСТВЕ НЕПТУНА	М. Калугин. Амурский диверсант	147
	Хроника царства Нептуна	149
РЫБОЛОВ- БИБЛИОФИЛ	В. Пельт, профессор, доктор филологических наук. «Поймать судака — это выше и слаже любви!»	
	(А.П. Чехов о рыбалке на реке Псёл в 1888—1889 гг.)	152
	В. Нагорный. Ловля рыбы в проводку	156

РЫБОЛОВ-СПОРТСМЕН

Альманах. 40

Составитель **Иван Александрович Федотенков**

Заведующий редакцией Э. П. Княв. Редактор В. В. Баранчук. Художники А. В. Семенов, Б. А. Федотов. Художественный редактор Ю. В. Архангельский. Технический редактор С. С. Басипова. Корректор В. А. Шашкова.

ИБ № 842. Сдано в набор 11.06.79. Подписано к печати 18.01.80. А02810. Формат 70 × 90/16. Бумага офс. Фотонабор. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,70. Уч.-изд. л. 16,86. Тираж 200 000 экз. Издат. № 6166. Зак. 427. Цена 1 р. 60 к.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 101421. Москва, К-6, Каляевская ул., 27.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
150014, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ЧИТАЙТЕ В
СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ:

о спортивной ловле
леща, плотвы и
других глубоководных
рыб, об особенностях и
различиях поведения
и ужения хариуса в
водоемах северо-западных
и северо-восточных
районов страны,
о биологии и ловле
малоизвестного вида
гольца на Каре и кунджи
на реках и озерах
Сахалина и Курил.

